

Василий Лягоскин

ТАЙНА ПРОЛИВА «ВРАТА СКОРБИ»

Том первый

Василий Лягоскин

**Тайна пролива «Врата
скорби». Том первый**

«Издательские решения»

Лягоскин В. И.

Тайна пролива «Врата скорби». Том первый / В. И. Лягоскин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832346-1

Это первый том исправленной и дополненной версии научно-фантастического повествования «Дома мы не нужны». История приключений подполковника Кудрявцева и его друзей в далеком прошлом — от первых мгновений, когда они оказались в мире неандертальцев и доисторических хищников, до того дня, когда люди, победившие в борьбе за существование, смогли бросить вызов таинственному Спящему богу. За семьдесят тысяч лет до наших дней самым главным в их жизни оказались честь, мужество, дружба, любовь...

ISBN 978-5-44-832346-1

© Лягоскин В. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Кудрявцев. День первый. Около девяти утра	6
Глава 2. Профессор Романов. День первый – до полудня	18
Глава 3. Сауд Аль-Бакри. День первый. И последний	33
Глава 4. Подполковник Кудрявцев. День первый, продолжение	42
Глава 5. Оксана Гольдберг. День первый – самый страшный	49
Глава 6. Подполковник Кудрявцев. День первый – продолжение	61
Глава 7. Анатолий Никитин. Тракторист, алкоголик и мечтатель	69
Глава 8. Бэйла Тагер – снайпер от бога	77
Глава 9. Валерий Ильин. Все сначала	83
Конец ознакомительного фрагмента.	92

**Тайна пролива «Врата скорби»
Том первый
Василий Лягошкин**

© Василий Лягошкин, 2016

ISBN 978-5-4483-2346-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Кудрявцев. День первый. Около девяти утра

И мир взорвался!

Взорвался совсем не так, как ожидал подполковник Кудрявцев. Вернее сказать, Кудрявцев вообще не ожидал ничего. Ни хорошего, ни плохого. После нервного нажатия пальцем курка автоматического пистолета Стечкина, поднесенного к собственному виску, ожидать чего-то было бессмысленно. Поэтому удивительную какофонию звуков, которые окружили вдруг подполковника, сидевшего за обычным письменным столом в собственной однокомнатной квартире на восьмом этаже в спальном районе Саратова, ничем объяснить было нельзя.

Ни в ад, ни в рай Кудрявцев прежде не верил. Да и сейчас трудно было представить, что где-то в пределах территории, подведомственной чертям или, напротив, ангелам, вдруг бешено взвыл и тут же заткнулся, словно наткнувшись на непреодолимое препятствие, мотоциклетный двигатель. Подполковник, которого определять любой звук; направление и расстояние до него учили когда-то не просто жестко, а жестоко, определил: не больше пятнадцати метров, чуть левее и... не выше, но и не ниже самого Кудрявцева, который, напомним, жил на восьмом этаже.

Где-то чуть дальше рявкнул тракторный движок, но тоже замолк – не сразу, скорее повинаясь руке тракториста, отключившего зажигание.

– Тракторишко-то наш, советский МТЗ, – определил он по старой памяти, хотя Минский тракторный завод уже почти четверть века выпускал продукцию на благо суверенной Беларуси, поставляя практически всю ее в Российскую Федерацию, не менее независимую те же четверть века.

Чем-то почти райским можно было обозвать обиженный звон колокола, будто упавшего с небольшой высоты; последовавшее сразу за ним извержение богохульств и мата – родного, российского, а сразу за ним какой-то то ли молитвы, то ли стенания заставили подполковника чуть улыбнуться – он понял, что колокол действительно упал. И не просто упал, а на голову кого-то, привыкшего через слово обращаться к Богу. Что интересно – и колокол и богослов, судя по всему, тоже висели где-то на высоте чуть больше двадцати метров (восьмой этаж) – ведь квартира Кудрявцева была угловой, и за стеной комнаты, служившей ему и кабинетом, и спальней, а иногда – по торжественным случаям – и банкетным залом, не было ничего кроме воздуха. Впрочем, таких случаев можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Настоящим домом для подполковника Александра Николаевича Кудрявцева была база. С того самого дня почти тридцать лет назад, когда двадцатисемилетний капитан Кудрявцев, считавший себя бойцом круче некуда, в первый раз перешагнул ее порог. А эта комната шириной три двадцать и длиной четыре метра сорок сантиметров...

– Теперь уже не четыре сорок, а метра три, если не меньше, – констатировал открывший, наконец, глаза Кудрявцев.

Констатировал слишком спокойно для человека, который вместо глухой стены перед собой и картины неизвестного художника на ней, оставленной прежним хозяином квартиры ввиду отсутствия в последней художественной и материальной ценности, увидел... тоже часть комнаты. Чужой комнаты; судя по остаткам мебелировки – гораздо более благоустроенной и пригодной для любителя или вернее любительницы роскошного время препровождения. Именно такая, внешне далеко не худшая представительница прекрасного пола, сидела на коленях, подоткнув под них что-то невесомое и почти прозрачное. Сидела на кровати, размеры которой на мгновение ошеломили подполковника.

– Это как же ее в комнату заносили? – восхищенно удивился он, – не меньше чем три на три метра.

Перед кроватью, почти упираясь в край комнаты Александра, затерялся своими размерами сервировочный столик. Затерялся размерами, но не сервировкой.

Огромный торт – из тех, который в обычном ресторане, по крайней мере в саратовском, не закажешь; бутылка шампанского – определенно джеймсбондовского «Дом Периньон», которое Кудрявцеву однажды (в рамках задания, конечно – а как же иначе?!) довелось испробовать. Ну что сказать? – что-то такое в этом игристом вине было. Но ничуть не больше, а скорее намного меньше, чем в женщине, скорее девушке, ошеломленно глядевшей сейчас на него.

Лет двадцати, а может и меньше; белокурая настолько естественно, что о краске для волос не хотелось даже думать; стройная и женственная до безупречности, чего полупрозрачное одеяние не только не скрывало, а наоборот, подчеркивало.

– Зато у меня крыша есть, – немного ревниво подумал подполковник.

И действительно – в то время, как над остатками его комнаты так же незбылемо, как и прежде, располагались плиты перекрытия, побеленные когда-то все тем же прежним хозяином (а может и предыдущим – Кудрявцев не интересовался), над остатками жилища прекрасной незнакомки всюду сияло нежной синевой небо, подсвеченное яркими лучами восходившего солнца. Яркими и удивительно жаркими для сентябрьского Саратова – это Александр почувствовал даже в тени своей половинки комнаты.

В этих лучах Кудрявцев с непонятной для себя радостью разглядел в соседке изъян. На ее красивом, он бы даже сказал аристократично красивом, лице было слишком много косметики. Так много, будто незнакомка шампанским и монументальным тортом собиралась отпраздновать по крайней мере полувековой юбилей. Грим этот скорее уродовал, чем красил хозяйку. А когда она повернула гордо посаженную голову направо, открыла широко рот и мазнула рукой по лицу, словно не веря своим глазам, красота ее вмиг превратилась в нечто жуткое, искаженное ужасом.

Вслед за судорожным движением ее руки вскочил и Александр. Вскочил, как привык – внешне неторопливо, плавно – в то же время стремительно. Он успел поставить на место стул и обогнуть не самый маленький по размерам двухтумбовый стол раньше, чем изо рта незнакомки исторгся удивительно высокий и оглушительно громкий крик.

– Нетребко, блин, – весело усмехнулся Кудрявцев.

Почему-то ничто не тревожило его; энергия бурлила в организме, словно ему, подполковнику, было двадцать лет, впереди ждала полоса препятствий, а вокруг так же беззаботно и напористо бегут друзья однокашники – курсанты Ташкентского высшего военного общевойскового училища.

Некоторым – совсем ничтожным, комариным – диссонансом настроению послужила гильза, отлетевшая от носка берца (все таки выстрел в висок был!) и штаны, часть знаменитой полевой формы российского десантника, которые уже на втором шаге почему-то поползли вниз. Так – с АПС в правой руке и ремнем, поддерживаемым левой, он прыгнул в соседнюю комнату. Именно прыгнул, постольку паркетный пол там оказался сантиметров на двадцать ниже его линолеумного.

Этот факт подполковник отметил краем сознания. Гораздо важнее было заткнуть фонтан нестерпимых человеческим ухом звуков, что он и сделал, отвесив соседке оплеуху – экономную (чтоб следов не осталось) и в то же время достаточную, так что красавица отлетела на собственную кровать и там замерла, глядя испуганно и с какой-то необъяснимой надеждой на Кудрявцева.

– Ну что ж, будем соответствовать, – ухмыльнулся он, обозревая картину, так ужаснувшую незнакомку.

Кусок чего-то железного и непонятного, больше всего похожего на переднюю часть паровоза (или электровоза – пока было неясно) еще покачивался на отрезке рельсового пути метров пяти длиной и в такт этому куску дергалось то небольшое, что осталось невредимым от раз-

давленной многотонным грузом женщины. Еще одной женщины, неведомо как оказавшейся рядом с разоренным жилищем Александра.

Абсолютно невредимой в этих жутких останках была только рука, до сих пор неведомо чьими промыслами сжимавшая в ладони книгу – серенький невзрачный томик еще из тех, советских изданий, в которых красок было поменьше, а смысла побольше. Даже не вглядываясь, Кудрявцев мог со стопроцентной точностью (ну почти стопроцентной) выдать название книги: «Лев Толстой. Анна Каренина». Именно по этой книге он когда-то давно писал сочинение. Какой это был класс, Александр не помнил; зато он помнил чувство безмятежности и железобетонной уверенности в завтрашнем дне – чувство, безнадежно утерянное в начале девяностых. Этой незнакомке ничем нельзя было помочь. Разве что укрыть ее от нескромных взоров. Что Александр и сделал, стянув с огромной кровати что-то невесомое и очень приятное на ощупь. От слабого движения блондинки он лишь отмахнулся. А потом, закончив скорбное дело, приступил к делу, которому тоже был весьма квалифицированно обучен – разведке местности.

Брюки, благодаря широкому ремню, ужатому сразу на три дырочки, больше не падали, и подполковник Кудрявцев, отступив метров на двадцать, к самой опушке леса (какой лес в густонаселенном микрорайоне Саратова?!), оглядел место локальной катастрофы. Как иначе можно было назвать нагромождение странных развалин – с крышами и без них – будто постриженных гигантской косой каждое на своем уровне. А еще – обломки каких-то машин и механизмов, в одном из которых он с удивлением узнал переднюю половину КАМАЗа, задравшую лобовую часть целой на вид кабины, из которой пытался выбраться рослый мужик в комбине-зоне. Чьи-то ноги торчали между кабиной и частью кузова – оттуда, где никаких пассажирских мест конструкцией грузовика не предполагалось.

Рядом в стену такой же, как кудрявцевская, полуквартиры упирались три трубы метро-вого диаметра, длиной, как прикинул подполковник, в те же пять метров. Нет – в верхней трубе было поменьше – метра три. Из глубины одной из нижних, длинных, доносилось басовитое рычание собаки; точнее собак, поскольку рычание перемежалось более звонким лаем. Оттуда же кто-то истерично бормотал, но Александр не бросился немедленно на подмогу, поскольку ни в лае, ни в рычании никакой агрессии не распознал. Как рычит пес, бросившийся на человека, он знал слишком хорошо; еще лучше он знал, как эту агрессию пресечь. Самым фатальным для агрессора образом.

Перечислять все безобразие, которое Кудрявцев оглядел практически мгновенно, можно было долго. Ему же хватило лишь этих самих мгновений. Затем он неторопливо, примечая каждую мелочь, и откладывая ее в память так же надежно, как в любом другом серьезном задании (а для Александра все задания были серьезными), направился по часовой стрелке вокруг этих Содомы и Гоморры. В центре развалин островком надежности и благополучия возвышался сруб – скорее всего бани, из трубы которой лениво вился дымок. В отличие от других строений различной степени разрушения, с крышей и без нее, но не выше трех метров каждое, баня была абсолютно целой, с надстроенным над срубом вторым этажом, обшитым вагонкой и крышей, покрытой металлочерепицей зеленого цвета.

В ее целостности Кудрявцев убедился достаточно быстро, обойдя по периметру зону бедствия, которая представляла собой практически правильный квадрат со стороной метров в двадцать пять. Уже завершая осмотр, он немало подивился способу, которым прибыл сюда хлипкий паренек с чемоданом в руке. Сам парень лежал на крыше небольшого красного автомобильчика – «Мазды» -двойки, за рулем которой сидела, судорожно вцепившись к руль, молодая женщина с упавшей на правый глаз русой прядью волос. Позади – с заднего сиденья – виднелись две детские мордашки. Возраст детей в сумраке салона определить было сложно, но не больше семи-восьми лет старшей; второй, мальчик, и вовсе должен был посещать ясельную группу – если он, конечно, ходил в садик.

Парень на крыше автомобильчика подполковнику почему-то сразу не понравился. Может потому, что в глазах его Александр каким-то образом угадал следы похмелья – алкогольного или, скорее, наркотического, Наркоманов он особенно не любил; больше ненавидел только наркодельцов – слишком много жертв их «деятельности» пришлось увидеть на своем веку; и за «речкой» и дома.

Кудрявцев опустил глаза вниз – на чемодан серого цвета, ручку которого парень стискивал так, что побелели кончики пальцев. Александр вдруг замер и построжел лицом: где-то вдали в направлении, противоположном восходу солнца, прогремел взрыв; затем – через несколько мгновений – автоматная очередь; длинная, на весь магазин. Закончилось все сухими одиночными выстрелами – настолько тихими, что

услышать их мог только человек, который такие звуки воспринимал автоматически; поскольку часто от этого зависела его жизнь. Его и его товарищей. А еще зависело – будет ли выполнено очередное задание.

– Километров шесть-семь, не меньше, – машинально отметил он и, уже не останавливаясь, стремительным броском добрался до огромного сухого дерева на опушке леса, откуда, собственно, и начал разведку.

Планы неторопливого, вдумчивого обследования местности, надо было корректировать. Почему-то Кудрявцев почувствовал ответственность за людей (и животных), которые все еще копошились в своих персональных развалинах. Незнакомка в роскошном пеньюаре все также лежала на кровати, чуть вздрогнув при появлении подполковника, и еще ошутимее – как только он выкрикнул хорошо поставленным командирским голосом в рупор из собственных ладоней:

– Внимание, внимание! Товарищи!.. Господа!.. Граждане!.. Общий сбор у большого сухого дерева в направлении восхода солнца. Повторяю! Общий сбор у большого сухого дерева в направлении восхода солнца. Так, – добавил он уже вполголоса, – вроде всех пригласил, никого не забыл? Если только... Собак!

А последние и появились раньше других в точке сбора. Первым выметнулся из-за единственной сохранившейся стены соседки красавец алабай – явно жутко породистый и ученый. Затормозив всеми четырьмя лапами в двух шагах от Александра, пес не бросился на него, не залаял. Глухо kloкотавшие в его глотке звуки подполковник расшифровал и как приветствие, и как вопрос, который в силу понятных причин не мог быть задан на обычном русском языке: «Что, черт возьми, здесь происходит?»

Следом за этим красавцем палевого цвета выскочили, путаясь в поводках, которыми почему-то были накоротко спутаны, две восточно-европейские овчарки, «девочки» – значительно меньшие по размерам первой громадины «мальчика», но тоже явно благородных корней. Благодаря этим поводкам овчарки остановились не так изящно и монументально; коротко взвизгнули и тут же умолкли, услышав негромкий повелительный рык алабая.

Так они и застыли втроем перед Кудрявцевым, не обращая внимания на людей, собирающихся за ними полукругом. Выходили люди по одному, по двое; втроем держались друг друга лишь давешняя водительница «Мазды» с детьми да пара, ведущая за руки мальчика лет пяти-шести. Растерянность и ошеломление читались на всех лицах. Кудрявцев, машинально пересчитывая подходивших к нему мужчин, женщин и детей вдруг понял, что так резало глаз в этих фигурах – практически все они были одеты как-то странно, будто в наряды с чужого плеча. Мужчины – так же как недавно Александр, украдкой придерживали нижние детали костюмов; женщины, напротив, старались обернуть потуже верхние – блузки, кофты. А кто-то и что-то более интимное – как например невысокая темноволосая девушка, вышедшая из половинки комнаты смежной с его, кудрявцевской. Она старательно оборачивала вокруг себя широченную ночную рубашку бледно-голубого цвета. Даже на непросвещенный в подобных вопросах взгляд подполковника, это одеяние гораздо органичнее выглядело бы на семидесятилетней

старушке. Девушка, наткнувшись на его чуть насмешливый взгляд, густо покраснела – видимо ее взгляды на ночное женское белье не сильно отличались.

– Тридцать, тридцать один... тридцать два, – Александр покосился на красавицу-соседку, так и не вставшую со своей кровати, – О! – Тридцать три!

Где-то совсем недалеко прозвучал такой знакомый и такой уместный сейчас призыв: «Люди-и-и! Ау-у-у! Помогите-е-е!». Причем прозвучал как-то глухо, будто из-под земли. Люди, к которым и был обращен крик души какого-то неизвестного бедолаги, заозирались, невольно улыбаясь, а Кудрявцев уже скользнул стремительной тенью меж развалин, многие из которых, казалось, были готовы обрушиться в любой момент.

Призыв действительно исходил из-под земли – точнее со дна квадратного водоема глубиной метра два, который еще совсем недавно был полон воды. По его идеально ровным железобетонным берегам еще сочилась влага, а на дне, на песке – в центре квадрата пять на пять метров – в резиновой лодке с мотором на корме сидел паренек в камуфляже и шляпе с удочкой в руках. Сидел и обалдело глядел на подполковника.

– Вот и порыбачил, дядя, – хмыкнул Кудрявцев и – уже погромче, – давай руку, дружище.

Парень поднялся, осторожно переступил через круглый резиновый борт и прошлепал по песку к бетонной стене, с которой, склонившись, протягивал ему руку Александр. Миг – и рыбачок был наверху, а через считанные мгновенья, увлекаемый крепкой рукой, оказался в толпе, среди товарищей по несчастью.

Подполковник, вновь занявший свое место в центре полукруга, перед людьми и тремя четвероногими слушателями, на мгновение задумался, а затем громко и четко, как когда-то перед личным составом, представился:

– Я подполковник российской армии Кудрявцев Александр Николаевич... В соответствии с Уставом Вооруженных Сил Российской Федерации на время отсутствия представителей гражданской администрации принимаю на себя командование...

– Но позвольте.., – несмело попытался что-то возразить мужчина в пиджаке размера на три или четыре больше необходимого и толстенных очках на внушительном носу.

– Не позволю! – отрезал подполковник, – все обращения только согласно Устава.

Вообще-то цитируемый Устав безобразий, подобных сегодняшним, никак не регламентировал, но Кудрявцев весьма сомневался, что кто-то из трех десятков человек когда-то изучал этот документ. Кроме самого подполковника, конечно; ну может еще пары мужичков, выделявшихся из толпы своим более подтянутым видом; даже одежда на них сидела вполне естественно, не свисая с широких плеч.

– Ну эти точно служили, – обрадовался он.

Еще больше он обрадовался, когда на предложение: «Поднимите руки, кто понимает русский язык», – руки подняли все, даже дети. Казалось, собаки сейчас тоже поднимут лапы, но поскольку про них команды не было, то звери и не шелохнулись.

– Что, все русские? – не поверил Кудрявцев, когда все опять таки дружно кивнули. Не поверил, потому что где сейчас в России, в каком самом глухом уголке ее можно оглянуться и не увидеть среди трех десятков славян пяток смуглых азиатских физиономий, двух-трех горбоносых кавказских, а ближе к Тихому океану и десяток-другой круглолицых китайских и вьетнамских. Нет, он не был шовинистом или расистом, но как-то душу грело, что очередное Задание – а так теперь определил для себя дальнейшие действия Кудрявцев – будет направлено на благо русского народа.

– Да-а-а... Народ еще тот! Ну ничего и не таких строили, – а дальше уже вслух, – товарищи (именно такое обращение подразумевал Устав)! Первой и главной задачей определяю безопасность гражданского населения, – он специально строил речь казенным языком, не приемлющим никаких дебатов, – для чего:

Первое. Переписать население (все три десятка).

Второе. С учетом выявленных навыков и способностей определить каждому круг обязанностей для обеспечения выживания всех. Да, да – выживания! – о далеких взрывах и стрельбе он пока предпочел не упоминать, чтобы не пугать народ раньше времени.

– А может, вызовем МЧС? – предложил робкий женский голос.

– Попробуйте, – Кудрявцев уже убедился, что никакой спутниковой связью вокруг и не пахнет, хотя мобильник исправно показывал половину зарядки.

У всех тут же, как по мановению волшебной палочки, появились разнокалиберные и разноцветные устройства и люди (как подозревал Кудрявцев, большинство не в первый раз) принялись тыкать пальцами в кнопки. Естественно безрезультатно.

Александр тем временем зашагал к толпе – четко, как на плацу, благо едва отросшая трава позволяла печатать шаг. Зашагал прямо, ни на сантиметр от линии, проложенной взглядом к девушке, единственной из присутствующих оказавшейся в деловом костюме, слегка примятом и испачканном, словно ей пришлось проползти некоторое количество метров по запыленной поверхности – не больше пяти, уже понял Кудрявцев. Линия эта проходила аккуратно по ногам алабая, пока еще безымянного, и тот убрался с дороги, хоть и с глухим рычанием, понимая наверное, кто здесь и сейчас главный.

– Вот вас, девушка, как зовут? Кто вы и откуда?

– Котова Мария Сергеевна, – тут же ответила девушка, – работаю... работала секретарем и по совместительству начальником отдела кадров завода железобетонных изделий. Вся жизнь – почти тридцать два года.

– Сколько?! – поразился подполковник.

Девушка, которой на вид было не больше двадцати, была (он быстро прикинул в уме) не намного его моложе.

– Да, – с гордостью подтвердила Котова, – с первого марта одна тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года – тридцать один год и семь с половиной месяцев.

– Дела, – опять удивленно протянул он, – ну хорошо. Внимание, – уже громче, для всех, – Мария Сергеевна Котова назначается заместителем командира по кадровой работе. Сейчас всем, в первую очередь женщинам и детям пройти регистрацию.

Подполковник перевел взгляд на стоящую рядом пару – крупного, гораздо крупнее его самого, парня, который удерживал за шиворот пиджака второго – значительно меньшего габаритами. На правом глазу последнего наливался внушительный фингал.

– Фамилия, имя, отчество, – потребовал у здоровяка Кудрявцев, – кем работаешь; где служил; звание?

Почему-то он не сомневался, что парень не из тех, кто когда-то всеми силами и любыми средствами откосил от действительной.

И точно – здоровяк (отпустив пиджак соседа, отчего тот едва не растянулся на траве, удержав равновесие в последний момент) собрался внешне и внутренне, втянул и так не сильно выпирающий живот и отчеканил вытянувшись по стройке «Смирно»:

– Дубов Виталий Александрович, водитель лесовоза «Фискарс»; старший сержант запаса, демобилизовался в две тысячи пятом году – замкомвзвода роты бетонных работ инженерно-саперного батальона...

– Что, реально «бетонных работ»? – так часто, как сегодня, Кудрявцев еще никогда не удивлялся.

А ведь день только начался...

– Так точно, товарищ полковник! – гаркнул бывший старший сержант, и Александр удовлетворенно кивнул – парень службу знал – вон как непринужденно проглотил приставку «под».

– За мной! – скомандовал подполковник и кивнул второму парню, – ты тоже!

Через минуту они обогнули и кровать соседки Александра, и сервировочный столик, который парень, на ходу представившийся Ершовым Виталием Васильевичем, художником из Перми, едва не перевернул – так загляделся на коленки красавицы. Кудрявцев в последний момент успел выдернуть Ершова из опасной зоны и отпустил его рукав только у собственного стола. Совсем скоро стол стоял под солнцем, перед Котовой, основательно утвердившейся в любимом кресле Александра, который он сам любезно и принес своему заму по кадрам – пока единственному заму.

Однако переключка, или перепись, так и не началась. Опасливо обогнув алабая, который успел вернуться на свое место, перед Кудрявцевым остановился еще один здоровяк. Он был немного помельче первого и не таким опрятным. Его камуфляжный костюм был здорово помят, густо покрыт масляными и какими-то иными пятнами, а на плече еще и здорово надорван. От него даже на расстоянии полутора метров – оттуда, где он остановился, не решившись видимо подойти к подполковнику вплотную – несло водкой, вернее самогонкой. Вряд ли какой завод решился бы выпустить официально напиток с такой концентрацией сивушных масел.

Однако речь его оказалась вполне трезвой, хоть и не такой связной, как у Дубова:

– Там, товарищ полковник..., товарищ подполковник... Там, – парень в замызганной спецовке все тех же лет двадцати (парень, конечно, не спецовка; хотя...), – так вот, – парень махнул рукой куда-то вглубь развалин и зачастил словами, – там бабка Оля; нет, она живая еще, шевелится, только кровящи натекло... А как я ее один вытащу – трактор ведь ни туда, ни сюда... Вот!

– Ага, – догадался Кудрявцев, – тракторист. Ухитрился не только в развалины заехать, но и придавить кого-то. Не кого-то, а бабушку Олю, – поправил он сам себя.

– Мария Сергеевна, начинайте без меня, – подполковник огляделся, – сержант, ты, ты и... вы.

Пятым кроме названного Дубова, Ершова, тракториста и, естественно, самого Александра, в спасательную команду попал представительный, хотя и молодой мужчина, который совсем скоро назвался Романовым Алексеем Александровичем, профессором кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского университета, пятидесяти четырех лет отроду (чему подполковник, даже глядя на пышущего юношеским румянцем лицо профессора удивился как-то отстраненно – привык наверное к подобным казусам). Он и к себе-то стал прислушиваться и присматриваться, если только можно было назвать так быстрый экзамен, устроенный собственному физическому состоянию на ходу незаметно от других. Что бы подумал тот же профессор, увидев, как мужчина в форме подполковника российских десантных войск принялся бы на ходу крутить сальто, причем падая перекатом на голый бетонный пол без всяких последствий для организма, а затем этот же пол ломая голой рукой?

– Хвастун и дурак – вот бы что он подумал, – отчитал себя подполковник, одновременно наливаясь до предела внутри диким восторгом оттого, что организм действительно чувствовал себя превосходно.

Даже внизу живота, где последние полгода тянула и тело, и душу нудная непреходящая боль, из-за чего, собственно и произошла вся история с бессонной ночью восемнадцатого сентября две тысячи пятнадцатого года, с автоматическим пистолетом Стечкина – самым преданным и надежным другом Кудрявцева, и пальцем на его курке.

– Никому я в этом мире не нужен, – вспомнил он вдруг последнее, о чем подумал перед своим выстрелом, закончившимся так необычно, – а вот хрен вам, ребята! Я еще очень даже нужен – хотя бы вот этой бабке Оле.

Последняя лежала, накрытая какой-то грудой из переломанных досок и всяческой рухляди, которая годами копится в любом деревенском сарае – а именно сюда въехал трактор Анатолия Анатольевича Никитина, как оказалось ровесника профессора – и по официальному возрасту, и по внешнему виду.

Бабка Оля действительно шевелилась и даже слегка постанывала. Кудрявцев вдруг не к месту улыбнулся, подумав, что неведомая пока Ольга окажется очень бойкой старушкой... лет двадцати. Никто из бойцов профессорского и иного рядового состава улыбки этой видеть не мог, потому что все дружно разгребали завал; кроме командира, естественно. Александр задумчиво разглядывал что-то сельскохозяйственное и непонятное – фрезу или культиватор – которым трактор упирался в железобетонную стену, раньше бывшую частью чьей-то квартиры. Назад четырехколесной «Беларуси» ходу не было, если только уронить стену. Однако такой вариант подполковник пока даже не рассматривал – и трудоемко, и опасно, а главное – на все эти стены, крыши, подвалы у него уже были планы. Причем далеко идущие.

Бабу Олю, действительно оказавшейся молодухой, да такой красивой, что она вполне могла поспорить с аристократичной соседкой Александра, уже освободили от всех обломков, но не от левого переднего колеса трактора, которое прижимало женщину к фундаменту. Стены сарая над ней не было – ее всю вынесло вперед бампером МТЗ, явно самодельным, сваренным из швеллера двадцатки, для которого тонкие бревнышки не были преградой.

Поэтому подполковник сейчас имел удовольствие лицезреть не только своих бойцов, таких разных, Ольгу, которую ну никак не мог называть бабкой, но и лес метрах в двадцати. Лес редкий, светлый, состоящий из громадных деревьев неизвестной породы, но явно не сосен, елей, лиственниц – какие там еще хвойные могли произрастать рядом с Саратовом?

Тракторист Никитин с виноватой похмельной физиономией первым предложил:

– Может, колесо приспустить?

– Ага, – с иронией упрекнул Дубов, – недодавил, да? Чего тебе бабка сделала? У ней и так наверняка несколько ребер треснуло. Еще сантиметров пять – десять и все – каюк. Ты где, давитьщик, работал?

– Где-где? В лесхозе, или как он там сейчас называется – какое-то ГАУ.

– Разлаялся тут, – проворчал здоровяк, – что, ни разу не застревал в лесу? Хватай вон стропилину – вываживать будем.

Кудрявцев не вмешивался – тут мужики были в своей стихии. Уже через минуту два парня, без помощи остальных, используя закон рычага, который они скорее всего из далеких школьных лет не помнили, приподняли передок трактора достаточно высоко, чтобы подполковник с Романовым быстро и аккуратно выдернули Ольгу. Ее красивое лицо было перекошено гримасой боли, но видимых ран было немного. «Кровищца» оказалось длинной царапиной на правой руке, кровь из которой была размазана от локтя до ладони. Впрочем, и кровь, и сама царапина уже вполне подсохли и никакой опасности не представляли.

– Ольга, вздохни глубоко, – наклонился над лежащей на нескольких относительно целых досках Александр.

– Ты мне, парень, не тыкай, – оскорбилась та, – я твоей мамки буду постарше, наверное.

Матери своей подполковник не знал – вырос он в детдоме, а семьей своей считал армию. Но ничуть не обиделся, привык как-то не замечать такие непонятные для обычных детей бестактности еще в детстве. Зато понял, что с внутренними органами у Ольги все в полном порядке. С такой экспрессией наезжать на мужика, только что спасшего ее из-под завала, не каждая здоровая баба сможет.

Тут заржал Анатолий – отпустило, видимо, парня чувство вины:

– А меня ты не узнаешь, баба Оля? Толя я, Никитин...

– Сгинь, засранец, – замахала на него женщина здоровой рукой, и тут же скривилась – видно ребра все-таки были повреждены.

– Берите ее на руки, – мужики, – скомандовал Румянцев Дубову и Никитину, но Виталий, отстранив рукой сунувшегося было выполнять приказ тракториста, сам подхватил Ольгу.

Да подхватил так бережно и нежно, что последняя даже охнуть не успела. Или опыт имел в таких делах немалый, или... Ну об «или» пока было рано даже загадывать, хотя такую жен-

щину и сам подполковник носил бы на руках – значительно дольше, чем занял путь до огромной многоспальной кровати, на которую Ольгу и выгрузили не менее осторожно и бережно.

Остальные подошли тоже не с пустыми руками. Парнишка с фингалом и профессор Романов несли по штыковой лопате, откопанных в развалинах сарая, а тракторист – совковую, да еще лом устрашающего веса и остроты, обнаруженный в неразрушенном углу того же строения.

На молчаливые взгляды бойцов подполковник даже не ответил – погибшая женщина рядом с его квартирой, возможные трупы еще где-то в развалинах, пекло наступающего дня – какие могут быть еще вопросы. Впрочем профессор, помедлив, понимающе кивнул.

Толпа (пока еще толпа), кажется, не шелохнулась. Даже алабай сидел на месте. А вот «девочек» овчарок не было. Скорее всего унесли в лес пометать территорию (или этим только кобели занимаются?).

– Не запутались бы там, – проходя мимо собаки, тревожно подумал Кудрявцев, – а этому надо имя давать.

Алабай даже не шелохнулся, не проводил его глазами, не отрывая взгляда от Котовой.

– А ведь он охраняет! – ахнул мысленно, – мой стол, мое имущество охраняет! Умница, зверь! Я тебе такое имечко подберу – всю жизнь гордиться будешь!

Между тем Котова, изредка поглядывая настороженно на сурового зверя, вся светилась гордостью – как же, она теперь не толпа, она при деле. О чем тут же и доложила подполковнику, протягивая ему стопку листов, исписанных каллиграфическим почерком. Слова, имена, даты складывались в нереально ровные строчки.

– Да... Опыт не пропьешь, – подумал Кудрявцев весело.

Однако по мере того, как один листок сменял другой, лицо его скучнело. Он прежде всего искал между строк сведения о профессиях, навыках людей – секретарь-референт, понятно, продавщица, пенсионерка – бывшая охранница на заводе, бывшая бухгалтерша, еще продавщица, предпринимательница, учительница начальных классов... О! – вот светлое пятно – старшая медсестра онкодиспансера; стаж работы тридцать два года. Как с такими работать!?

Он перевернул последний лист – на мужиков данных пока не было, но что-то подсказывало Александру, что там картина будет не намного лучше. Хотя... Водитель, тракторист, профессор тоже не лишним будет, да и сам он...

Мария Сергеевна (смотри-ка, не забыл как его первого и пока единственного зама зовут!) тем временем отчитывалась:

– Женщин и детей переписала полностью, кроме вновь прибывшей и вон этой, – Котова кивнула головой в сторону соседки-красавицы, поменявшей к этому времени позу на полулежачую, с упором на локоть – весьма соблазнительную, точнее соблазняющую.

Всех имеющих в наличие мужчин, а их набралось человек пятнадцать, или чуть больше. Впрочем, на кровати лежали уже две красотки, и вновь прибывшая мало в чем уступала хозяйке – разве что наряд был попроще. Да и нарядом-то эту одежду можно было назвать с большой натяжкой – так, одежкой. А в чем еще могла пойти в деревенский сарай деревенская же бабушка.

– Ничего, – Кудрявцев будто уже планировал что-то на будущее, – мы тебя, Оленька, еще приоденем..., – и, уже вслух, обратился к соседке, – в чем дело, дамочка? Приказы вышестоящего начальника не выполняем? Это, знаете ли, чревато...

Незнакомка чуть поморщилась – не привыкла, видимо к подобному обращению. А Александру было плевать – приличное обращение нужно еще заслужить. Она соскользнула с кровати красивым текучим движением, постаравшись подальше обогнуть лежащую на краю Ольгу, и скоро стояла напротив него, благоухая чем-то неземным настолько сильно, что Кудрявцев невольно поморщился. Грим на ее лице был так же размазан, особенно там, где ее награ-

дили оплеухой, но это красотку не смушало. Грациозно вскинув правую ладонь к голове («Пустой», – опять поморщился он) она высоким громким голосом выкрикнула:

– Товарищ Главнокомандующий! Хочу представиться Вам лично, – и указательным пальцем другой руки ткнула в Котову, – Пиши!

Последняя, взглянув на подполковника, вытянула из пачки бумаги одиннадцатого формата верхний лист («Мои запасы, кстати», – вдруг зажадничал он) и приготовилась записывать.

– Иванова Кристина Юрьевна, город Москва, год рождения девятьсот шестьдесят пятый... Одна тысяча девятьсот шестьдесят пятый, – поправились она, увидев, как вытягивается от удивления лицо собеседника, – восемнадцатое сентября...

– Ага! – воскликнул Кудрявцев, – значит день рождения сегодня. Поздравляю!

Красотка не успела поблагодарить Александра, потому что он обратился уже ко всем – громко, по-командирски:

– Товарищи! Давайте все вместе поздравим Кристину Юрьевну, у нее сегодня юбилей – исполнилось ровно пятьдесят лет.

Она не успела остановить – мол, возраст женщины это только ее тайна; зло поджала губы и сквозь недружные аплодисменты продолжила:

– Профессия... ну, профессия... очень свободная.

– Это как? – не понял Кудрявцев.

– Да шалава она, – захохотал Никитин, который стоял, поигрывая ломиком в руках, – с трассы какой-нибудь.

– Я с тобой на одной трассе даже по... рать бы не села, – с возгласом оскорбленной добродетели Иванова отвернулась от всех.

А тракторист не унимался с тем же игривым хохотком:

– Вот стерва, а! И красивая ведь, я таких красивых еще и не видел вживую.

Подполковник оборвал его:

– Отставить, Никитин! И это – поосторожней с ломиком – еще тебя лечить от колотой раны.

Кристина тем временем зашагала к лесу; даже не так – она буквально поплыла к деревьям, будто по подиуму, выпрямленной в струнку спиной выражая всем презрение и негромко напевая:

– Ах, как я была влюблена, и что теперь?

Я думала это весна, а это оттепель...

– Иванова, стоять! – выкрикнул Кудрявцев, первым уловивший неясный шум, треск ломаемых кустов и чье-то громкое пыхтение, переходящее порой в натуральное хрюканье.

И тут впервые сегодня голос подал алабай. Оказавшийся вдруг рядом с подполковником, у его правой ноги, так что правая рука Александра очень органично легла псу на широкий лоб, он оглушительно залаял, то ли возмущаясь поведением женщины, не исполнившей приказ, то ли предупреждая ее об опасности. Спина Ивановой вдруг потеряла стройность, словно опять приняла на себя груз пятидесяти прожитых лет; песня прервалась и женщина начала медленно поворачиваться к толпе, к своей комнате, кровати и столу с юбилейным тортом, когда мимо нее, метрах в трех, промчалась неразлучная пара – связанные поводками овчарки. Помчались вдоль опушки, словно не желая привести за собой к людям монстра, догоняющего их, пыхтящего и похрюкивающего. Если она и была свиньей, то свиньей невероятной, громадных размеров; лохматой; с длинными ногами, на которых она стремительно пронеслась мимо Кристины, едва не сдув ее мощным потоком воздуха.

Зверь был уже где-то посредине между замершей женщиной и остальными людьми, когда наперерез ей из лесных зарослей мелькнула другая тень – гораздо более быстрая и смертоносная. Хищник упал свинье на спину; покотившись кубарем, она дико заверещала, до тех пор, пока на солнце не сверкнули ослепительно белые клыки размером с небольшие кинжалы, и визг

резко оборвался, перейдя в мучительные предсмертные хрипы – когда это оружие вонзилось в живую плоть и одним молниеносным движением выдрало у жертвы половину шеи.

А хищник уже чуть в стороне от бьющейся в последних судорогах свиньи пригнулся к земле, готовясь к новому прыжку.

И тут Кристина закричала – еще пронзительней и громче, чем утром. Этим она невольно отвела, по крайней мере отсрочила гибель многих. Зверь, казалось готовый уже прыгнуть в толпу, обрушился на нее. А за криком Ивановой никто не услышал сухой треск двух выстрелов из Стечкина. И только Кудрявцев, зло ругаясь на низкое останавливающее действие девятимиллиметровых пуль, отметил как брызнуло кровью от ран на теле хищника. После таких выстрелов долго не живут, но этот монстр, свирепостью и мощностью превосходящий всех, кого только мог представить Александр, не успокоился.

Сломав Кристину, как куклу, он повернулся к подполковнику, безошибочно угадав единственного тут врага и, невероятно широко разинув ужасную пасть, прыгнул. От Кудрявцева его отделяло метров пять; прыжок был по прежнему стремительным, но за эти мгновения Александр успел сделать удивительно много: аккуратно вогнать в эту пасть еще две пули, выдернуть из-за стола Котову и, буквально вложив ее в руки тракториста, вырвать из его руки лом.

Хищнику, если тот и намеревался прыгнуть следом, не повезло – обрушившись на середину стола, за которым только что сидела Мария Сергеевна, он проломил середину столешницы и упал, придавленный двумя тяжелыми тумбами. Тумбы тут же полетели в стороны, разламываясь в полете на множество обломков и извергая из себя добро, которое так старательно охранял алабай. Сам он, кстати, оказался тоже весьма проворным. Кудрявцев только вытянулся в замахе, собираясь послать лом острием в локальный ураган из остатков стола, вырванной с корнем травы и живой хищной плоти, а пес уже был у ноги, готовый к бою.

Лом полетел вперед – мощно и прицельно. С пробитым насквозь туловищем зверь, казалось, получил новые силы – но совсем ненадолго. Вот ураган стих и огромная тварь, цветом шкуры и статью напоминавшая алабая, только раза в четыре крупнее его, вытянулась на обломках стола. Зверь был грозен и красив, а голова с клыками-кинжалами могла украсить любую коллекцию.

Кудрявцев сначала направился к Кристине – точнее той переломанной груди мертвой плоти, которая совсем недавно была прелестной девушкой. Толпа только сейчас словно выдохнула одной огромной грудью, кто-то звонко заголосил, а самые смелые уже догоняли подполковника.

– Позаботьтесь, – кивнул он на тело двум девушкам, с которыми не успел еще познакомиться и вернулся туда, где хищника уже окружили самые отважные.

Естественно, мужики. Среди них толпились Дубов с профессором, Никитин, тянувший из огромной кошки лом; ближе всех, на удивление, почти навис над зверем тот самый хлюпик, пытавшийся раньше возникнуть против Устава. Его толстые очки были заляпаны кровью – значит, он не побоялся поковыряться в рваных отверстиях. Профессор, видимо знакомый с этим смельчаком, обратился к нему необычайно мягким голосом:

– Роман Петрович, голубчик, вы бы сняли очки.

– Да? – Роман Петрович повернулся и медленно стянул с переносицы такой жизненно важный прежде аксессуар, – господи, да как же хорошо видно!

Он снова повернулся к зверю и ахнул:

– Не верю глазам своим, Алексей Александрович! Так не бывает!

– Что не бывает? – перевел разговор на себя Кудрявцев.

– Да это же махайрод, настоящий махайрод, – Роман Петрович в сильнейшем возбуждении пытался обмерить пальцами длину клыка. Одной его ладошки явно не хватало.

– Ну, махайрод, и что – завалили ведь..

– Как вы не понимаете!? Они же вымерли, черт знает когда! Последнего махайрода, убили, если не ошибаюсь – два миллиона лет назад.

– А вот тут, профессор, вы точно ошибаетесь. Последнего махайрода убили всего пять минут назад. И что-то подсказывает мне, что этот махайрод далеко не последний, – с грустной улыбкой подвел итог подполковник Кудрявцев.

Глава 2. Профессор Романов.

День первый – до полудня

Только в этот момент туман в голове рассеялся и профессор стал воспринимать мир вокруг адекватно – если только можно было так назвать безобразие, творившееся кругом. Страшное, надо заметить, безобразие. Стоило только повернуть голову вправо – туда, где две женщины укутывали белой простыней третью. Вернее то, что от нее осталось.

Еще страшнее было глядеть вниз. И как только Роман Петрович, обычно человек робкий и стеснительный, лезет пальцами в густую лоснящуюся шерсть, в рваные раны – особенно ту, откуда парень (кажется, тракторист по имени Анатолий) только что с трудом вытянул лом.

А он, профессор, еще удивлялся – зачем вояка (подполковник Кудрявцев – так он себя назвал) – заставил тащить эту тяжеленную железяку. И еще лопаты! Он опять поглядел направо – ну этого подполковник никак не мог предполагать. Хотя какие мысли могли тесниться в голове подполковника Румянцева? Профессор не то чтобы презирал или не любил военных – просто прежде сталкивался с ними чрезвычайно редко. В его жизни, четко распланированной, починенной жесткому распорядку, им места не было.

Теперь этот распорядок ушел в прошлое, как полагал Романов, безвозвратно. В то самое прошлое, в котором еще меньше часа назад он сидел напротив доцента Игнатова, за шахматной доской в собственной квартире, в зале, где еще чуть-чуть пахло мастикой после проведенного три дня назад еженедельной генеральной уборки – это тоже входило в распорядок.

Сам профессор на правах хозяина сидел на диване, одетый в мягкую пижамную велюровую пару темно-бордового цвета; на ногах были любимые тапки с задниками, так что, вскакивая с места, когда доцент Игнатов надолго задумывался над очередным ходом, он мог спокойно мерить зал по диагонали, не боясь их потерять. Зал был большим, из старого фонда, с огромным окном и высоким потолком, по центру которого свисала шикарная хрустальная люстра. В обычной коммуналке с потолками два сорок Романов так бы не побегал.

Роман Петрович сидел в кресле напротив; щурил глаза за толстыми стеклами очков и в течение игры практически не вставал. Да и встань он – побегать ему, подобно хозяину было бы непросто: единственные гостевые тапки мало того, что были на пару размеров больше необходимого, так еще не имели задников.

Диспозиция на шахматной доске была неопределенной; все шло к ничьей. Разговор, поначалу разогретый малой толикой коньяка (а как же, гость ведь, хоть и ранний) тоже ни к чему не вел. Соперники (только в шахматах, и нигде больше) все доводы о тленности бытия и мизерности вклада обоих в развитие отечественной науки давно уже знали. Причем мизерным и бесполезным для общества оба ученых мужа признавали исключительно собственные научные достижения.

Успехи собеседника в своей области знаний обычно не оспаривались.

Вот и теперь была очередь профессора посыпать голову пеплом:

– И никому, батенька, ни мои труды, ни сам я не нужны!

В порыве уничижения он закрыл глаза, а когда открыл их, голова пошла кругом, наполнилась вязким туманом. Комната... Комната уменьшилась так, что двух стен у нее больше не было. Той, что напротив дивана с сидящим профессором вместе с книжным шкафом, и второй, по правую руку, где раньше была дверь. На месте этой стены лежали сложенные треугольником трубы огромного – не меньше метра – диаметра. Из одной, кажется нижней правой, доносился истеричный собачий лай, рыканье; кто-то подвывал в унисон собакам совершенно неприличным голосом.

Над головой не было потолка. Совсем не было. Зато было небо – такое высокое и нестерпимо голубое и чистое, что Алексей Александрович сразу понял: это не Санкт-Петербург. Люстра, естественно, не висела на потолке за отсутствием последнего; веселый звон ее остатков о начищенный паркет профессор отметил как-то отстраненно. Но не это было самым удивительным. Самым поразительным был человек, сидевший в кресле напротив. Тут теория системного анализа дала сбой – впервые в жизни Романова. Понимая умом, что это ни кто иной, как Игнатов Роман Петрович, доцент факультета биологии Санкт-Петербургского университета, он в то же время собственными глазами видел, особенно четко под ясным солнечным небом, молодого человека лет двадцати. Парень был одет в светлую рубашку, заметно отвисшую в плечах. Подтяжки на ней тоже отвисли, брюк, к которым они крепились, не было видно, но профессор был уверен – именно в таких брюках и пришел к нему в гости Роман Петрович.

– Не в таких, а именно в этих, – поправил себя мысленно Романов, потому что понял – напротив него сидел Игнатов.

Помолодевший на три десятка лет, постройневший, но все так же шуривший глаза за стеклами очков. Алексей Александрович протянул левую ладонь (в правой он так и держал «скушанного» совсем недавно белого деревянного коня) ко лбу, чтобы смахнуть выступившую испарину и... она наткнулась на волосы – на жесткий чуб, которого на лысой как коленка голове профессора не было уже лет двадцать.

Ощупывала и оценивала внезапно приобретенную шевелюру рука сама, машинально, потому что Романов вдруг вздрогнул от пронзительного женского крика, раздавшегося совсем рядом, может прямо за сохранившейся стеной. Крик так же резко оборвался и в наступившей тишине мужской, явно привыкший командовать голос пригласил всех на общий сбор к большому сухому дереву. Профессор уже забыл, когда он в последний раз видел сухое дерево – в Питере за деревьями ухаживали.

– Ну что, пойдёте, коллега? – пригласил он Игнатова.

– Куда? – совершенно беспомощным от наступившей слепоты голосом спросил тот.

– На общий сбор, разве непонятно?

И он повел доцента под руку, не спеша из-за слепоты и спадающих тапок последнего. Впереди него процокал когтями по паркету светло-палевый пес невероятных размеров с обрезанным хвостом, выскочивший из трубы. Следом, пятясь задом, вылез парень в лохмотьях такого жуткого вида и запаха, что ученая пара невольно отшатнулась. Парень вылез достаточно шустро – видимо потому, что сразу за ним выскочила, повизгивая, пара овчарок обычных габаритов, почему-то связанная накоротке. Странная компания исчезла за стеной, обрезанной точно по линейке, следом побрели и профессор с доцентом.

А затем события, в которых посильное участие принимал и сам Романов, понеслись стремительно, без всякой системы и анализа, к которым он так привык. Впрочем, если какая-то система в происходящем и была, она могла быть понятной разве что подполковнику Кудрявцеву, который сейчас стоял рядом с профессором, умело скрывая вполне законную гордость. Да и кто бы не гордился после слов, произнесенных Игнатовым в явном восхищении:

– Вы знаете, товарищ офицер...

– Подполковник.

– Что подполковник?

– Называй меня товарищем подполковником.

– Хорошо, – чуть удивился доцент такой непочтительности молодого офицера.

Себя Роман Петрович пока в зеркале не видел, а профессору просветить его о новой внешности не хватило времени.

– Так вот, – продолжил Игнатов, – на теле этого замечательного образца пять ран, и все пять ран смертельные.

– И что, вот так, не вскрывая, вы это можете утверждать? – влез в разговор Романов.

– Сомневаетесь, коллега? – Роман Петрович по привычке, словно попытавшись взглянуть поверх отсутствующих очков, повел взглядом по окружившим его и махайрода парням, пытаясь найти среди них профессора и не находя его, стоящего, кстати в полутора метрах, сразу за подполковником.

– Значит, я тоже, – с каким-то вначале обреченным, а затем все более и более восторженным чувством воскликнул про себя Романов, – я тоже опять молодой, здоровый, сильный! И все у меня впереди! А что у меня впереди?

Он обвел вокруг глазами, которые, кстати, тоже обрели недостижимую раньше зоркость. Развалины, непонятно как очутившиеся посреди обширной поляны; лес из толстых высоченных деревьев за ними, таящий в себе опасности, подобные лежащей сейчас грудой мертвой плоти на земле; продолжение леса за спиной, реже настолько, что вдаль виднелись силуэты каких-то медленно бредущих животных... И люди вокруг. Игнатов, подполковник Кудрявцев, тракторист Анатолий, здоровяк Дубов, десятки других...

– Есть у нас что впереди! Вот разложим все по полочкам, систематизируем и будем жить. А может и МЧС появится, – в последнее он уже и сам почти не верил.

А Игнатов, не найдя друга, продолжил, опять тыкая пальцем в зверя:

– Эта пуля точно в сердце; эта печень зацепила, а может еще что-нибудь важное – от этой раны не сразу бы сдох, помучился бы. Вот эти две... – Роман Петрович возложил ладонь на затылок махайрода, «украшенный» двумя огромными рваными ранами, в каждую из которых провалился бы его кулак, – даже комментировать не буду, как и эту.

Про рану в груди монстра, из которой совсем недавно неслабый на вид парень едва вытянул лом, даже профессору не надо было давать комментариев. Все одновременно с уважением уставились на офицера (да-да, и профессор тоже). Последний к тому же с нарастающим удивлением отметил, что его не мутит, не колотит от неопределенности и ужаса последних минут. Да и все вокруг что-то не истерят, не требуют срочно вернуть их домой, в уютную норку. Это было какое-то новое чувство; непонятное и опьяняющее.

– Ну а это что за зверюга, – подполковник зашагал к твари, убитой махайродом первой, – подскажите нам, профессор?

– Я не профессор, я доцент кафедры...

– Доцент! – вдруг захохотал тракторист, он вообще, видимо был по жизни веселым парнем, отчего ему часто попадало по первое число, – а вам не кажется, доцент, что ваше место у па..., – тут он замолк так основательно, словно проглотил язык.

И не удивительно – когда у твоего носа появляется кулак такого человека, как подполковник. И когда только успел? А через пару мгновений он опять рядом с Игнатовым:

– Извините молодого человека, э... Роман Петрович, молодой человек доцентов только в кино видал. А вот так, вживую, настоящего, да еще с кафедры биологии...

Игнатов важно кивал, не замечая легкой иронии.

– Так что там насчет зверушки... Стоп! – Кудрявцев поднес палец к губам доцента, уже готового начать новую лекцию, – что ты сказал насчет параша?

Анатолий дернулся, удивительным образом уменьшаясь в размерах, но вопрос был адресован явно не ему. Потянув смешно носом воздух, подполковник упругим шагом, вроде неторопливо, но так, что профессор даже моргнуть не успел, скрылся за стеной.

И тут же оттуда донесся чей-то вскрик, перебитый звонким колокольным ударом, и совсем скоро подполковник вернулся, и не один. Он вел за ухо самого настоящего попа в черной рясе необъятных размеров, волочащейся по траве. Роста священник был небольшого, потому смешно подпрыгивал, поскольку ухо его в руке Кудрявцева двигалось по идеально прямой территории, а остальное туловище так ходить не привыкло.

Остановившись посреди быстро образовавшегося полукруга, составленного вперемежку мужчинами, женщинами и немногими детьми, он негромко, подозрительно ласково спросил:

– А чья это там кухня такая аккуратная?

– Ой, это наверное моя, – вперед шагнула девушка, или женщина – они все тут были примерно одного возраста, лет восемнадцати-двадцати и у профессора при взгляде на них в груди зарождалось что-то нежное, волнующее, чего никогда прежде не было даже на лекциях в университете, хотя молодых и красивых там было куда больше.

– Как тебя зовут, красавица?

– Егорова Зинаида Сергеевна, – ответила девушка, явно удивленная таким обращением.

– Ага, – подполковник прикрыл глаза, словно вспоминая, – одна тысяча девятьсот пятьдесят девятого года рождения, пенсионерка, бывшая водитель троллейбуса, город Свердловск.

– Точно, – обрадовалась Егорова, словно опять оказалась в Свердловске, в своем троллейбусе.

– Ну так сходите к себе на кухню, полюбуйтесь, – Кудрявцев приглашающе махнул рукой, отчего в другой руке трепыхнулся поп вместе с колоколом размером со среднее ведро, издавшего долгий густой звук.

– Прямо малиновый, – восхитился подполковник, качая головой; колокол опять обрадовал его.

Да и всех остальных тоже, почему никто и не заметил, как появилась Зинаида – явно разъяренная, с пятнами ярко красного цвета на щеках без всякого признака косметики, со скалкой в руке. А какое еще оружие могла прихватить с кухни женщина, готовая, казалось, схватиться со всем миром – да даже с тем же махайродом. Но нет – она подступила к священнику, попытавшемуся вырваться из железных пальцев; колокол звякнул еще раз,

теперь уже испуганно.

А Егорова, повернувшись теперь к зрителям непонятной пока интермедии и протрясая скалкой, заговорила, почти закричала:

– Да он... он..., – Зинаида явно не знала, – как обозвать священника; может и знала, да рысая смушала, – он же насрал у меня на кухне. Прямо возле холодильника.

– Да я же сбоку, чтобы дверца открывалась, – попытался оправдаться поп, но сделал только хуже.

Его слова настолько рассмешили подполковника, что тот пропустил момент, когда Егорова все-таки обрушила скалку на голову возмутителя спокойствия. В последний момент голова его дернулась вслед за ухом и под удар попало плечо. Поп явно не привык к такому. Его глаза закатились и он рухнул на траву, поскольку рука Кудрявцева отпустила, наконец, ухо и перехватила скалку, ловко вывернув ее из женской ладони.

– Жив, жив, – успокаивающе остановил он другой ладонью девушку в белом халате, бросившуюся было к поверженному попу, – вон уже подслушивает.

Подполковник выдернул из руки священника колокол, подозвал Дубова и кивнул на крышу угловой комнаты:

– Видишь эту крышу?

Молодой гигант кивнул, а командир продолжил:

– Проверить на надежность, оборудовать наблюдательный пункт, вооружиться, – он кивнул на лом, который все еще сжимал в руках тракторист, – обеспечить наблюдение за окрестностями на триста шестьдесят градусов, в случае опасности сигнализировать колоколом.

Дубов осторожно принял сигнальный инструмент, который в его руках выглядел совсем маленьким и ответил:

– Разрешите обратиться, товарищ полковник.

– Обращайся.

– Я лучше со своим, с топориком – у меня в кабине их два, да еще «Хускварна», пила. Я ведь на «фишке» ехал вагон грузить, пока этот вон не прыгнул под колеса – он махнул рукой

на Ершова и показал могучий кулак, отчего и профессору, и, наверное, подполковнику стало ясно, откуда взялся синяк на лице художника.

– Как еще не убил? – удивился Романов.

Дубов убежал, громоздко и неторопливо, а Кудрявцев повернулся в к Зинаиде Сергеевне:

– Егорова.

– Я! – четко, по-уставному ответила девушка – судя по году рождения, она успела усвоить школьный курс начальной военной подготовки.

– Вот тебе помощник, – подполковник рывком поднял на ноги попу, – через пять минут на кухне должно быть чисто как... в церкви.

– Есть, – весело выкрикнула Егорова и, подгоняя помощника скалкой, снова вернувшейся к ней, скрылась за стеной.

– А проблему – то надо решать, верно? – переключил внимание Кудрявцев на профессора, который стоял ближе всех, – что самое главное в военном лагере, окруженном врагами?

– А разве у нас война идет?

– А разве нет? – ответил вопросом на вопрос Кудрявцев, – так что самое важное?

– Ну... Наверное, штаб.

Подполковник хмыкнул.

– Сразу видно – пороху не нюхал. Не служил в армии?

– Нет, товарищ подполковник, – профессор сам удивился, ответив так; но почему-то понравилось. Он даже на тыканье командира никак не отреагировал.

– Самое главное по степени убывания важности в расположении воинского подразделения, – Кудрявцев принялся загибать пальцы, – туалет, кухня, хороший старшина. Последний должен обеспечить первое и второе. Старшины пока у нас нет, поэтому что?

– Что?

– Этим вопросом тоже придется заняться командиру. Прямо сейчас. Кстати – можешь тоже на ты. Здесь у нас, как я погляжу, полное равновесие. По возрасту. Кроме детей, конечно.

– Подполковник отступил на пару шагов, чтобы видеть всех.

– Мужчины, имеющие строительные специальности, просто имеющие навыки в строительном деле, выйти вперед.

Несколько секунд людской полукруг не шелохнулся. Затем парень, державший на пару с девушкой мальчика лет пяти-шести, подхватил ребенка на руки, передал его девушке и, взлохматив рукой на его голове рыжую прическу, подошел к подполковнику и профессору.

– Ильин Валерий Николаевич, бизнесмен, владелец строительной фирмы. Некрупной, – добавил он поспешно, увидев, как чуть скривился подполковник, – когда надо было я сам и с мастерком, и со сваркой, и с тележкой.

– Замечательно, – обрадовался подполковник, зам по строительству у нас тоже есть.

Кто-то из женщин в толпе засмеялся: «А говорил миллионер, Москва, лимузин...».

Впрочем, смех тут же прервался, даже не дождавшись, пока на него отреагирует Кудрявцев. Стоявшая с ребенком на руках женщина ткнула острым локотком в бок соседке и та заткнулась.

А командир снова зашарил взглядом по толпе и поманил к себе еще двоих – мужчину и женщину, которых объединяло то обстоятельство, что к остальным они присоединились явно после принятия ванной. Но если на женщине с мокрыми волосами был длинный махровый халат розового цвета и домашние пушистые тапки, то коренастый парень щеголял лишь полотенцем вокруг бедер. Полотенцем не банным, коротким – такое сам профессор в ванной бросал под ноги.

Наверное, поэтому парень вышел вперед не очень охотно. Подполковник критично оглядел его и протянул:

– Мда... Не дойдешь, – и тут же ткнул пальцем в чемодан, который, как заметил профессор, парень, державший его, не выпускал ни на миг.

– Что там – золото, бриллианты, наркотики?

Парень отчаянно замотал головой.

– Тогда открывай, – приказал таким тоном, что никто бы из присутствующих не осмелился бы его не выполнить.

Вот и парень с чемоданом, глубоко вздохнув, открыл его прямо на весу – так что из него на траву посыпалась одежда, скомканная, явно собранная в спешке. Рубашки, штаны, носки, даже зимняя шапка – все они образовали такую груду, что непонятно было, как они раньше помещались в чемодане.

Из всей этой груды подполковник одним движением вытянул спортивную пару. Парень в полотенце был заметно крупнее владельца вещей, но подобный трикотаж обычно хорошо растягивается, и он, немного помявшись, принял одежду из рук командира.

И опять проявил себя веселый нрав тракториста:

– Так вот как она ваше имущество поделила?..

Тут засмеялись уже многие, пока Кудрявцев не погрозил Анатолию пальцем:

– Никитин!

– Я!

– Два наряда вне очереди!

– Есть!

Тем временем парень с влажными волосами и полотенцем на плече появился из-за развалин. Трико серого цвета обтягивало его спортивную фигуру. Подполковник махнул рукой: «Пошли!»

Пошли вшестером – сам командир, Ильин (бизнесмен и строитель), девушка в голубом халате, назвавшаяся Надеждой Николаевной Исаковой, которая работала раньше бухгалтером, а в последние два с небольшим года прозябала на самую минимальную пенсию в городе Петрозаводске. За ними осторожно ступал босиком незнакомец в сером костюме. Этот представился Малышевым Игорем Владимировичем, одна тысяча девятьсот семьдесят шестого года рождения.

Пятым, с молчаливого согласия подполковника, шагал профессор, пытавшийся в окружающих его событиях выстроить какую-то систему. Система никак не выстраивалась и потому Алексей Александрович заметно нервничал.

– Надо же, – удивлялся он самому себе – ни страшная гибель молодой незнакомки, ни доисторические животные, ни молодость и здоровье, фантастическим образом обретенная Игнатовым и им самим, не выбивает из равновесия так, как невозможность объяснить происходящее вокруг – ведь есть же, есть причины тому, что именно мы оказались здесь...

Малышев тем временем экспрессивно рассказывал, как он – геолог по профессии и по призванию – сегодняшним утром только приехал из экспедиции, продлившейся больше четырех месяцев. Первым делом он наполнил ванну горячей водой и, бросив грязное белье в корзину у двери совмещенного санузла своей однокомнатной квартиры в Петрозаводске («Тоже Петрозаводск», – не забыл отметить профессор), не успел получить несравнимого с ним с чем чувства чистоты и легкости тела и души, как ни двери, ни корзины не оказалось, а...

Дальше Романов мог продолжить и сам, тем более что геолог замолчал – пришли. Тут и идти было всего ничего – до ближайшего угла всей этой мешанины из каких-то обрубков зданий, по большей части состоящих из железобетонных помещений не выше трех метров; немаленьких частей машин с неведомыми механизмами на них; труб – тех самых, метрового диаметра, и совсем рядом тонких, квадратных, россыпью заполнивших пустое пространство за грузовиком оранжевого цвета, вернее за его кузовом и каким-то грузоподъемным механизмом. Вся эта конструкция нелепо завалилась назад, нависая над трубами, которые строи-

тель Ильин обозвал: «Труба профильная, сорок на сорок, три миллиметра, длиной... метров пять...».

И тут профессора, что называется, торкнуло – вот он, первый кирпичик в систему. Похоже, каждый участок был равным другим – примерно пять метров на пять, в том числе и тот, который приютил на себе то, что осталось от его квартиры. И ни один из них – по крайней мере те, что видел Романов – не напознал на соседний.

Он даже попытался измерить шагами тот участок, к которому они пришли и... нарвался на ироничный взгляд Кудрявцева, который явно понимал, чем это тут пытается заниматься профессор. Тот только теперь осознал, что вся компания, включая ее шестого члена – огромную собаку, не отстающую от подполковника больше чем на шаг, следует за ним.

Профессор в это время измерял третью сторону, когда чей-то счастливый возглас: «Ого!», – вернул его к действительности.

Середину соседнего участка украшала стеклянная витрина-холодильник – одна из тех, что заполняют любой российский рынок; она была целой. Целой и полной – колбас, окороков, еще чего-то вкусного (по крайней мере на вид). Следующий за ней – не холодильник, а обычный фанерный прилавок и полки, были когда-то уставлены лоточками с орешками, сухофруктами и, кажется, приправами. Кажется, потому что от этого прилавка и от этих полок осталось не больше метра, который естественным образом завалился набок, на соседний участок. Точнее на глухую стену какого-то кирпичного здания.

Алексей Александрович чуть было не бросился вслед за другими, чтобы поднять ладонями с бетонного пола продукты, такие драгоценные здесь. Этот порыв был не профессорским; за Ильиным и Исаковой кинулся спасать добро новый человек. И этот человек осознавал, что больше он, возможно, никогда в жизни не попробует ни чернослива с урюком, ни фисташек и орешков кешью, ни плова, сдобренного зирой.

– Стоп! – отрезвляюще прозвучала команда Кудрявцева, – этим займутся другие. А наша задача – вот это. Смотри, Алексей Александрович...

Подполковник пригласил профессора в помещение, которое, как понял последний, когда-то было ванной комнатой геолога. Ванная до сих пор была почти полной воды; понять, насколько грязной она была после четырех месяцев полевых работ, мешала густая шапка пены – Малышев плеснул моющее средство от души. Романов, конечно, предполагал, что геологи как-то там приспособляются по части гигиены, но все ж таки было видно, что именно «как-то».

Игорь Малышев сунулся было рукой к ванной, чтобы спустить грязную воду, но тут же был остановлен стальной рукой подполковника: «Не смей!».

Он приглашающе махнул рукой остальным и совсем скоро все теснились в соседнем помещении, оказавшемся вполне целой ванной комнатой бывшего бухгалтера Надежды Николаевны. Ванна тоже была наполнена больше чем на половину водой подозрительного розоватого оттенка, а рядом с ней на кафельном полу лежала сложенная опасная бритва. Профессор не успел глазом моргнуть, как последняя исчезла где-то в воинском одеянии Кудрявцева.

– Это мы реквизируем, – пробормотал подполковник и повернулся к Надежде, – я так понимаю, что ты сидела здесь, – его палец остановился над розовой гладью, прямо посреди ванной.

– Да, – кивнула Исакова.

– Берем сюда два с половиной метра, – Кудрявцев ткнул пальцем в стену, смежную с соседней ванной.

Романов очень зримо представил идеально ровный срез бетонных стен соседней комнаты.

– Туда, – палец повернулся в противоположную сторону, – хватило как раз, чтобы комната осталась целой, – там, – он показал на потолок, до которого едва не доставал рукой, – понятно. А там?!

Романов тупо уставился на его руку, указывающую теперь вниз, на кафельную плитку серого цвета. Но первым отреагировал Ильин. Наверное, строительный опыт подсказал:

– А там тоже чья-то ванная. Была. Или то, что от нее осталось...

– Точно! – кивнул Кудрявцев, – метра два стен и песчаный пол.

– А откуда вы знаете, что там песок? – удивился Ильин.

– Знаю, – загадочно улыбнулся подполковник и... нажал на кнопку слива унитаза.

Вода с шумом пролилась этажом ниже.

– Это будет женский туалет, а там...

– Мужской, – опередил его профессор, – так ведь вонять будет.

– Ну, пованивать, конечно, будет. Так ведь в деревнях в каждом дворе такие скворечники стоят – и ничего, люди живут. А тут такие условия... Тебя бы профессор на..., – подполковник вспомнил что-то настолько неприятное, что скорчил жуткую физиономию.

Такую, что Романов поспешно отодвинулся от него, но все-таки спросил:

– А вода? – только теперь он понял, зачем Малышеву запретили сливать свою ванную.

– Вода – это задача других бойцов. Этого на первое время хватит, – подполковник повернулся к Ильину, – ты свою задачу понял?

– Понял, командир – вентиляцию загерметизировать; вытяжные трубы с нижнего этажа поднять насколько возможно высоко; мужской туалет оборудовать стенкой в виде ширмы или... что получится.

– Молодец, – похвалил Кудрявцев, – не зря свой хлеб кушаешь, – и он хитро подмигнул строителю, кивая головой в сторону прилавка с мясными деликатесами.

– А где я трубы возьму, цемент, герметик и все остальное?..

– Ну..., – разочарованно протянул подполковник, выходя из ванной, вернее женского туалета, – а говоришь бизнесмен. Что, забыл, как в советское время из подручных средств? – и он сделал широкий взмах рукой в сторону развалин, – а тут этого богатства... Инструмент и стройматериалы своей властью разрешаю реквизировать.

– Понятно.

– Ну раз понятно, оставляю в помощь Игоря. Остальные за мной, – уже на ходу добавил он, – и поспешите, люди ждать не будут.

Назад возвращались вчетвером, включая собаку. Возвращались быстро и вовремя – практически над громадной тушей неизвестного пока животного разворачивалась битва «гигантов». Прижав к груди черный ноутбук, от доцента Игнатова отбивался левой рукой худощавый паренек, который в силу subtilности казался много моложе остальных мужчин.

– Прекратить! – гроыхнуло над ухом профессора так, что он невольно присел, а пес рядом угрожающе заворчал.

Прекратили, в смысле замерли все, кроме доцента, к которому собственно эта команда и была обращена. Тот в сильнейшем возбуждении, даже подпрыгивая, вцепился в рукав командира, тыча другой рукой в сторону паренька; скорее в сторону его ноутбука.

– Это что? – каким-то непонятным для профессора образом черная электронная игрушка оказалась у подполковника, который и выставил ее на общее обозрение.

Теперь и незнакомый пока парень вцепился в тот же рукав, который раньше оккупировал Игнатов. Недолго. Кудрявцев сделал опять что-то непонятное – и вот уже оба недавних соперника стоят перед ним, явно опасаясь снова протягивать руки.

– Представиться! – прозвучала команда и парень пробормотал:

– Ежиков я, Сергей Петрович, учитель географии, из Воронежа.

– Из-за чего потасовка, Петровичи? – чуть улыбнулся подполковник.

– Это мой ноутбук, мой, – тоном обиженного школьника вскрикнул учитель.
– Да там у него, офицер, там у него..., – перебивая соперника, сунулся вперед доцент.
Сунулся и замер, едва только Кудрявцев поднял руку. А тот махнул ею в сторону Ежикова:

– Рассказывай, Сергей Петрович.
– Понимаете, – чуть смущенно начал тот, – это я днем в школе учитель, а по вечерам...
Толпа сунулась вперед в ожидании какой-то ужасной тайны и учитель, наконец, решился:
– Я вечером я пишу книжки...
– Молодец, и много платят?
– Не знаю, – стушевался Ежиков, – я пока не издавался...
– Ну и...
– А чтобы сейчас книгу интересную написать, так много надо знать: и ТТХ оружия – и нашего, и вражеского, и про зверей всяких диких и...
– Подожди, а ты разве не про любовь пишешь? – с какой радости подполковник сделал такой вывод, профессор не понял, но отметил, что женская часть окружения явно потеряла интерес к писателю.

– Так вот, – продолжил Ежиков, тыча пальчиком в такой недостижимый сейчас для него гаджет, – там куча информации, там Википедия!

– Так интернета ведь нет, – искренне удивился профессор.
Сергей Петрович посмотрел на него снисходительно:
– А она у меня в памяти записана.
– Да ну, – махнул рукой Романов, – там такой объем.
– Ну, не вся, конечно, – признал Ежиков, – только русская версия. А жесткий диск у меня на два терабайта – там еще ого-го сколько места осталось!

– Тогда да, – признал поражение профессор, – такое возможно.
– Вот я и говорю, – торопливо влез в разговор доцент, пнув ногой лежащую рядом громадину, – сейчас откроем и узнаем кто это.

Кудрявцев перевел взгляд на писателя.

– Так там зарядки – процентов десять, а где здесь зарядить? – он обвел взглядом развалины.

– Значит так, – распорядился командир, – проблему с зарядкой решим; сейчас включать не будем. Это ведь свинья? – спросил он у доцента.

– Ну..., – протянул тот, – какой-то предок свиньи, или тупиковая ветвь. Несомненно, есть различия в строении внутренних органах...

– Вот сейчас и узнаешь! Есть ее можно?

– Ну..., – опять протянул Игнатов, – можно, наверное, только варить часа четыре, не меньше... Мало ли что.

– Доцент Игнатов!

Сергей Петрович невольно вытянулся в струнку.

– Поручаю вам важную задачу – обеспечить питанием товарищей, – подполковник показал на толпу и, не обращая внимания на слабую попытку возражения того, добавил, – а помогут вам... Никитин!

– Я!

– Отрабатываешь наряд; есть еще желающие... умеющие помочь?

– А, пожалуй, я возьмусь, – вперед вышла женщина, совсем недавно получившая тычок локтем от соседки.

Что интересно, в руке она держала длинный нож, словно готова была к такому повороту событий, – Ильина я, Ирина Павловна, в сельпе (она так и сказала – в «сельпе») работаю, продащицей. Я этих поросят перевидала больше, чем мужиков.

Последнее прозвучало настолько двусмысленно, что профессор, сам того не желая, спросил:

– А Валерий Николаевич, случаем, не мужем вам приходится?

– Ага, бывший. А нынешняя – вон, с дитем сюда приперлась.

Подполковник тем временем опять заговорил с Ежиковым:

– Это ты молодец, Сергей Петрович! От лица командования объявляю тебе благодарность. Я бы конечно расцеловал тебя, но, – Румянцев весело захохотал, глядя, как Ежиков испуганно отскочил.

– Хотя... Екатерина Павловна, подойди-ка к нам, – миловидная девушка в какой-то нелепой старушечьей ночнушке шагнула к ним, – ты у нас девушка опытная...

– Мальчишка, – погрозила командиру девушка, и тот на удивление совсем не стал возражать такому обращению, – хотя, конечно. Вот помню я, как раз Иосиф Виссарионович помер...

Она вдруг ловко подскочила к Ежинову и, заключив его в объятия, впиалась в его губы своими.

А профессор, косясь на замершего в крепких девичьих руках писателя, поспешил за Кудрявцевым. Последний, явно пользуясь моментом, уносил куда-то ноутбук, про который Сергей Петрович на какое-то время забыл. Он вообще наверное забыл сейчас обо всем, не замечая даже громких аплодисментов, которыми зрители наградили Екатерину Павловну.

– Это что, такой отвлекательный маневр был?

– Ни в коем разе, – с чересчур честным выражением лица ответил Кудрявцев, – просто награда нашла своего героя. Не завидно, профессор? А хороша старушка, правда? Моя соседка, между прочим, тридцать пятого года рождения, два года с постели не вставала.

– Да, – согласился Романов, – старушка хороша, а куда мы идем?

– Прятать сей драгоценный предмет, – подполковник погладил гладкую крышку ноутбука, – и кое-что еще, и кое-что другое.

Тут он ловко обогнул огромную кровать, на которой по-прежнему лежала, наблюдая за происходящим, спасенная ими из-под завала девушка, и широким гостеприимным жестом пригласил профессора:

– Прошу вас, Алексей Александрович, в мои пять на пять на пять. Точнее в наши с Екатериной Павловной. Ее кровать там, – он кивнул на дальнюю целую стену и зашел в комнату через широкий проем.

Романов последовал за ним, опасливо покосившись на пса-громадину, который угрюмо наблюдал, словно говоря: «Только попробуй тронуть что-нибудь из хозяйских вещей!». Пес разинул широко пасть, демонстрируя великолепный набор клыков – конечно, не сравнимых с теми, у махайрода, но тоже вполне себе ничего. В смысле ничего хорошего, если такие вдруг вонзятся в организм в любом его месте.

– А как зовут твою собаку? – спросил он, подходя к подполковнику.

– Какую? Этого малыша? – «малыш» как раз с клацаньем захлопнул пасть, – так я его сегодня в первый раз увидел.

– Да вы что, – от изумления перешел снова на вы профессор, – а ходит за вами как привязанный.

Но полковник не слушал его – он словно провал на вкус какое-то слово:

– А что, Малыш... Неплохо, – он вдруг подскочил к псу, скромно сидевшему перед входом в комнату.

Кудрявцев тоже присел – так, что оказался лицом прямо против немигающих глаз волкодава. Затем захватил бесстрашно руками густую шерсть на щеках собаки и громко прошептал:

– Хочешь быть Малышом? Будешь Малышом. Малыш, Малыш, – его правая рука теперь гладила широкий лоб, трепала ухо, и Романов совсем не удивился, когда пес, не закрывая глаз, вдруг кивнул.

– Вот и хорошо, – обрадовался подполковник и, отпустив пса, опять направился в комнату.

Профессор огляделся: без вынесенных раньше стола и кресла комната выглядела совсем пустой. Только старенький двухстворчатый шкаф сиротливо стоял в левом углу. Его Кудрявцев и открыл, представив взгляду Романова нечто удивительное: внутри первого скромного собрата скрывался второй, сейфовый, кивнув на который с гордостью, Александр Николаевич сказал

– Унесут только вместе со стенкой, – затем он пошарил рукой в пространстве между стенками – металлической и деревянной (или дээспэшной – за шпоном светлого дерева было непонятно) и две створки железного шкафа чуть раздались.

Подполковник открыл правую и ноутбук занял свое место на верхней полке. Нижние были заняты какими-то документами в пластиковых папках, воинским снаряжением, от которого, как показалось Романову, резко запахло кожей и чем-то еще железным, опасным.

Кудрявцев вынул что-то опутанное ремешками, попытался примерить его к своему наряду и досадливо поморщился. Тут же была распахнута вторая дверца, сдернута висевшая впереди камуфляжная форма, явно ношенная, но чистая и выглаженная – и вот уже подполковник переодевается за спиной профессора, шурша одеждой.

Но тот не слышал ничего, потрясенно разглядывая мундир, висевший за камуфляжной формой. Это был парадный мундир подполковника, весь в орденах и медалях. На правой стороне ткань еще проглядывала сквозь награды; левая была увешана сплошь, так, что мундир явственно перевешивало на эту сторону. А на самом верху этого иконостаса скромно сверкнула Звезда Героя – еще та, без триколора на верхней планке.

Романов чуть дотронулся до нее и прошептал: «Настоящая...»

– Вообще-то за такие вопросы серьезные пацаны морду бьют, но на первый раз прощаю, – парадный мундир тут же был завешен другим, только что снятым, еще теплым.

А Кудрявцев принялся шустро распределять на себе невероятное количество колющего и режущего оружия. Последним свое место в кобуре заняли пистолет и три

– Эти..., – профессор вдруг победно вспомнил, – запасные обоймы.

Только эта кобура да страшный нож с темным матовым лезвием в ножнах были теперь видны; все остальное как-то уместилось под камуфляжем, причем разместилось так, что когда подполковник попрыгал мягко, но достаточно высоко, Алексей Александрович не услышал ничего – даже стука подошв берцов о линолеум.

– Вот как-то так, – усмехнулся Александр, а профессор, наверное в первый раз, обратился к нему по Уставу:

– Товарищ подполковник. Ну ладно я, Игнатов, остальные. А вас-то за что сюда?

Кудрявцев неопределенно пожал плечами и постучал по стальной дверце:

– Может, за это?

Когда командир в обновленном виде и профессор вернулись к точке сбора, толпа явно собралась расходиться. Не всем, видно, понравилось смотреть, как доцент Игнатов азартно кромсает свинью, несмотря на все попытки Ирины Ильиной успокоить его. Впрочем, дела тут благодаря успешным действиям тракториста Никитина продвигались, и Кудрявцев, улыбнувшись ему, спросил вдруг у профессора:

– Так что вы там говорили про диван и кресла?

Романов не помнил, что вообще говорил с кем-то на эту тему, но кивнул, подтверждая – да, места у нас хватает.

– Вот и хорошо, веди, – и уже громче, – товарищи! Меняем место дислокации, – и пошел вместе с профессором вперед, уверенный, что люди последуют за ним.

Действительно, бывшая зала Алексея Александровича вместе с участком пустыря, на котором все также сиротливо громоздились три трубы, вполне способна была разместить

три десятка человек, к которым уже присоединились Егорова с попом, очевидно успевшими привести кухню в порядок. Причем последний поглядывал на Зинаиду Сергеевну с изрядной опаской и... уважением.

Пока люди тянулись к дивану, на котором место нашлось прежде всего детям и их родителям, а может и бабушкам – одну из двух молодых женщин, оккупировавших его мебель, профессор пока не знал – он сам стоял, озираясь, не решаясь присесть в свое кресло.

Кудрявцев тем временем скрылся за дверью сруба и через какое-то время появился в окошке чердачного помещения. Минуты две он обзирал окрестности, прикрывая ладонью глаза от яркого солнца, поднявшегося уже достаточно высоко на небосклоне. Затем он удовлетворенно чему-то кивнул, захлопнул окно и совсем скоро опять распахнул дверь и вышел, уже с двумя деревянными лавками, которые он и водрузил рядом с диваном.

Остальные парни тем временем тоже не стояли без дела. Под командой живчика в брезентовой робе, которую он очень скоро скинул, оставшись в таких же брезентовых штанах, клетчатой байковой рубашке и резиновых высоких сапогах, четверо из них споро раскатали трубы, крайняя из которых, короткая, откатившись, уперлась в очередные, идеально обрезанные по вертикали железобетонные стены. Теперь на них, пусть не совсем удобно, разместилось большинство мужчин и часть девушек. Остальные столпились ближе к креслу, пока пустому. Скорее всего они ожидали, что в него опустится командир, но тот кивнул головой Котовой – устраивайся поудобней. Последняя, как оказалось, успела подобрать на месте разгрома, учиненного махайродом и листки, заполненные каллиграфическим почерком, и оказавшуюся каким-то чудом невредимой пачку писчей бумаги, и даже несколько авторучек, готовых к работе.

Подполковник повернулся к основной аудитории, встав прямо перед передней трубой. Романова он поманил за собой.

– Это профессор Романов, – громко начал он, – Алексей Александрович любезно согласился собрать и систематизировать всю информацию, которая поможет нам понять, как и почему мы попали сюда, Поэтому прошу всех предельно честно и внимательно отвечать на его вопросы.

Романов, не теряя времени, вытянул из папки примерно третью часть листов, зацепил с собственного столика пару ручек, едва не перевернув бокал с так и недопитым Игнатовым коньяком – он был готов к работе. А Кудрявцев продолжал:

– Через десять-пятнадцать минут будут оборудованы женский и мужской туалеты. Надежда Николаевна, – палец правой руки поманил Исакову, чья ванная только что была реквизирована для общественных нужд, – покажет и объяснит, как пользоваться объектом. Ее слово там – закон. Помощник тебе... Ершов!

– Я! – видать, близкое знакомство с кулаком Дубова, следы которого все дальше расплывались от подбитого глаза, здорово дисциплинировало.

– Ты ведь у нас художник?

– Так точно!

– Замечательно, – обрадовался Кудрявцев, – берешь два листа, фломастеры (маленькая коробочка последних заслугами Котовой тоже оказалась на столике) и художественно оформляешь два плаката: «М» и «Ж». Затем поступаешь в распоряжение Надежды Николаевны. Понятно?

– Понятно.

– Выполнять! – он опять повернулся к Исаковой, – а вы голубушка, проследите, чтобы вода не кончалась. Пусть парень побежит, потаскает воду. Там, – он взмахнул направо и профессор понял, что так внимательно высматривал подполковник в чердачное окошко, – метрах в тридцати, в низинке, ручей. Только одного без охраны не пускать. Ну, насчет охраны мы что-нибудь придумаем. Так что сейчас ищите пару ведер и...

– А зачем ведра? – к ним подошел тот самый живчик в брезентовой робе, – у меня в машине... в половинке, что от пожарки осталось, и топоры, и ломы, и рукавов метров триста. А главное – ранцевые огнетушители. Удобные – двадцать литров заливаешь и идешь. И руки свободные. Только спина мокрая...

– Ну, спина это не страшно, – подполковник поглядел вверх, где все сильнее припекало солнце, – пожарник?

– Так точно – Володин Игорь Сергеевич – старший пожарного расчета, как раз выехали на тушение пожара...

– Почему не по форме одет?

– Это, – Володин потрепал за рукав собственную рубашу, – так ведь мы не эмчэсники, у нас своя пожарная часть, от районной администрации. Как в десятом году леса горели, так шустренько и построили.

– Шустренько, говоришь? Хорошо, сейчас шустренько берешь его, – Кудрявцев показал на художника, который, сидя на диване рядом с детьми, вырисовывал что-то на листке бумаги, высунув от усердия кончик языка, – вооружается ранцами, топорами и – вперед и с песней. Шучу – песен не надо, осторожнее там, понятно?

– Понятно, но...

– Никаких но! Пост ответственный, но не постоянный, – и уже громче для всех, – Дежурство по санузлу будет определено позднее.

– Раскомандовался, блин... Люди вон босиком ходят, а он наряды только успевает менять, – эти слова парень, тот самый, с чемоданом, процедил сквозь зубы зло, но так тихо, что никто, кроме профессора, стоявшего рядом, скорее всего их не расслышал.

Но нет – вон и командир чуть заметно дернул щекой, но никак реагировать не стал. Он опять обратился к толпе – заметно поредевшей, растекавшейся по местам тонкими ручейками приставленных к работе людей:

– Нужен человек с опытом руководящей работы. Желательно знакомый со складскими работами, особенно с хранением продуктов.

– Может, я подойду? – парню в фетровой шляпе и с удочкой в руках подполковник кивнул как знакомому, видно сталкивались уже, – Рубцов Николай Петрович, город Свердловск, директор управляющей компании... бывший.

– Проворовался?

– Ну что вы! – непритворно оскорбился Рубцов, – разорился, точнее разорили.

– М-да.., – Кудрявцев явно засомневался, но никто больше не вызвался, и он кивнул, – хорошо. Николай Петрович, назначаешься комендантом лагеря. Временным комендантом. С испытательным сроком... Орлова!

– Ой, кажется это меня, – с трубы в первом ряду соскочила миниатюрная девушка в зеленом, явно каком-то служебном халатике.

– Раиса.., – до отчества дело не дошло, – это ты торговала колбасой?

– Я.

– Ты, Николай Петрович и... – ты, – указал на парня с чемоданом, – ну и Егорова. За мной.

Профессор и Малыш последовали за командиром по умолчанию. Парень, что-то бормоча под нос, отказаться тоже не посмел. Совсем скоро компания была у прилавка со снедью; первым, как всегда командир, успевший ухватить за ухо (другое, пока еще не красное) все того же шкодника-попа. Последний не успел спрятать улику – батон вареной колбасы, кусок которой отчаянно пытался проглотить.

Кусок, очевидно, был непомерной величины и священник, размазывая по лицу выступившие слезы и стремительно наливаясь в лице кровью, лишь дернулся, когда крепкая ладонь

с размаха шлепнула его по спине; кусок выскочил прямо под ноги Раисы. Та вдруг заразительно засмеялась.

– Ты чего, – удивленно повернулся к ней Кудрявцев, выпуская уже покрасневшее ухо.

– Ничего, – махнула та рукой, – представила морду козла этого, Багира – хозяина товара. Я ведь за процент от реализации работала. Раньше еще ничего, а как кризис начался... вон – кто будет окорок по восемьсот рублей за кило покупать? А этот козел по рынку только ходит, руки за спину, важный такой. Да еще к девкам пристаёт. Я-то уже давно на рынке, за тридцать мне уже, я и по морде отвесить могу, а девки молодые, а, – опять махнула она.

– Бить не буду, – успокоил попа Кудрявцев, – помогай, – к остальным он повернулся с командой, – все продукты длительного хранения к ней, на кухню. Егорова, за сохранность отвечаешь головой. Остальное – к месту сбора. Рубцов!

– Слушаю.

– Организовать там столы, собрать стулья, лавки. Обед должен пройти в теплой, дружелюбной обстановке. Куда? – тормознул он коменданта, – пусть они носят, а у нас тут еще дело есть.

Кудрявцев указал пальцем на кирпичную стену, рядом с которой рассыпались орешки и пряности.

– Я так понимаю – это та самая «сельпа».

Здание с низкой крышей без передней стены действительно оказалось сельским магазином. Магазин привел командира в полный восторг. Не так основной его торговый зал, с двумя прилавками – одним с чем-то мясным, рыбным и сырным; вторым заполненным кондитерскими деликатесами. Гораздо больше порадовал его склад – точнее его узкая полоса за стеной торгового зала, что вписалась в пресловутые пять метров.

Вдоль стены выстроился в ряд как видно давно неистребованный товар – профессору показалось, даже местами затканый паутиной: 1). Три алюминиевые фляги, открыв одну из которых подполковник, приняв их к густой массе темно-коричневого цвета, пробормотал: «Масло подсолнечное, нерафинированное»; 2). Несколько деревянных ящиков со слипшейся массой светло-бурого цвета (хозяйственное мыло – жуткий дефицит) и, наконец, в дальнем углу 3). Сложенные штабелем мешки белого (точнее давно уже грязно-серого) цвета, на верхних из которых еще можно было прочесть: «Соль каменная».

– Действительно каменная, – постучал по одному из них Кудрявцев и счастливо улыбнулся.

А профессор только сейчас понял, какую ношу добровольно возложил на себя командир. Ведь сам он за переживаниями и потугами объяснить происходящее пока ни разу не подумал, что будут делать эти люди и он сам завтра, послезавтра; через неделю, месяц, год...

– Так, – озадачил Рубцова командир, – это тоже на склад; одну – нет, две фляги освободить. Не вылить – расфасовать в посуду помельче. Помыть и передать Ильиной для варки мяса; и чтобы ни один килограмм не пропал.

– Так ведь тут этих зверей – стадами бродят, – Николай Петрович обвел широким жестом близкую кромку леса.

– Чем охотиться будешь? Этим? – под нос Рубцова ткнулся ствол пистолета, – тридцать шесть..., нет! Тридцать пять патронов. Может, ты знаешь, как их изготовить? Нет? Или топорами махать будем. Первым пойдешь.

Он разочарованно махнул рукой и пошел опять к прилавку с копченостями, рядом с которыми – метрах в трех – сидели в ожидании чего-то (своей доли, чего же еще?) овчарки. Кудрявцев быстро подошел к ним и успел схватить поводки. На попытавшуюся огрызнуться одну из четвероногих подруг грозно рыкнул алабай и знакомство, наконец, состоялось.

– Ты будешь Белкой, – показал подполковник на левую, отличавшуюся более светлым окрасом суку, – а ты...

– Стрелкой, – подсказал профессор и был прав.

Кудрявцев кивнул и, вдруг насторожившись, повернулся к лесу. Тут же грозно зарычал Малыш, и подполковник сунул уже распутанные поводки в руку Романову.

Из леса выскочила девушка в грязном, местами порванном черном брючном костюме, с измазанным глиной лицом и широко распахнутым от недостатка воздуха ртом. Она не добежала до них совсем немного из двадцати с небольшим метров, отделявших лагерь от леса, и рухнула бы на землю с выдавленным через силу возгласом: «Помогите...», – если бы Кудрявцев не успел подхватить ее.

В это мгновение из чащи вывалился еще один субъект – в камуфляже, черной бандане, с молодым небритым лицом восточного типа, с автоматом в руках, который он вскинул, готовый очевидно расстрелять всех перед собой. Он тут же отпустил его, вскидывая ладони к горлу. Оцепеневший от ужаса профессор с удивительной четкостью увидел, как сквозь пальцы незнакомца потекла кровь, а Кудрявцев, оказавшийся рядом с падающим на траву телом, подхватил уже лежавший там автомат и исчез в лесу.

Глава 3. Сауд Аль-Бакри. День первый. И последний

Аль-Бакри грязно выругался:

– Этот сын ишака и собаки сегодня точно доиграется. И никакой дядя не поможет!

Он спешил за не на шутку перепуганным воином, который резко тормознул перед бункером и посторонился, пропуская командира вперед. Сам воин аллаха явно не собирался нырять в подземелье оружейного склада. Боялся, наверное, как и четверо других, оказавшихся на свою беду рядом.

Недобро усмехнувшись, Сауд поманил их всех за собой: «Воин аллаха ничего не должен бояться!».

А бояться действительно было чего – прямо посреди бункера (правильнее было бы сказать посреди канавы, перекрытой тонким слоем досок, присыпанных песком) в длинном проходе стоял Хафиз (сын ишака и собаки!) и покачиваясь, словно обкутившийся анаши, держал в вытянутой перед собой руке гранату. С выдернутой чекой, между прочим.

– А может, действительно обкурился, – отстраненно подумал Аль-Бакри, останавливаясь в двух шагах от него.

На плечи и голову, покрытую кепи, мелкой струйкой посыпался песок – «бункер» действительно был хлипким сооружением, воздвигнутым буквально на несколько дней на месте старого пересохшего арыка. А что было делать, когда отряду Аль-Бакри совсем неожиданно подвезли совершенно невероятное количество оружия, отбитого, скорее всего у асадовцев, поскольку все оно было советского производства, ничем не хуже того, каким был вооружено воинство Сауда.

Он и сам было приглядел себе пару пулеметов и столько же снайперских винтовок – больше для его невеликого отряда было не нужно, но... Но приказ был жестким – если хоть один патрон из привезенного пропадет, аль-Бакри воплотит мечту любого правоверного мусульманина – отправится на встречу с всевышним, причем намного раньше, чем запланировал. Вопрос, зачем начальству понадобилось такая прорва оружия, которым воевал противник, даже не стоял – конечно, для провокации, на которые любое начальство великие мастера.

Оружие спрятали, укрыв его от песка неимоверным количеством пленки. Спрятали от нескромных взглядов пилотов сирийской армии и недавно появившихся в небе летчиков-американцев. Никакого бомбового удара склад конечно же не выдержал бы, но свою задачу пока успешно выполнял. Самолеты, пролетавшие иногда высоко в небе, на воинов аллаха, укрывшихся у подножия заросшего жесткой высохшей травой холма, где и был оборудован склад, никакого внимания не обращали.

Один день, всего один день и отряд вернется к своему обычному делу – мелким стычкам с противником, куда более частые налеты на мирные поселения, с грабежом и «развлечениями», в которых самое активное участие как раз этот ишак и принимал.

Сауд знал; все его бойцы знали, что этот пускающий в двух шагах от него слюни «воин» ничего не может сделать с женщиной – в том виде, в каком предопределил это для настоящих мужчин аллах, все милостивейший и всемогущий. И Хафиз знал, что воины об этом шутили за его спиной (в глаза шутить не смели – тоже знали о дяде, приближенном к «самому»). Потому он развлекался с захваченными женщинами по-особому – страшно и долго, так что даже выдавший многое Сауд не мог выдержать такое, уходил подальше.

Скорее всего кто-то, а скорее всего караульный – вон он стоит с виноватым лицом и рассеченной бровью последним в пятерке, столпившейся в проходе – точно, караульный, пошутил неудачно на эту тему. И сейчас у них, прежде всего у Аль-Бакри, оставалась одна надежда – на трусость Хафиза, о которой тоже все знали. Потому что в первых рядах атакующих его никогда не видели. Зато намаз он совершал усерднее всех, заодно примечая, кто пытается увиль-

нуть от деяний, угодных всевышнему. И хотя аллах дает послабления воинам, несущим его зеленое знамя на полях сражений, набожность в отряде с приходом в него «племянничка» резко выросла.

Сам Аль-Бакри в великое будущее Ирака и Лефанта не верил; больше того – он и в аллаха не верил. Когда эта мысль пришла ему в голову впервые, он ужаснулся, готовый принять кару всевышнего; со временем свыкся с этим, умело скрывая свои убеждения. А убеждение, точнее желание, было одно – стать своим в спокойном, отмеченном вековыми традициями уголке земного шара, где никто не говорит по-арабски, но и не отворачивается брезгливо и опасливо от человека другого цвета кожи и разреза глаз, и где многое в отношениях зависит от размеров твоего банковского вклада.

Такое место Сауд знал; банковский вклад тоже имел, но не такой внушительный, как хотелось бы. Хотя война и была весьма прибыльным делом, Аль-Бакри мог лишиться не только денег, но и головы, узнай кто о его планах. Поэтому командировка в его отряд Хафиза была для него крайне нежелательной. Тот уже, благодаря своим зверствам, засветился пару раз в репортажах (кажется, телеканала «Аль-Джазира»); если в следующий раз в объектив попадет он сам, с мечтой придется попрощаться. Или жить в райском уголке с оглядкой: когда за тобой придут. Война немцев с русскими семьдесят лет назад закончилась, а там до сих пор приходят. Потому что не все за собой почистили.

Поэтому Аль-Бакри сегодня, сейчас успокоит этого ублюдка, завтра сдаст по описи склад, и первом же бою «погибнет» героической смертью, так и не найденный среди ошметков тел на месте взрыва противотанковой мины.

Сауд кряхтя присел у стеллажа с оружием, подозвал к себе остальных воинов, подождал, когда они присядут тоже на корточки – трое напротив, а двое рядом, по левую руку, и вытянул из за спины, сквозь неплотный шов полиэтиленовой пленки, автомат. Всем известный автомат Калашникова, готовый к стрельбе, со спаренными магазинами на тридцать патронов. Так Аль-Бакри и сам когда-то делал; давно, в Афганистане. Тогда он еще истово верил в аллаха и не имел мечты. Наверное, потому что тогда ему было двадцать лет. Теперь он перешагнул за пятьдесят и сам подчас удивлялся – как смог выжить в круговерти войн, переворотов и просто бандитских разборок.

– Это оружие, – медленно заговорил он, даже не поднимая головы, – завтра возьмут в руки воины аллаха, чтобы перейти в наступление. Я знаю – завтра будет великая битва, где каждый автомат, каждый клинок будет на счету. Там все мы будем нужны. И ты, Хафиз...

– Нет, – истерично выкрикнул, и Сауд ощутил как вздрогнул всем телом сидящий рядом человек, – я никому не нужен!..

– Ошибаешься, – все так же спокойно перебил Аль-Бакри, – ты нужен нам всем, ты еще увидишь, как исламское государство поднимет свой флаг везде – и в Европе, и в Америке. Это я – старый больной человек – никому не нужен.

Тут словно бесшумный взрыв пронесся по бункеру; Сауд даже решил поначалу, что граната все-таки взорвалась и он уже в раю, который оказывается есть – так светло стало вокруг, но... – его глаза видели совсем другое: граната медленно валилась, вращаясь, на сухой глиняный пол, а его руки уже сами тянулись к ней, подхватывая перед самым ударом. Не раздумывая, он бросил гранату вверх и в сторону – туда, где только что нависал над головами хлипкий дощатый потолок.

Еще не прогремел взрыв, как кто-то из его подчиненных закричал визгливым, а потому не узнанным голосом: «Асадовцы», – и тут же автоматические винтовки М-16 загрохотали, заглушая взрыв, потому что тот был далеко – там, куда он смог забросить по высокой траектории гранату, а винтовки били по ушам рядом, в узком пространстве бывшего бункера. Бывшего – потому что крыши и дверей у него теперь не было, а в длину он сократился втрое,

метров до пяти. В стороне, противоположной битве, мелькнула спина Хафиза – с автоматом. Последний, как оказалось, успел подхватить Калашникова, пока командир ловил гранату.

– Шустрый, – подумал с удивлением Аль-Бакри, и в этот момент стрельба разом закончилась, – а эти еще шустрей, по целому магазину выпустили.

Вытянув через тот же шов еще один автомат, тоже снаряженный двумя магазинами, он пополз наружу, благо ни одного звука впереди не было слышно. Пополз, потому что брось кто-нибудь гранату в это тесное пространство, заставленное оружием и боеприпасами, да даже если бы без них...

Бросать было некому. Да, здесь действительно неведомым образом оказались бойцы сирийской армии, более того – прямо напротив грозно целил пушку броневи́к из тех, что Асаду поставляла Россия. Он невольно поежился, глядя в темное жерло, которое из-за близкого расстояния казалось значительно крупнее своих тридцати миллиметров; однако управлять грозной машиной и его орудием было некому. Весь экипаж, и кто-то еще, тоже в камуфляже, общим числом шесть человек, были буквально изрешечены патронами калибра 5,56; седьмой висел, наполовину вывалившись из переднего люка, напичканный пулями, пожалуй, гуще остальных.

Что-то было непонятно в этой БРДМ-3 – вспомнил он наконец модификацию броневой машины. Но прежде чем разбираться с этим, он крикнул за спину:

– Насер!

Воин приполз и остановился рядом, лишившийся где-то своей жиденькой бороды. Он выглядел значительно здоровей, чем обычно, губы не были испачканы обычным грязным налетом жевательной табачной дряни, но Сауду было не до внешнего вида подчиненных.

– Проверить, – послал он подчиненного, и тот, оглядываясь на него с вытаращенными в немом удивлении глазами, пополз вперед, не выпуская из рук разряженную винтовку.

У ближайшего трупа он перевооружился, подхватив оружие противника, и исчез за широким колесом бронемшины. И тут раздался выстрел. Затем еще один выстрел, и еще, и еще... Аль-Бакри понял – это развлекается Хафиз. Он то ли не мог переключить регулятор автоматического огня, либо не хотел делать этого. А выстрелы все не кончались, и вслед за ними в развалинах, видневшихся за огромным, метров пяти в диаметре, шатром, непонятно как выросшем недалеко от бункера, раздавались крики. Иногда короткие, означавшие, что Хафиз поторопился, попав в жизненно важный орган; иногда длинные и тоскливые – и тогда выстрелов было два-три, через равные промежутки времени. К ним присоединились вдруг предсмертные вопли баранов. И тут вернулся Насер.

– Все чисто, господин, – он опасливо поглядывал на Сауда, которому больше всего не понравилось, как нервно дрожит палец воина на спусковом крючке автомата.

– Ты что, сын ослицы, не узнаешь меня?!

– Нет, господин, вроде голос командира Аль-Бакри, но нет – это не вы, командир.

Сауд в бешенстве принялся тереть по привычке левое ухо, которое – о, аллах! – было целым и непривычно большим. А ведь половину его он оставил еще там, в Афганистане, раненый в короткой стычке с неверными.

Этот жест словно успокоил Насера; он принялся объяснять что-то появившимся опасно из бункера воинам, которые удивленно разглядывали друг друга и командира. Впрочем, последний в разборки вступать не стал, направившись короткими перебежками вокруг БРДМ. Точнее вокруг того, что осталось от боевой машины.

Броневи́к в задней части отсутствовал, словно кто-то отсек от него третью часть гигантским клинком; только что это должен был быть за клинок, перерубивший и часть двигателя, и третью пару колес вместе с дисками, и самое главное – броню БРДМ, совсем недавно с легкостью остановившую не меньше сотни пуль из М-16, ударившими в нее со скоростью восьмисот метров в секунду почти в упор?

Сауд не поленился, протиснулся в образовавшуюся в корме броневой машины щель рядом с остатками движка, чуть морща нос от резкого запаха соляра, наверняка пропитавшего всю землю вокруг – топливные баки тоже вскрыл какой-то гигантский консервный нож.

Внутри такой машины он ни разу не был, потому оглядевшись, ничего трогать не стал, только вытолкал наружу тело асадовца, поддавшееся легкому толчку и вылез следом сам. Воины, стоящие кружком совсем рядом, дружно обернулись к нему, но за оружие, висящее на плечах у каждого, хвататься не стали.

– Значит, договорились, – обрадовано подумал Сауд, поворачиваясь к появившемуся из-за шатра Хафизу и замечая крем глаза, что руки воинов потянулись к автоматам.

Он и сам перехватил поудобнее АКМ, глядя, как к ним с безумной улыбкой на губах приближается «племянничек». Тот, казалось, от избытка адреналина в крови стал выше ростом, моложе и стремительней. Редкая, всегда неопрятная борода на щеках отсутствовала. Аль-Бакри понял – вот тот долгожданный момент, когда ничто не остановит его от сладкого чувства сминаемой его железными пальцами глотки, а затем и шейных позвонков наглого мальчишки. Потому что после того, что произошло вокруг, никакой дядя ему уже не страшен.

– Да и есть ли он теперь здесь, этот дядя, и все остальные, кроме нас, – оглядел он мрачный лес, окружавший место событий и не выпуская из внимания Хафиза.

Однако ни сам он, ни другие воины, ни безумный мальчишка не успели сделать ничего – даже слова сказать, когда совсем рядом словно взметнулся песчаный вихрь, тут же опавший, но оставивший перед остоленевшими воинами группу новых персонажей.

Вперед выступил молодой парень в каком-то длинном белом стариковском одеянии; на руках он держал девочку лет четырех-пяти. К правой ноге парня прижимался лохматый пес, сразу же оскаливший острые зубы. По бокам их подпирали два верблюда, невозмутимо пережевывающие что-то; позади виднелись еще какие-то животные, скорее всего козы.

Первым опомнился Хафиз. С той же счастливой улыбкой на лице он шагнул вперед, поднимая АКМ. Пес с грозным рычаньем бросился на него и упал с коротким визгом; он попытался ползти вперед, защищая хозяев, но безумец уже не обращал на него никакого внимания. Ствол автомата переместился на людей – прямо на девочку, которую парень явно пытался то ли спрятать за своей широкой спиной, то ли отбросить в сторону, но... Палец опять нажал на курок и вместо громкого одиночного выстрела раздался только сухой щелчок – патроны кончились.

Хафиз недоуменно опустил голову вниз, к оружию, которое ни разу его сегодня не подвело, и потому не увидел, как парень напротив сделал два коротких шага вперед. Крепкая рука, вооруженная ножом с коротким кривым лезвием, метнулась вперед, и еще раз, и еще, и еще... – пока мертвый уже воин не начал падать назад, вздрагивая торсом от каждого смертоносного удара.

Он наконец упал на песок, подогнув одну ногу; во вторую успел вцепиться раненый пес.

– Не стрелять! – взмахом руки остановил своих бойцов Сауд.

Он вдруг понял, что может быть на много дней пути вокруг никого нет. Никого кроме его самого и семерых, нет, – он взглянул на девочку, – восьмерых человек, способных не только стрелять из автомата. Да, не только стрелять, копать могилы (тут он посмотрел на лежащего навзничь Хафиза и шатер, из-за которого он пришел), и зарезать наконец того барана, который орет, не переставая, последние пять минут.

Аль-Бакри тут же назначил Насера начальником караульной команды в количестве трех человек, ткнул пальцем в направлении, где каждый должен был обеспечить наблюдение и, дождавшись, когда воины разбегутся, выполняя приказ, отправился осматривать свои новые владения. Следом потянулась оставшаяся троица с автоматами и парень в странном наряде с ребенком. Последний явно идти не хотел, но увидев как Сауд показал глазами на девочку, молча пошел за ним, но впереди остальных воинов. Командира очень впечатлила расправа

с Хафизом, да и нож, сделавший свою кровавую работу, укрылся где-то в широких складках его одеяния. Девочка опять была на руках парня; только раненый пес, остановленный взмахом ладони, остался охранять маленькое стадо из двух верблюдов и пяти (не ошибся Сауд) коз.

Прежде всего Аль-Бакри подошел к шатру. Шатер был великолепным; раньше в таких жили эмиры. Да и сейчас он был по карману очень немногим. Затканый внутри шелком, он не был обременен обилием обстановки. Вдоль его стен были в несколько рядов расстелены одеяла, по восточной традиции хан-атласные с верхней стороны; посреди шатра стоял столик, заставленный фруктами и сладостями в чашах желтого металла («Золото», – равнодушно отметил Сауд). Рядом курился высокий кальян.

Аль-Бакри опустил полог шатра, не заходя внутрь – не потому, что не хотел топтать белоснежный войлок на полу; пусть он воинов внутрь, выгнать их оттуда получится не скоро. А в своем авторитете вождя он был уверен не столь сильно, как хотя бы час назад.

Дальше экскурсия пошла вдоль по периметру участка, составленного в основном фрагментами каких-то развалин, среди которых в разных позах застыли трупы – мужчин, женщин и совсем немногих (он увидел всего двух) детей. Если бы Сауд мог сейчас оживить Хафиза, он бы с удовольствием сам убил его, и не один раз. Не потому, что был таким человеколюбивым, нет. Почему-то Аль-Бакри был убежден, что никогда больше не попадет в Сирию; что жить ему дальше придется малым племенем, в котором такгодились бы... ну хотя бы вон та красавица, несомненно арабка, хоть и белокожая, как европейка. Девушка лежала обнаженной в огромной ванне, из которой уже почти исчезла вода. Чуть выше ее левой роскошной груди темнели сразу два входных отверстия пуль, которые, пробив тело насквозь, разрушили и целостность толстой пластиковой емкости, созданной для любви и неги. Теперь тут ни тем, ни другим не пахло. Да еще этот баран!

Сауд резко повернул на звук. Баран, как оказалось был заперт в автомобиле-пикапе, «Фольксвагене-амарок», какого Аль-Бакри никогда прежде не видел. Двухдверный, с длинным крытым кузовом, он был совершенно целым, не считая срезанного начисто регистрационного номера впереди. Его хозяина такое безобразие ничуть не волновало – он сидел, откинувшись на сиденье автомобиля, с пробитым пулей лбом и открытыми глазами, сохранившими удивленное выражение от картинки окружающего мира. Оболочная пуля со стальным сердечником несомненно пробила и сиденье, и тонкую стенку за ним, и несчастное животное, исходящее криком.

Командир не погнушался сам распахнуть обе двери пикапа – и тут же отпрыгнул в сторону, когда его едва не сбила с ног полноводная живая река.

– Один, два, три, четыре... – он насчитал двенадцать овец, вырвавшихся из тесного плена; еще четыре оставались внутри – три лежащих неподвижно и четвертая, бьющаяся в судорогах и издающая тот самый душераздирающий крик.

– Абдалла, – подозвал он своего воина, тоже удивительным образом похорошевшего, – и ты, – ткнул он пальцем в парня в светлой домотканине.

– Меня зовут Хашимулло, господин, – он чуть поклонился Сауду и дернулся вслед за овцами. Впрочем, он тут же замер на месте – то ли потому, что его резко окрикнул командир, то ли потому что бараны и сами шарахнулись назад, ему навстречу, услышав, как в глубине леса утробно взревел какой-то зверь. Ему ответил другой – более протяжно, с настолько дикой первобытной тоской, что воины, да и сам Аль-Бакри, наверное, побледнели и крепче стиснули приклады автоматов.

Но никто из дебрей не появился, и Сауд повторил:

– Абдалла и ты, Хашимулло, – займитесь баранами, – воины аллаха не должны остаться сегодня голодными.

Все еще озираясь на мрачный лес, командир отправился дальше, теперь уже только с одним бойцом. Они шли по кругу, огибая, а местами и перелезая через уцелевшие стены

с удивительно ровными обрезанными торцами – здесь будто тоже порезвился великан с волшебной саблей. Его внимание привлек роскошный «Кадиллак» строгого черного цвета, разрезанный вдоль ровно посередине, так что водитель, пристегнутый ремнем и одетый в не менее вызывающую ливрею, лежал в сидении на правом боку – тоже, к сожалению, мертвый.

Аль-Бакри вдруг расслышал шепоток – такой тихий, что не наступи вокруг после душе-раздирающих звуков из лесов абсолютная тишина, он бы прошел мимо. Но нет – сильные руки отодвинули в сторону какой-то прилавок с наваленными на нем грудami женской одежды, и на воинов испуганно уставились тесно прижавшиеся друг к другу две молодые девушки – тоже, как и все вокруг, арабки. Одна из них, посмуглее, начала открывать рот, чтобы нарушить установившуюся вокруг тишину отчаянным визгом, когда Сауд, удивив воинов, а больше самого себя, необычайно мягким голосом остановил ее:

– Успокойтесь, сестры. Все кончилось. Аллах покарал нечестивца. Теперь я.., – он оглянулся на бойцов, – мы не дадим вас в обиду.

Еще больше удивились двое прожженных подонков, которые в последний год ничем кроме убийств и насилия не занимались, когда поняли, что девушки поверили командиру. На их устах появились несмелые улыбки и они охотно присоединились к Абдалле и Хаши-мулло, разделяющих уже третью тушу. Впрочем, они тут же были отправлены на поиски приправ и специй, а также посуды, желательнее казана, в котором Абдалла обещал сварить плов, достойный шейхов. Сварить из риса, полмешка которого он уже где-то раздобыл.

На немой вопрос командира он махнул рукой в сторону шатра:

– Там целая лавка – и рис, и маш, и много чего еще. Нават я уже замочил, – Абдалла показал какую-то кастрюльку с залитой водой горкой крупных горошин, – а хозяин дохлый лежит, платить не нужно.

Боец захохотал во все горло и пообещал, что кебаб будет готов даже раньше плова. Аль-Бакри недовольно поморщился. Впереди было самое неприятное – надо было избавиться от трупов. Желательно закопать. Не только потому, что к этому подгоняло припекающее все сильнее солнце. Он никак не мог забыть продирающих до самых костей лесных криков. Не убери все вокруг, скоро сбегутся и слетятся все падальщики вокруг. А что тут будет твориться ночью!?

В том, что в окружающем их лесу падальщики есть, он не сомневался. Там где есть человек, там сразу же появлялись эти твари. Аль-Бакри думал даже стаскать все тела в какой-то из подвалов (их было вокруг на удивление много), и завалить его, можно даже взрывом – умения у него хватило бы, а взрывчатки... Вот со взрывчаткой было все непонятно. От длинного, метров двадцати, бункера, осталось не больше пяти; окажется ли там взрывчатка, принятая по описи, он не знал. Ведь не сам же он таскал тяжелые ящики. Вот в том, что автоматы с ящиками патронов к ним, и те самые приглянувшиеся пулеметы со снайперками здесь, рядом, он не сомневался. И это радовало душу. А предстоящая работа не радовала. Хотя, командир он или не командир?!

Уже через пять минут Насер сдал ему пост, а сам вместе со вторым воином сносил тела к тому месту, куда, как оказалась, рука командира добросила гранату – в тот самый момент, когда их жизнь круто поменялась. И Аль-Бакри эти перемены начинали нравиться. Если бы еще не Хафиз!

Поляна в этом месте удлинялась, заходя глубоко в лес, кажется, так далеко, что ее можно было принять за начинающуюся (или заканчивающуюся здесь) дорогу.

Сауд даже прильнул к ней, пытаясь разглядеть заросшие колеи – но нет. Ни нога человека, ни какой-либо механизм своих следов здесь не оставили. Какая сила пробила эту просеку – вода, ветер, дикие звери или другой каприз всевышнего, он разобрать не мог? Аль-Бакри вообще лес не любил; он не понимал его, не разбирался – ведь не называть же лесом те

чахлые заросли в афганских горах, в которых он когда-то прятался от шурави. А тут – настоящая Сибирь – от этого слова Сауда пробило морозом, так, что он чуть не сбился со счета.

Но нет – вот и Насер подошел, тяжело отдуваясь, для отчета. Солнце за прошедший час поднялось еще выше, так что было уже почти как в родной Сирии. Если бы еще не этот проклятый лес!

А воин подтвердил, что командир не ошибся в подсчетах: четыре ребенка, двенадцать мужчин и шестнадцать женщин отправил на тот свет проклятый Хафиз. Точнее троих из них проводил к всевышнему сам Насер, показав три пальца правой руки, а большим пальцем левой проведя себя по горлу – добил.

Аль-Бакри отправил его на поиски шанцевого инструмента; другой воин присел рядом с ним. Его грязное лицо лоснилось от пота, и командир подумал, что можно было бы отправить и его – на поиски воды. Пока же его негромкий разговор самого с собой не мешал командиру. До тех пор, пока Сауду не показалось, что в унисон почти спокойным арабским словам раздаются чьи-то чужие, гортанные и чем-то знакомые. Но нет – не показалось. Из чащи вдруг появился худощавый парень с густыми выщипавшимися черными волосами на голове и таким характерным носом, что Аль-Бакри принял его за своего, за араба. Но последний вдруг при виде воинов просиял лицом и крикнул в лес что-то на иврите, который Сауд не то чтобы знал, но отличить от других мог достаточно уверенно – приходилось сталкиваться, и не раз.

Из чащи выскочила теперь целая толпа – человек десять, не меньше. Тут первый, призывавший сотоварищей, увидел наваленные вдоль тропы тела погибших; увидел кто-то еще. Из толпы раздался истошный женский визг и вся она подалась назад, в лес, но поздно – из-за спины командира раздалась длинная очередь и сразу несколько человек, и прежде всех кучерявый предводитель, повалились на землю.

– Ишак и сын ишака, – выругался Сауд, оборачиваясь и вырывая оружие у подчиненного.

Несколькими длинными прыжками он достиг толпы, замершей на месте, и принялся прикладом сбивать ее компактней, а затем и укладывать на землю ничком. Воин, немного обиженный вспышкой командира, присоединился к нему, помогая за отсутствием автомата, руками и ногами, не забывая пинать пленников так, что Сауду пришлось опять одернуть его.

– Господин, это ведь евреи, – заговорил он, почти крича и брызгая слюнями, – сейчас мы их всех...

– Стой, – приструнил воина Аль-Бакри, не решаясь, однако, еще раз обозвать его и показав на гору трупов, – яму ты копать будешь?

– Точно! – обрадовался воин аллаха, – пусть копают, а потом мы их...

– Ишак! – все-таки не выдержал Сауд, – а баранов ты пасти будешь, коз ты доить будешь, – голос его крепчал с каждым словом, – а потом ты этих баранов трахать будешь?! У нас только две женщины, две! Каким ты в очереди будешь, знаешь?

Вояка понял, что скорее всего до него очередь никогда не дойдет и посмотрел на пленников, вернее пленниц, совсем другими глазами. На земле между тем жались друг к другу всего четыре фигуры. Женские фигуры, потому что трое мужчин, выскочившие из леса в первых рядах, не двигались; они лежали на земле чуть поодаль. Еще одна девушка шевелилась, но так слабо, что Аль-Бакри, только глянув на руки, которые она прижимала к животу, на кровь, уже пропитавшую большую часть ее платья, понял – не выживет; работа для Насера.

А последний и сам уже бежал на звук выстрелов, почему-то без автомата, но с лопатой наперевес.

– Еще один ишак, – подумал Сауд, встрепенувшись, обрадовано глядя, как из чащи чуть дальше остальных показалась еще одна женская фигурка в темном брючном костюме, по какой-то причине отставшая от сотоварищей.

Но сейчас она оказалась шустрее остальных. Коротко вскрикнув, она повернулась и исчезла за поворотом широкой тропы, которую Аль-Бакри совсем недавно изучал.

– Куда, – железная командирская рука успела перехватить за камуфляж Насера, – куда без оружия?

Тот ошалело помотал головой, пытаясь вырваться из захвата командира и вдруг, видимо вспомнив страшный рев в лесу, обмяк.

Впрочем, Сауд и сам понимал, что беглянку надо поймать, что она могла вернуться не одна, с помощью. И пусть вероятность такого была ничтожно мала – скорее девушку загрызнут дикие звери, или она заблудится и упадет без сил, что опять-таки заставляло думать о хищниках, но... Даже такой вероятностью нельзя было пренебрегать, а кроме того еще одна женщина в его – он даже не знал, как назвать то непонятное пока, что хотел слепить из этих таких разных людей.

В общем, через пять минут в погоню отправились два воина, старшим из которых был назначен Насер. Оба были вооружены акэмами с двумя спаренными магазинами – сто двадцать патронов могли уничтожить или разогнать любую стаю хищников.

Так думал Аль-Бакри. Что думают воины, его не интересовало.

Прибежавший следом за Насером Абдалла обрадовал, что кебаб уже почти готов, а в казан скоро будет заливать воду, но соли нет и поэтому...

Сауд явственно представил серое длинноухое животное, но обижать воина не стал – уж больно мало их у него осталось. Не вооружать же Хашимулло. Аль-Бакри небезосновательно предполагал, что последний повернет дуло автомата совсем не туда, куда ему укажут. Впрочем про парня командир вспомнил совсем не случайно.

– Абдалла, твой друг Хашимулло...

– Он мне не друг, – насутился воин.

– Хорошо, не твой друг Хашимулло ехал на верблюде, с ребенком, с козами, с собакой...

– Ага, – подхватил Абдалла, – он мне рассказал. Их буря настигла песчаная, в пустыне.

– И как ты думаешь, человек едет по пустыне с ребенком, на верблюдах хурджины, что в них?

– Точно, – вдруг догадался воин, и умчался туда, откуда доносился умопомрачительный запах кебаба.

– Господин, есть соль, – радостным голосом закричал он из-за шатра, – и хлеб есть, и...

Но Сауд не слушал его, он пытался понять, что может сделать он сам и два воина (не считая Абдаллы, который помимо всего прочего еще и за парнем должен был наблюдать, да и за девушками, оказавшимися родными сестрами). В результате недолгих раздумий один из воинов отправился на противоположный конец их лагеря, где наблюдал за окрестностями, забравшись на самую высокую развалину. То же самое сделал второй боец, оккупировавший похожий наблюдательный пункт, но уже здесь, рядом, где четыре израильские девушки – сначала под угрозами, и даже легкими затрещинами, начали расширять воронку лопатами и одной широкой мотыгой, реквизированной у Хашимулло. Потом удивленный воин увидел, как командир, забросив за спину автомат и взявшись за свободную лопату, тоже включился в работу.

При этом Сауд о чем-то негромко переговаривался с пленницами, но, как не напрягал слух воин аллаха, ничего понять он не смог. Потому что не знал английского языка.

Зато его хорошо знали и сам командир и его невольные собеседницы. В результате уже совсем скоро он узнал, что израильтянки (и израильтяне) тоже неведомо как оказались на поляне посреди дремучего леса, в развалинах, которые они не успели толком даже разглядеть, потому что на них со всех сторон полезли жуткие твари, которых две женщины обозвали медведями, а две другие – какими-то монстрообразными собаками. Они даже немного поспорили, не обращая внимания на разулыбавшегося командира.

Потом две девицы принесли кебаб, жесткие до каменного состояния лепешки и пятилитровую пластиковую бутылку с водой, увидев которую пленницы заметно оживились – этикетка

была заполнена буквами на иврите, и женщины наперебой стали объяснять Сауду, что пустынный Израиль, оказывается, экспортирует громадное количество бутилированной воды.

– Вот молодцы евреи, – невольно восхитился Аль-Бакри.

Затем настала пора стаскивать трупы в не такую глубокую, как хотелось бы командиру, яму. Здесь противоестественная близость араба и израильтянок разом исчезла. Девушки опять стали хмурыми; бросали взгляды, полные ненависти, не скрывая их, так, что командир опять взялся за автомат и отступил в сторону, чтобы все четверо оказались под прицелом.

Над поляной расплывался запах почти готового плова; девушки уже закончили засыпать землей тела – уже нечем было, если только не начинать копать рядом новую яму. А Аль-Бакри все сидел, отчего-то в смертельной тоске, понимая, что зря отправил воинов за беглянкой. Он словно не замечал ни пленниц, ни Абдаллу, теребившего его за рукав.

– Господин, господин, плов готов – руки моем, кушаем...

– Не кушаем, Абдалла, – Сауд отстранил верного воина и упруго вскочил на ноги, передегивая зачем-то затвор готового к бою оружия и наблюдая короткий полет выброшенного пружиной патрона.

Затем он повернулся к невысокому зданию, служившему наблюдательным пунктом – как раз в тот самый момент, когда с крыши бесформенной кучей камуфляжа повалился караульный. Следом мягко, словно не с двухметровой высоты прыгнул воин. Не воин – Воин! И Аль-Бакри понял, что второй пост тоже ликвидирован, и что такого противника ему не одолеть. Таких он видел в далекой молодости, в Афганистане – в прорезь прицела, но никогда в рукопашной, потому что тогда бы его сегодня здесь не было. Один – совсем крошечный шанс у него оставался. Поташив за собой Абдаллу, он заслонился от противника живым щитом. Четверка пленниц так и стояла, застыв у братской могилы.

Воин покачал укоризненно головой, поднимая для выстрела пистолет и указывая им на оружие Сауда (Абдалла был безоружен, если только не считать оружием шумовку, зажатую в правой руке). Аль-Бакри упрямо мотнул головой, отказываясь, переступая вправо так, что живой щит опять закрывал его. Одновременно он начал поднимать автомат, готовый уничтожить все – и противника, и девушек, и Абдаллу, и весь этот непонятный, жуткий и такой прекрасный мир, который...

– Пусть он не достанется никому!

В этот момент сбоку раздались короткие хищные очереди, и он увидел, как падает его последний воин, как у него самого на груди рвется лохмотьями камуфляжная куртка, а саму грудь заполняет нестерпимая боль. Последнее, что увидел Аль-Бакри в этом мире и этой жизни – темный силуэт беглянки с автоматом у плеча.

Черная душа Сауда Аль-Бакри вознеслась к аллаху, в которого он так и не успел поверить.

Глава 4. Подполковник Кудрявцев. День первый, продолжение

Долгая, полная опасностей и крутых поворотов судьбы карьера профессионального военного, приучила подполковника тщательно планировать свои действия – на час, день, месяц... Она же не раз показывала – в любом плане, каким бы продуманным он не был, нельзя предусмотреть всего; обязательно может вылезти (и зачастую вылезает) какая-нибудь мелочь, какая-то нестыковка, способная порушить самый гениальный замысел. План Кудрявцева был весьма простым и вполне выполнимым – учесть все и всех, попавших волею неизвестных сил в этот миниатюрный анклав русских людей, определить, так сказать, наличие и возможности личного состава. И по ходу дела расставить людей по местам, обеспечить их элементарными условиями питания и бытовых удобств. Наконец, подобрав небольшую, но достаточно боеспособную группу соратников, каждого из которых в ближайшие дни он собирался проверить, начать целенаправленно и методично обследовать окрестности. И прежде всего в том направлении, где уже не в первый раз ему слышались звуки очередей автоматического оружия и одиночных выстрелов.

Именно с той стороны выскочила девчонка лет восемнадцати-двадцати. Сколько лет ей было на самом деле, можно было только гадать – или спросить ее саму. Но только после того, как она отдышится хотя бы немного. А сам Кудрявцев в это время как раз бы занялся неизвестным (или неизвестными) в камуфляже и с автоматом Калашникова – таким родным и привычным, что правая рука явственно ощутило теплое гладкое дерево приклада, а ветерок словно донес запах оружейной смазки.

На самом деле в руке уже был метательный нож, совсем недолго – лишь только до того мгновенья, как подполковник уверился: ничем иным остановить незнакомца с ярко выраженной восточной наружностью остановить невозможно. Его палец уже был готов нажать на курок автомата, а очередь из АКМ на таком расстоянии...

Сам подполковник уцелел бы, особо не напрягаясь – обучен был и не такому; но за спиной было столько людей... Поэтому нож полетел точно в цель – чуть выше распахнутого ворота грязного песочного камуфляжа, в судорожно дернувшийся в последний раз кадык.

– Там еще, – прохрипела незнакомка за спиной, но Кудрявцев и без нее бросился бы в лес – стремительно и бесшумно.

Соблюдая, естественно, все доступные меры маскировки. Это он открытое пространство до опушки леса преодолел в несколько гигантских прыжков; ощутив в руке действительно теплый приклад АКМ и нырнув в лес, он преобразился; движения его стали плавными. Он местами словно перелетал несколько метров, скрытый от взглядов спереди сразу несколькими стволами деревьев; потом двигался медленно и тягуче – так, словно не человек крался по вековой чаще, а сам лес играл причудливыми тенями, в которых не ищущий специально глаз мог распознать что угодно; любую тварь, которых, наверное, здесь было предостаточно.

Наконец он остановился, пропуская мимо себя почти полную копию первого бандита (а что это бандиты, Кудрявцев несколько не сомневался) и прислушался. Хриплое дыхание бредущего по широкой тропе человека, совсем недалекий шум лагеря, в котором явно забегали, закричали люди и... все. Все остальные звуки принадлежали лесу и в настоящее время подполковнику не мешали; зато они помешали бандиту почуять, и как за его спиной внезапно выросла тень, и удар – не сильный, но вполне достаточный, чтобы его сознание на некоторое время отключилось.

Бессознательное тело тут же было убрано с тропы, и пришло в себя совсем скоро, приклоненным к неохватному стволу какого-то дерева. Никакой боли или неудобства при этом

не ощущалось, не считая невозможности двигать членами. Последние каким-то хитрым способом были стянуты между собой. Еще был камень, или шишка, больно впившаяся в правую ягодицу.

Впрочем, о последней Насер – а именно так назвался молодой сириец – сразу же забыл, когда начался допрос. Настоящий допрос, не тот, который боец небольшого бандитского отряда мог видеть, наверное, каждый день своей военной карьеры. Что удивительно, незнакомец с серыми холодными глазами и двумя автоматами (понятно, чей был второй), да ножом со страшным лезвием темного цвета, воина аллаха не бил, кишки ему не тянул, пальцы ножом не резал, но совсем скоро знал все, что хотел. Несмотря на то, что русский (а это был самый настоящий русский!) арабский язык знал совсем слабо – на сугубо профессиональном диверсионном уровне – а Насер по-русски знал только Россия, Калашников и Путин.

– Ну что ж, все понятно, – протянул негромко Александр, в то время как его руки буднично делали свою работу.

Короткое движение, и бандит со свернутой шеей навеки закрыл глаза в чужом для себя лесу. Подполковник при этом не почувствовал никакого дискомфорта. Это существо, еще совсем недавно всеми силами пытавшееся сохранить себе жизнь, давно уже было вне любых законов. Это был солдат отряда небольшой банды – не тех отрядов, которые непонятно как, но вполне успешно громят регулярные войска сразу нескольких государств, а небольшой группировке, так сказать «на подхвате», которые следуют подобно шакалам за линией фронта. Именно их зверства обычно и показывают телеканалы. Так что подполковник просто привел в исполнение приговор суда. Высшего суда. То обстоятельство, что оставлять такого пленника в живых, каждое мгновение ожидая удара в спину, конечно тоже учитывалось, но точно не в первую очередь – тут Кудрявцев был в себе уверен.

– Итак, что мы имеем, – негромко констатировал он, стягивая с трупа почти новенькие берцы сорок второго размера, – еще один анклав, сирийских арабов (но не факт пока, что чисто сирийский), размером, пожалуй, такой же как наш, но!.. Со складом оружия (кстати, нашего, советского) и какой-то бронетехникой. Четверо бойцов, с командиром, который взялся непонятно откуда и командует голосом прежнего, хотя на него совсем не похож.

– Ну, нам-то это понятно, хотя и необъяснимо, – подполковник даже помотал головой, чтобы самому не запутаться, – но главное – это оружие, бесхозное оружие (четверых противников он по законам военного времени уже списал). Затем маньяк Хафиз, уничтоживший практически всех, парень с девчонкой, верблюдами и козами; еще какие-то бараны, плов и кебаб от Абдаллы...

Конечно, были еще четыре израильтянки, которых по тем же самым законам надо было спасать. Спасать в первую очередь, и он это прекрасно понимал. Умом. А сердце подсказывало фразу кого-то из великих: «Оружия много не бывает!».

На вопрос – что вдруг больше подтолкнуло его, словно хороший пинок под зад – естественная мысль мужчины, офицера о спасении жертв боевиков, или живо представшая перед глазами картинка, как кто-то другой – не он – добирается до сирийского бункера, он не смог бы ответить даже самому себе. А себе он никогда не врал.

Поэтому он так же стремительно вернулся на поляну, неся в одной руке два автомата, а в другой – обувь, которая сирийцу уже была не нужна. Лагерь встретил его негромким гомом людей, столпившейся вокруг израильтянки. Последняя вертела головой, не зная, кому отвечать в первую очередь – столько вопросов падало на нее. Что интересно – отметил подполковник – она явно понимала эти вопросы. От долгого бегства она уже вполне оправилась. Тем более, что кто-то успел принести ей полторашку газированной воды из сельского магазина – Александр видел там такие.

– Тихо, – поднял руку подполковник, и толпа почти сразу затихла.

Он мысленно улыбнулся, – привыкают, однако, ребята.

Кудрявцев дождался полной тишины, сделал зверское лицо Дубову, который, как оказалось, бросил свой пост и тоже оказался здесь, пытаясь теперь спрятаться от командира в задних рядах. Сделать это при его габаритах было невозможно и он, скорчив умилительно виноватую физиономию, исчез за стеной, чтобы совсем скоро оказаться над бывшей квартирой Александра. Последний дернул было рукой, чтобы протянуть берцы босому Малышеву, но задержал движение, увидев, что хозяйственный геолог уже сам обзавелся сапожками-казаками.

– Ну и что за прелестное создание к нам пожаловало? – мягким голосом обратился подполковник к израильтянке.

Та удивленно посмотрела на него; она явно не назвала бы себя так.

Медленно вставая и не выпуская из руки наполовину опустошенную бутылку, она ответила, как и предполагал Кудрявцев:

– Я Оксана Гольдштейн, из Тель-Авива, из госпиталя Сураски...

– Фигассе, – присвистнул кто-то из парней, чей голос еще не был знаком Александру.

Другой голос, много тише, но вполне узнаваемый Кудрявцевым (парень с чемоданом – кто же еще!) добавил:

– И тут евреи!

Девушка наверняка тоже расслышала последние слова, потому что повертела кудрявой головой, естественно не распознав никого во множестве окружавших ее лиц, и опять обратилась к Александру:

– Так-то я русская... ну, советская, родилась и выросла в Красноярске, товарищ э...

– Подполковник, – подсказал тот.

– Товарищ подполковник. В восьмидесятых все наши в Израиль уезжали, вот и я, в восемьдесят четвертом...

– Вот и сидели бы там в своем Израиле, – пробурчал тот же недовольный голос, но девушка уже не обращала внимания ни на кого, кроме Александра:

– Товарищ подполковник, там же еще наши... Там их... Там террористы...

– Знаю я, Оксана, – остановил ее Кудрявцев, – выручим их. Вот через... десять минут и отправимся.

Он ожидал, что парень опять язвительно пройдет на счет «наших», но тот поостерегся, и подполковник громко позвал:

– Рубцов, Дубов, Котова, Малышев – ко мне!

Впрочем, Малышев стоял рядом, и командир спросил первым у него:

– Это что такое? – он указал пальцем на пластмассовую ванночку, в которой купают новорожденных.

Последняя была полна пакетами с туалетной бумагой, какими-то пузырьками, бутылочками. Однако геолог принял указующий жест совсем по-другому. Он вдруг стал переступать ногами так, словно пытался спрятать казаки один за другим. Ничего естественно у него не получилось, и он виноватым голосом пояснил:

– Там, товарищ подполковник, еще один погибший. Помните, мы трубы видели, профильные, – Кудрявцев кивнул, – так ими парня какого-то завалило, насмерть. И мотоцикл его.

– Ага, – вспомнил подполковник, – мотоциклист, – а Малышев продолжал:

– Так привалило, что только ноги и торчат. Так я – вот... По камням, знаете ли, босиком неудобно...

– Правильно сделал, Игорь Владимирович, – успокоил его подполковник; он никогда раньше не жаловался на память, а сейчас предполагал, что с этим вопросом... по крайней мере стало не хуже.

Он помнил всех, кого успела записать Котова, и кто сам представился ему; помнил про них каждую строчку информации. А с остальными... Про остальных как раз и протягивала ему листки догадливая Мария Сергеевна.

– Вот уж с кем повезло, так повезло, – он взял в руки листки, заполненные все тем же убогим почерком, но сначала обернулся к коменданту Рубцову, – обед готов, Николай Петрович?

– Сейчас уточним, Александр Николаевич, – он обернулся, кого-то выискивая в рядах, – Егорова, Зинаида Сергеевна, пожалуйста к нам...

– А что, сейчас всех и накормим. И тебя, милая, – она приобняла Оксану, отчего у той в глазах показались слезы, – как и говорили, сначала скоропортящееся.

– Хорошо, – подполковник недовольно покосился на коменданта, который как видно, раньше неплохо поживал, перекладывая всю работу на подчиненных, – сначала накормить тех, кто пойдет со мной. Он окинул взглядом окружающих:

– Никитин!

– Я!

– С кабаном закончили?

– Так точно!

– Молодец! Первый; Малышев!

– Я!

– Второй; Володин!

Пожарник выступил вперед.

– Будешь третьим, – прозвучало двусмысленно, но никто, даже Никитин не засмеялся.

– Ершов! – парень с подбитым глазом выпрямил плечи, даже стал как будто выше; подполковник колебался, но все же кивнул, – четвертый.

Кудрявцев поднял к глазам листки, споро пробежал по ним взглядом, выискивая нужную ему информацию. Взгляд цапнуло знакомое до боли слово: «Афганистан», – и он остановился на этих строчках:

– Холодов Юрий Михайлович, шестьдесят первого года рождения, в восемьдесят втором году в Афгане, – на приглашающий голос Кудрявцева никто не откликнулся, и он оторвал взгляд от листка.

Парень, о котором шла речь, стоял отдельно от толпы, и явно не собирался подходить. Тогда Александр сам подошел к нему; он тут же понял причину такой стеснительности парня. От того немилосердно смердело, и подполковник удивился, как только Котова вытерпела, записывая не очень богатую биографию Юрия. Слово «бомж» там нигде не фигурировало, но глядя на его наряд (почему-то присутствовал только один башмак) и отвратительный запах, все оттенки которого подполковник назвать бы не смог, а уж он-то видывал и не такое, понятно было, что мыла и мочалки это тело не видело очень давно. Кудрявцев все же спросил: «Пойдешь?», – и дождавшись несмелого кивка, показал на баню:

– Еще не остыла; чтоб через десять минут скрипел от чистоты. Свою одежду сжечь. Не хватало нам сюда паразитов занести.

– А...

– А смену белья возьмешь вон у него, – подполковник кивнул на бандита, так и валявшегося у кромки леса, – не первой свежести и чистоты, конечно, но твоя совсем уже как-то... Что мнешься – трупов боишься, или брезгуешь?

– Да нет, – парень мотнул головой в сторону толпы.

– Стесняешься, – догадался Кудрявцев, – правильно делаешь. Ничего, сейчас тут ни души не останется.

Командир подошел к Дубову, до сих пор прячущему взгляд:

– Держи, сержант, – он протянул Виталию АКМ, – сейчас быстро перекусить, оправиться и опять на пост. И смотри у меня – пока я не вернусь, отвечаешь тут за каждого.

– Понял, – расцвел улыбкой Дубов, и широкими шагами отправился в сторону «столовой», до которой было всего ничего.

Весь лагерь был размером двадцать пять на двадцать пять метров, и если бы не нагромождение бетонных стен да останков автомобилей самой разной степени поврежденности, он бы просматривался бы насквозь.

– Пойдемте, товарищи, оценим, чем нас сегодня Зинаида Сергеевна угощать будет.

– Да я не одна, – разругалась от смущения Егорова, – тут мне многие помогали.

Кудрявцев, пропуская мимо себя людей, остановил Рубцова и Ильина. Последний как раз остановился у ванночки с туалетным скарбом и показывая на нее пальцем, похвалился:

– Видали, командир, что мы с Игорем откопали под ванной, под туалетом.

– В смысле?

– Вы же сами сказали, что под комнатой метра два стен, да песок вместо пола. Ну, я решил все-таки подстраховаться. Подкопались мы шустро с Малышевым – точно песок. А еще ящики на стенках со всяким барахлом нужным.

– Молодцы, мужики, – машинально похвалил подполковник, обводя широким жестом развалины, – это что же получается – тут кругом катакомбы? С добром, а может быть... где-то и люди заваленные помощи ждут.

Подполковник явно принял новое решение насчет Ильина:

– Значит так, Валерий Николаевич, – берешь пару парней покрепче и начинай обследовать эти подвалы. Главное, конечно, люди, но и примечайте, что где полезного лежит... Да – сам лично оцени все помещения на предмет надежности, вместительности ну и... как себя в случае дождя поведут. Сдается мне, что скоро нам много складов понадобится, очень много.

Кудрявцев задумался о чем-то ненадолго, а затем повернулся к Рубцову.

– А ты, Николай Петрович, как-то активнее, что ли. И еще одна тебе задача будет, – он кивнул головой в сторону утренней трагедии, – там погибшие девушки; вот Валерий Николаевич еще одного погибшего покажет. Надо с ними по-человечески попрощаться. К вечеру вон в той рощице (Александр показал на реденькую группу каких-то лиственных деревьев, похожих на березы, растущих метрах в пятидесяти от лагеря) должны быть готовы три могилы полного профиля.

– Это как? – удивился Рубцов.

– Это так, что бы никакой зверь откопать не мог, – отрезал Кудрявцев, – а может и не три. Подполковник выразительно посмотрел на Ильина.

Тот понимающе кивнул и показал на бандита, так и лежащего у самого леса, но уже практически полностью раздетого:

– А с этим что делать?

– С этими, – поправил его Кудрявцев, – там еще один был. С этими я сам разберусь.

Троица командиров наконец-то повернула за угол бани – туда, где стараниями Егоровой и ее помощниц были накрыты столы. Основание их потрясало своей фундаментальностью – вместо ножек кто-то весьма изобретательный сдвинул вместе две газовых трубы, служивших ранее лавками; столешницами служили четыре листа фанеры толщиной не менее трех сантиметров.

– Водостойкая, финская, – похвалился Ильин.

– Ага, – понял Александр, – наш пострел и здесь поспел!

Вслух же он спросил:

– Откуда такую благодать откопали?

– А, – улыбнулся Валерий Николаевич, – там у писателя нашего гараж оказался, он в нем сюда и приехал.

– Как, прямо так в гараже?

– Нет, так-то он в машине своей сидел, в иномарке, – Ильин издевательски усмехнулся, – в «ДЭУ Матиссе», – ну, гараж-то не намного больше этой машиненки, зато весь целый стоит, с крышей и воротами. А больше там у него ничего и нет. Зато за стеной с метр соседнего

гаража как по шнурке отрезало; и к нам перебросило. Так там этого добра... Да вы, товарищ подполковник, сами посмотрите.

Он приглашающе махнул рукой. Александр посмотрел на часы: две минуты до назначенного срока еще было, и он повернул за Валерием.

Да – соседский гараж, вернее полки от него, примыкающие к соседнему, целому строению – поразил бы воображение любого нормального мужика. Одних наборов с ключами, солидных пластиковых кейсов, Кудрявцев насчитал шесть штук; много инструмента отдельного – каждый на своем месте, любовно определенном ему прежним хозяином. Целый угол был занят крепежными материалами, рассортированными по пластиковым прозрачным коробочкам с притертыми крышками. В другом углу теснились остатки тех самых фанерных листов. Увы, ничего похожего на электрические или бензомоторные инструменты подполковник не увидел. Хотя невозможно было поверить, что у такого хозяина не было в гараже шуруповерта и болгарки, сварочного аппарата и дрели...

– А еще лучше, – дизельного генератора, – помечтал Кудрявцев.

Несомненно, все эти предметы в гараже рачительного хозяина были. Увы – не в том углу, где хотелось бы подполковнику. С этой мыслью он повернулся и пошел туда, где уже пыталась построиться его боевая команда. О сохранности склада инструментов у него душа не болела – знал, что Ильин даже одному гвоздю не даст пропасть.

Между тем команда, ожидавшая его, оказалась куда внушительнее, чем он предполагал. Рядом с Дубовым и Малышевым, Ершовым и Холодовым – чистым, донельзя довольным и дожевывающим бутерброд с колбасой, стояли: профессор с доцентом, израильтянка, девушка в белом халате с сумкой защитного цвета через плечо. Подполковник выудил из памяти: «Николаева Людмила Васильевна, старшая медсестра онкодиспансера, из Краснодара». Ну, это-то понятно, и вполне приемлемо.

А вот остальные, особенно доцент Игнатов – маленький, не выше метра пятидесяти пяти, с узкими плечами... Кудрявцев вдруг представил себе картину: Роман Петрович бредет, повесив на каждое плечо по два АКМ со снаряженными магазинами (каждый, между прочим больше четырех с половиной килограммов), а за спиной придавливает к земле ящик с патронами – еще двадцать пять кило.

– А ведь донесет, – вдруг понял он, – сдохнет, но донесет!

Но вот эта... Оксана ведь только что пробежала не меньше семи километров (по крайней мере так оценил расстояние Насер), да под горку, а ведь теперь идти придется в гору...

Израильтянка словно поняла его сомнения:

– Вы не думайте, товарищ командир, я дойду, я сильная. И вообще, я в Союзе биатлоном занималась, я даже с Анфисой Резцовой бегала...

– Ну и как? – живо заинтересовался Кудрявцев.

– Что как? – не поняла вопроса Гольдштейн.

– Как бегала-то, с Анфисой Резцовой?

– Да ну вас, товарищ подполковник! Кто Резцова, а кто я?! Еле-еле кандидата в мастера выполнила.

Подполковник мысленно присвистнул – кандидат в мастера спорта по биатлону... это совсем неплохо, а в их условиях даже замечательно. Он даже сделал паузу, прежде чем снять второй автомат с плеча. Но в результате АКМ все-таки оказался в руках у Холодова, а отряд пополнился еще одним членом – к изумлению Александра в компанию napросился Виктор Федорович Иванов, тот самый парень с чемоданом. Впрочем, удивлялся Кудрявцев недолго. В глазах Виктора, в каждом его движении – резком, нетерпеливым и... предвкушающем – читалось одно слово: «Мародерка!»

– Ну-ну, посмотрим, – усмехнулся командир, пропуская группу вперед и ныряя в чашу последним, одиннадцатым, – нет, двенадцатым, – поправил он себя, ощутив правой рукой шерсть на широком лбу Малыша.

Глава 5. Оксана Гольдберг.

День первый – самый страшный

– Свой! – в первый раз за сегодняшний день сердце Оксаны забилося не от отчаянной тоски или смертельного ужаса, а от внезапно нахлынувшей радости, в то время как дыхание ее, напрочь сбитое многокилометровым кроссом, пыталось успокоиться. Тело ж, каким-то невозможным образом перенесшее эту невероятную для ее лет дистанцию, пыталось поудобнее устроиться в объятьях советского (точнее российского – поправила она себя) офицера.

Впрочем, устроиться она не успела, потому что через мгновение была на земле, пристроенная крепкими руками бережно, но быстро; так же стремительно офицер метнулся навстречу одному из преследователей Оксаны. Она едва успела прохрипеть вслед ему: «Там еще!», – как русский исчез в чаще. Бандит же, который всю дорогу держался впереди и подгонял ее веселыми гортанными возгласами на арабском языке, которого Оксана практически не знала, лежал жалкой неопасной кучкой у самой кромки леса. Она перевела взгляд на людей, окружавших ее; усаживаясь поудобнее, она только улыбалась им, слушая вопросы на языке, который так и остался для нее родным. Улыбалась до тех пор, пока не вернулся ее спаситель – как иначе можно было назвать человека, привычно несшего на плече два автомата, которыми еще совсем недавно целились ей в спину арабские бандиты.

Казалось ничто не могло удивить ее сегодня; но когда офицер в наступившей тишине задал свой первый вопрос, Оксана не могла поверить своим ушам: этот молодой красивый подтянутый парень в камуфляжной форме с погонами подполковника (а как же – вероятного противника надо знать!) назвал ее прелестным созданием! Ее, для которой уже не десять, и даже не двадцать лет такое обращение было сведено к нулю. И которой привычным – практически повседневным – стал простенький брючный костюм темно-серого цвета и туфли на низком (очень низком!) каблуке. За них она, кстати, так благодарила бога все время, пока продолжался безумный бег по лесной дороге.

Однако удивляться ей долго не дали. Офицер, назвавшийся подполковником Кудрявцевым Александром Николаевичем, почти сразу объявил освободительный поход на арабских боевиков. Кто конкретно был подключен к этой акции, Оксана узнать не успела, потому что ее сразу же увела за собой женщина, точнее молодая девушка, назвавшаяся Зинаидой Егоровой. Зина, как оказалось, заведовала местной столовой – точнее тем, что заменяло русским столовую. На двух трубах какого-то невероятного диаметра были закреплены листы фанеры. Рядом были свалены в кучу какие-то лавки, стулья. Именно свалены, а не выстроены вдоль столов. Она сразу поняла почему: присядь на такую лавку, например она – с ее ростом в метр шестьдесят четыре – столешница была бы как раз на уровне подбородка.

Фанера не была покрыта ничем – зато практически вся она была заставлена тарелками, какими-то пластиковыми блюдами и просто салфетками, заполненными бутербродами с колбасой, какой-то ветчиной, еще чем-то пахнущим нестерпимо вкусно. В самых глубоких тарелках горкой были навалены соленья – помидоры, огурцы, капуста; банки, в которых эта благодать очевидно хранилась раньше, стояли тут же – у Оксаны тоже не поднялась бы рука вылить рассол. И даже то, что виднелось внутри мутной жидкости – зонтики укропа, какие-то другие листья (она вдруг вспомнила, как бабушка закатывала точно такие же банки, добавляя по пять листьев смородины, которые торжественно собирала маленькая внучка, длиннющий лист хрена, зубчики чеснока и еще что-то, придававшее бабушкиным помидорам неповторимый вкус).

– Командир велел первыми кормить ребят, которые пойдут с ним, – громко объявила Зинаида и сделала паузу, подталкивая к столу Оксану, – и девчат.

Она скорее всего не сомневалась, что израильтянка в первых рядах помчится спасать соотечественников. В общем-то, она была права. Но Гольдберг не только поэтому была готова бежать обратно через мрачный и страшный, как теперь вспоминалось, лес. Почему-то ни лес, ни арабские бандиты где-то там не были теперь страшны – может потому, что группу должен был возглавить подполковник Кудрявцев. Оксана даже призналась себе, что лес и бандиты кажутся ей куда более безопасными с Кудрявцевым, чем эта мирная поляна без него.

Она успела откусить кусок от бутерброда и хрустнуть пупырчатым соленым огурцом; рядом вдруг оказался тот самый парень, который успел возмутиться ее (израильтянки) появлением. Однако сказать он ничего не успел – его тут же оттер гораздо более крепким плечом другой парень – светловолосый, улыбчивый, от которого явственно пахло алкоголем весьма низкого качества. Не сказать, что Оксана так уж разбиралась в этом вопросе, но этот запах – резкий запах сивухи – тоже вдруг всплыл в памяти из далеких детских лет.

Впрочем, парень оказался вполне приятным в общении; назвался он Толей Никитиным, оказался бывшим трактористом какого-то таежного лесхоза. Почему бывшим? Потому что два дня, как отмечал выход на заслуженный отдых.

– Отпуск? – наивно поинтересовалась Оксана.

– Пенсия! – горделиво поднял к небу палец Никитин.

Тут только изумленная израильтянка узнала, что все, или почти все, парни и девушки, окружавшие ее, еще сегодня утром были ее сверстниками, то есть родились и выросли в Союзе, и что она сама «вполне себе ничего девчонка, а что израильтянка – это не страшно, не негра же...». После таких слов любая женщина, и Гольдберг не исключение, тут же помчалась бы на поиски зеркала.

Но тут перед накрытыми столами появился Кудрявцев и совсем скоро маленький отряд оказался в лесу, вернее на широкой тропе, по которой Оксана и прибежала меньше получаса назад. За первым же поворотом тропы подполковник остановил отряд; бросив берцы, которые он так и не выпустил из рук, к ногам невысокого тощего паренька, щеголявшего ярко-красными носками, еще совсем недавно новенькими, а теперь изодранными, не подлежащими никакой штопке, он скомандовал:

– Обувайтесь, товарищ доцент, – взмахом руки остановив зародившееся было возражение парня, продолжил, – Никитин, за мной!

Отсутствовали они меньше минут пять, за которые доцент, назвавший себя Оксане Романом Игнатовым, успел не только обуться, туго зашнуровав обувь, но и пробежаться несколько раз по периметру небольшой полянки, на которой их и оставил командир. Успели представиться, а вернее познакомиться друг с другом, и остальные участники похода. Как оказалось до сегодняшнего утра лишь двое были знакомы – этот самый Игнатов, действительно оказавшийся доцентом-биологом и Алексей Романов, профессор иностранных языков – так его представил доцент. Профессор держал в руках записную книжку внушительных размеров, скорее ежедневник, в который что-то непрерывно записывал, ненадолго задумываясь. Отвлёкся он только, чтобы улыбнуться Оксане при представлении. Доцент, в отличие от него, был вооружен «серьезнее» – в руках у него был длинный тесак самого зловещего вида. Зловещего потому, что все его лезвие покрывали запекшиеся разводы какой-то темно-бурой жидкости, скорее всего крови. Эти ножом он и махал, указывая на следующего члена отряда:

– Это Ершов Витя, Виталий Васильевич, наш художник. Успели Оксана м..., – он замялся, не зная отчества израильтянки; если у них (израильтян) вообще есть отчества.

– Михайловна, – подсказал профессор.

– Да-да, Михайловна, – поблагодарил кивком Игнатов, – так вот, по возвращении, Оксана Михайловна, рекомендую приобщиться к творчеству Виталия Васильевича. Очень, знаете ли, познавательно.

– Ага, – громко заржал вынырнувший из-за поворота тропы Никитин, – особенно с буквой «М»...

– Тише, – тут же одернул его появившийся следом командир.

Теперь все поняли, куда отлучались эти двое – в руках подполковник держал комплект камуфляжной формы, который он, не мешкая, сунул в руки профессора, наименее приспособленного к многокилометровому переходу. Его пижаму бордового цвета с ярко-малиновыми шелковыми отворотами с полным основанием можно было назвать профессорской, но для прогулки по лесу она никак не годилась. Профессор возражать не стал. Зайдя за спины двух женщин, он стал переодеваться; командир в это время инструктировал свой отряд.

– Володин, Холодов – авангард; не отрываться, темп ходьбы средний, без остановок; минут через сорок – сорок пять остановка – там как раз полянка интересная будет, прямо перекресток двух дорог...

– Ага, – вспомнила Оксана, – был такой перекресток. Она вдруг с ужасом подумала, что могла повернуть в другую сторону.

Однако командир не позволил ни ей, ни кому другому предаваться ненужным мыслям:

– За ним на расстоянии шагов пять по трое: Никитин – держишь правый фланг; Малышев – Левый. Игнатов – центр, – Двое парней, вооруженных топорами с красными топорщиками синхронно кивнули и шагнули на фланги; доцент крепче сжал рукоять своего ножа, оставаясь на месте.

Подполковник продолжил:

– Следующие: Ершов слева, Иванов справа, Николаева – центр. Дистанция та же.

Парни, державшие в руках в качестве оружия лопаты с такими же красными черенками, кивнули, расходясь по местам. А вот Люда Николаева... («Медсестра, из онкоцентра – коллега, так сказать», – подумала Гольдберг, встречая взглядом подходящую девушку в белом халате), Николаева подошла к нераспределенной пока группе и достала из большой сумки, висевшей на боку, сверток и литровую бутылку минеральной воды.

– Возьмите, Александр Николаевич, – протянула она сверток командиру, – вы ведь поесть не успели.

Бутылку она сунула в руки Оксане и та благодарно улыбнулась – вроде бы как Николаева передала ей шефство над Кудрявцевым. Походный строй задержался меньше чем на полминуты – ровно на столько, чтобы подполковник успел сполоснуть ладони под тоненькой струйкой воды из бутылки, которую экономно вылила ему в горсть Гольдберг. Бутерброды, которые оказались в свертке, сооруженном из нескольких слоев бумажного полотенца, он жевал уже на ходу; к бутылке приложился, только проглотив последний кусок – предложив сначала ее Оксане, а потом профессору. Оба отказались – успели напиться в лагере.

Четвертым в их последнем ряду был огромный пес светло-рыжей масти, который не отходил дальше, чем на шаг от правого бедра командира и откликался на совсем не подходившую ему кличку «Малыш». Впрочем, Оксане он совсем не мешал, потому что сама она шла с левой стороны от Кудрявцева. С другой стороны от леса ее прикрывал профессор.

– А что все молчим? – спросил командир, закончив с обедом.

Последние два бутерброда исчезли в широкой пасти Малыша, поэтому пауза оказалась не очень продолжительной.

– А что, можно? – явно обрадовался Никитин.

– Можно, даже нужно, – ответил подполковник, – враг далеко, услышать пока никак не должен. Главная опасность сейчас – дикие звери; их тут хватает...

– Где? – заозирался доцент.

– Хватает – хватает, – успокоил его Кудрявцев, – еще наглядись. Мы сейчас для них тоже звери. Противники. Нас много, мы шумим, значит никого не боимся. Так что можно

беседовать. Внимания не теряем, держим свои фланги. Тебе, Никитин, дополнительно персональное задание – смотришь тропу.

– На предмет чего, товарищ полковник?

– Молодец! – похвалил командир, – правильно ставишь вопрос. Отвечаю – на предмет прохождения по этой тропе трактора МТЗ – 82. Знаешь такой?

– Обижаете товарищ подполковник! Это же мой трактор!

– Не мой, а наш, Никитин. Правильно расставляй акценты.

– Так точно, товарищ подполковник, наш.

– Так вот, если здесь пройдет трактор – это одно.

– А если не пройдет?

– Если не пройдет, – усмехнулся Кудрявцев, – ящики с боеприпасами будем на себе тащить. У тебя, Никитин, спина широкая – два ящика поместится. Знаешь, сколько весит ящик с двумя цинками патронов?

– Знаю, потаскал. Больше двадцати кило потянет.

– Двадцать пять, – уточнил подполковник, – двадцать килограммов весит ящик с гранатами Ф-1. А крупнокалиберный пулемет вообще только вдвоем утащить можно.

– Так там и пулеметы есть? – поразился первым профессор.

– Там много чего есть, Алексей Александрович.

– Так чего же мы не спешим, Александр Николаевич?... И потом..., – профессор украдкой покосился на Оксану, – там же девушки.

– «Поспешай медленно» – не помнишь кто это сказал, Алексей Александрович? – дождавшись отрицающего жеста профессора, он продолжил, – девушкам сейчас ничего не грозит. Там вся поляна в трупах – сначала арабы друг друга покروшили, так что их не больше десятка в живых осталось, потом... Потом наши израильские собратья по несчастью в недобрый час из лесу вышли. Так чем сейчас там народ занимается?

Первым ответил Никитин:

– Я бы на их месте сначала прибрался бы; хоть бы в сторону трупы оттащил.

– Нет, – отрезал Кудрявцев, – оттащить – не прокатит. Зверье набегит, даже пообедать спокойно не даст. А после зверей останки хоронить – не дай бог кому увидеть такое. Командир там не дурак. Кстати, тоже Афган прошел, только с другой стороны прицела резвился. Ну, ничего – это ему тоже припомним. Так что время есть. Я ведь еще тот эгоист, привык на все готовенькое. Тут еще плов подоспеет...

– Плов! – мечтательно воскликнул Холодов, – дайте мне настоящий рис, лук сладкий, морковки посочней и полбарана – обязательно с курдюком, я вам такой плов забацаю...

– Шеф-повар, что ли? – это опять был Никитин.

– Нет, – почему-то стеснительным тоном ответил сержант Холодов, – я ведь в Узбекистане родился, в Ферганской долине. Там вырос, оттуда в армию уходил... Туда же и вернулся – без ноги.

– Как без ноги? – поразился опять первым Никитин.

– Вот так, – отвечал совершенно будничным тоном сержант, – я ведь совсем немного до дембеля не дотянул. Водилой был – конвои водили по горным перевалам. Ну и нарвались на засаду. Не, отбились. Только ногу оставил. Не там конечно, в госпитале. Получил вместо ноги звездочку на грудь – и вперед, на гражданку...

– Орден Красной звезды, – негромко пояснил Кудрявцев.

А Володин продолжил:

– Сначала ходил, хромал... как по башке стукнутый. Потом ничего, притерпелся. Опять же почет, уважение. На работу взяли – в горком комсомола. На пионерские собрания приглашали. На тои – праздники узбекские так называются. Там плов и научился готовить. Даже жениться хотел. Я хотел. А девчонки не хотели. Потом все кончилось. Союз кончился;

жизнь моя – военного пенсионера – кончилась; вообще Холодов Юрий Михайлович кончился. Запил по-черному. Не помню даже, как в Красноярске оказался...

Оксана дернулась было – земляк все-таки, но остановила себя – Красноярск бомжа Холодова и Красноярск школьницы Оксаны Гольдберг были совершенно разными городами; они были разными планетами, или даже вселенными.

Закончил Холодов свой рассказ так же буднично, без надрыва:

– Последнее, что помню – иду вечером через пустырь. Все ископано, трубы какие-то валяются. Стройка, наверное. И пацаны собак выгуливают. Кто-то видать своего зверя и спустил. Свистят, хохочут. А на меня целая свора. Куда я от них на одной ноге. Вот я в трубу и сиганул. А этот зверь за мной. И те две следом. Ну а уж из трубы я на двух ногах вылез.

– Так это же тебе повезло, земляк, – уже совсем весело порадовался за сержанта Никитин, – теперь точно все девки твои! Хочешь – русскую, хочешь – еврейскую. Щас освободим девчат – выбирай самую красивую. А там еще и арабки наверное есть, а, командир?

– Есть-есть, – кивнул подполковник, прислушиваясь к чему-то, – тихо! Всем стоять!

Он бесшумно скользнул вперед; следом, опоздав на мгновение, ринулся алабай.

Холодов сделал по инерции шаг вперед, поднимая рукой автомат. Однако он даже не успел прицелиться в зверя, внезапно выпрыгнувшего на середину тропы метрах в десяти от первой шеренги. Жесткая ладонь командира остановила порыв сержанта.

– Не стрелять, – прошипел ему в ухо подполковник, и шагнул вперед, вместе с Малышом, останавливаясь перед зверем так, что Оксане было прекрасно видно, как он направил вперед руки – правую, в котором был зажат пистолет и левую, вооруженную ножом с большим темным лезвием. Оба – человек и собака – были грозными бойцами, но зверь перед ними был неизмеримо сильнее. Напоминавший формой туловища и грацией какую-то дикую кошку (леопарда, ягуара?) он медленно, с явным наслаждением зевнул, показав всем огромную пасть, полную белоснежных зубов длиной с палец.

До сего момента Малыш казался ей громадиной. Рядом с дикой кошкой он совсем потерялся. Вместе подполковник с псом весили, быть может, больше зверя, но это были совсем несопоставимые килограммы. Пусть тренированные, взлелеянные бесконечными спаррингами и боями мышцы и жилы – что они могли противопоставить дикой мощи этой кошки? И пистолет в руке Кудрявцева казался таким маленьким. Оксане хотелось бы стоять сейчас рядом с подполковником, но...

Зверь еще раз зевнул и Кудрявцев сделал шаг вперед. Словно приклеенный рядом двинулся Малыш. В груди дикой кошки что-то заклокотало, будто там пробуждался вулкан. Пес тоже зарычал – не так громко, но не менее решительно. Оксане вдруг показалось, что подполковник тоже набрал в грудь воздух, чтобы выпустить его грозным рыком, но тот сделал еще шаг вперед... и этого хватило. Кошка так же бесшумно и стремительно исчезла, мелькнув в чаще своим пятнистым боком.

Минуты две подполковник стоял недвижимо, вслушиваясь в непонятный для израиль-тянки шум леса. Появление и стремительное исчезновение кошки, казалось, не нарушили покоя окрестностей – все так же где-то недалеко в кронах огромных деревьев стрекотала какая-то птица, а может другое неведомое животное; чуть слышно шелестела хвоя и поскрипывали сучья древесных гигантов. Здесь, внизу, на тропе было безветренно; наверху же – там, где толстые, в два и больше обхвата стволы заканчивались хвойными лапами, ветер, наверное, не стихал никогда.

Профессор проследил взгляд Оксаны, что-то хотел сказать, но не посмел – до тех пор, пока командир опять не оказался рядом. Отряд продолжил путь – теперь нервно рыская взглядами по сторонам. Только минут через пять, когда Кудрявцев, расслабленно выдохнув воздух, сказал: «Все, отстала!», – напряжение как-то сразу отпустило.

– Роман Петрович считает, что это секвойя, – сообщил Романов, тыча пальцем в толстый ствол, мимо которого он проходил.

– Точно, – подтвердил доцент, – для широты Санкт-Петербурга несколько миллионов лет назад совсем не удивительно. Как и та кошка, – он махнул рукой направо по ходу движения, где совсем недавно исчез хищник, – это же предок нашего леопарда...

– Впечатляющий предок, – кивнул каким-то своим мыслям профессор, – но причем тут широта нашего любимого города?

– Ну как же, – горячо воскликнул Игнатов; этот маленький доцент вообще был очень импульсивным человеком, – мы ведь с вами, Алексей Александрович...

– Вот именно, что мы с вами, – прервал его профессор, – а вот товарищ подполковник сюда прямо из славного города Саратова попал, а Оксана Михайловна – вообще из самого Тель-Авива.

– Из Тель-Авива, – почти шепотом повторила Гольдберг и содрогнулась, вспомнив первые мгновенья своего появления в этом непонятном мире, – там тоже были звери, много зверей...

– Рассказывай, – мягко скомандовал подполковник.

– О чем?

– Обо всем – с самого начала.

С самого начала? Оксана задумалась. А что было в начале? Школьные годы, когда она впервые поняла, точнее, почувствовала, что она не такая как все. Что ее одноклассниц мальчишки с удовольствием дергают за косички с бантами, а ее густые черные волосы, которые никак не хотели сплетаться в косы, почему-то никого не интересуют. Или что ее никак не хотели брать в секцию биатлона, пока какой-то толстый дядька с грустными глазами (как оказалось – директор спортшколы, очень вовремя зашедший в спортзал) не хмыкнул и не сказал, став ненадолго очень веселым и озорным: «А что! Очень неплохо может получиться – чемпионка мира по биатлону Гольдберг, Советский Союз». Тут и тренер, и все стоящие рядом совсем необидно засмеялась и Оксана на несколько лет попала в мир, где все зависела только от нее. И она старалась – видит бог, как она старалась. До того самого момента, когда она действительно оказалась на одной лыжне с Анфисой Резцовой и другими великими. Это было просто невероятно – заявленная на домашний этап Кубка мира в Хантах самой последней запасной, Оксана вдруг попала на индивидуальную гонку.

Этап вообще был кошмарным для наших. Гонщицы болели, травмировались, падали на ровной лыжне и мазали по мишеням как никогда. Это был шанс для Гольдберг и для ее тренера. Оксана не скользила по лыжне – она летела, обгоняя по разбитому снегу соперниц. На стрельбище была собранной, точной как никто. Назревала сенсация – к четвертой, последней стрельбе она обыгрывала ближайшую соперницу на три с половиной минуты. Гольдберг также четко и точно отработала мишени, привычно закинула винтовку за спину и умчалась на последний круг, мимоходом отметив ошарашенное лицо тренера.

Несколько минут она была чемпионкой, представляя себе, как удивится директор спортшколы, предсказавший такую шутку. Ей что-то кричали, свистели зрители, она с трудом улыбалась им застывшими на холодном ветру губами – до тех пор, пока не пересекла финишную черту. Уже там, упавшей от усталости, кто-то так и оставшийся неизвестным сообщил, что последнюю стрельбу она отработала по чужой мишени.

В секцию она больше не пришла. А через месяц вместе с мамой уехала в Израиль.

Ради мамы, безумно счастливой возвращением в Землю обетованную, она улыбалась, изображала деловую, довольную жизнью женщину. Она даже вышла замуж, познакомившись с будущим мужем во время службы в израильской армии. Там, кстати ее активно пытались вернуть на лыжню (в Израиле!); затем, впечатленные результатами стрельбы и спортивной подготовки, командование предлагало остаться на службе. Оксану это не интересовало.

Трех курсов медицинского института хватило, чтобы устроиться на работу медицинской сестрой. Брак распался сам собой, как только мамы не стало. Оксану медленно несло по жизни. Войны одна за другой, теракты, выборы в кнессет, смена премьеров – ничто ее не интересовало. Немного встряхнула ее новая работа. Знающую русский язык и русских людей, ее пригласили в бюро медицинского туризма при центральном госпитале Тель-Авива имени Сураски. Сопровождая русских, украинцев, казахов по длинным коридорам клиники, она словно возвращалась домой, в Красноярск. Дольше других она задерживалась на работе, когда клиенты ждали занятых постоянно профессоров; однокомнатная квартира в Бат-Яме, пригороде Тель-Авива, служила только для ночлега.

Вот и в этот день, несмотря на субботу, она была в клинике. Для болезней нет шабата, и Гольдберг, в который уже раз отработавшая смену в почти пустом больничном комплексе, спускалась с девятнадцатого этажа на скоростном лифте. За спиной что-то бормотал под нос дежурный врач – смешной длинноносый старичок типичной еврейской наружности – такой, какой она представляется в анекдотах.

Лифт остановился – совсем без обычного от резкого спуска чувства невесомости и комка в горле. Оксана подумала было, что он даже не начал опускаться. Но нет – за дверью, никак не желавшей открываться, послышались чьи-то недоуменные испуганные голоса, потом какая-то женщина завизжала высоким голосом; к ней присоединились другие крики – и мужские, и женские, и чьи-то совсем непонятные. Последние были даже не криками, а рычанием – страшным, предвкушающим.

Кто-то отодвинул Оксану, стоящую перед дверьми, в сторону. Этот кто-то – молодой парень, которого никак не могло быть в лифте, попытался раздвинуть двери и те неожиданно легко раздались в обе стороны. Лифт заполнили нестерпимо яркие снопы солнечных лучей. Прикрывая рукой глаза, явно не видящий ничего парень шагнул вперед и его тут же смела в сторону какая-то огромная тень.

На Гольдберг солнечные лучи почти не падали и она с ужасом уставилась на зверя, повернувшего к ней огромную волчью морду; она даже не могла зажмурить глаза, чтобы не видеть, как чудовище прыгнет, рухнет на нее, ломая и вдавливая женское тело в линолеум лифтовой кабины. Зверь даже наметил бросок в ее сторону, но тут под ее лапой зашевелился, застонал тот самый паренек, и чудовищная морда отвернулась. Послышался безумный хруст и хрипенье; какие-то лакающие звуки она услышала уже за спиной. Никакие звери не могли заставить ее оставаться на месте. Может, они быстрые и стремительные, недостижимые в прыжках и неутомимые в беге... Но кандидат в мастера спорта по биатлону тоже чего-то стоит! Пусть этот разряд и был присвоен ей больше тридцати лет назад. Сейчас Оксана наверное легко могла перевыполнить его.

В лес она ворвалась одновременно с небольшой стайкой перепуганных соотечественников; казалось, этим парням и девушкам надо было молчать, не показывать жутким тварям маршрута своего бегства, но нет – светлый, состоящий из удивительно толстых и высоких деревьев лес заполнили беспорядочные крики на иврите. Все явно пытались найти в окружающем что-то близкое, знакомое – и не находили. Дольше всех надрывалась, пытаясь докричаться до внука – Михаэля – рослая светловолосая девушка. Она не походила на еврейку, но ее иврит был безупречен. Чего нельзя было сказать о рассудке. Какой внук в двадцать лет? – больше этой красавице никто бы не дал. Она рвалась назад – туда где жуткие твари с волчьими мордами и огромными медвежьими телами рвали на части не успевших убежать людей. Туда, где прямо напротив больничного лифта какой-то безумный остряк забросил прилавок с центрального тель-авивского рынка. Оксана эту угловую лавку прекрасно знала – покупала не раз и фрукты и овощи; пусть самые дорогие на рынке, зато самые свежие и сочные. Теперь фруктово-овощной развал не был аккуратным и красивым – кто-то явно по нему уже попрыгал, так что Гольдберг едва не упала, наступив на бегу на большую картофелину. Еще были какие-то развалины,

машины, а посреди всего возвышалась монументом то ли стена, то ли скала. Словно гигантский братский памятник тем, кто погибал сейчас под клыками и когтями гигантских медведесобак.

Светловолосую девушку – Дину Рубинчик – тем временем успокоили. Черноволосый кудрявый парень, назвавшийся Соломоном, сказал, что видел какого-то мальчишку бегущим впереди и теперь «бабушка» рвалась следом, увлекая всех за собой. Оксана, как наверное и многие другие, подозревала что парень нагло врет, тем более, что он представился профессором психологии (в двадцать-то лет!), однако благоразумно промолчала.

Соломон быстро взял бразды командования в свои руки. Никто из спасшихся – а их вместе с Оксаной набралось девять человек (не считая гипотетического мальчишка впереди) – не возразил, когда парень решительно махнул в сторону противоположную восходу солнца: «Туда!».

Как оказалось, именно в этом направлении совсем недавно – сразу после случившегося апокалипсиса – он слышал какой-то взрыв, и сразу после него россыпь выстрелов, скорее всего автоматных – так густо они звучали.

– Впрочем, – он остановился и поднял правую руку кверху, призывая всех к молчанию, – слушайте сами.

И действительно – в наступившей тишине где-то далеко, почти в том же направлении, куда указывал Соломон, кто-то словно ломал сухую ветку. Опыт – и биатлонный, и военный – подсказывали Оксане: это действительно выстрелы, теперь одиночные. Все как-то удивительно дружно пришли к выводу, что какие-то военные (не исключено, что израильской армии) успешно отбились от такой же стаи монстров и сейчас добивают подранков. Ноги сами собой зашагали быстрее. Оксана удивлялась себе – по ощущениям (по тем еще, спортивным) прошлагала километров пять, но почти не запыхалась, в отличие от всех остальных, даже парней.

Многие явно шли из последних сил; все чаще то один, то другая ненадолго исчезали. Наконец и Гольдберг поняла – ей тоже нужно приотстать. Конечно, лес при всем своем почти храмовом величии не мог предоставить никаких удобств, однако разве Оксана не была когда-то обычной (почти обычной) сибирской девчонкой. Да и приспичило как-то сразу и вдруг.

Так что на широкую тропу она выскочила в одиночестве, когда уже прогремела длинная автоматная очередь и впереди – метрах в двадцати, не больше – начали падать ее новые знакомые. И первым среди всех – Соломон. Она не видела, остался ли кто-то из израильтян в живых. Даже для нее, далекой от особенностей израильской почти фронтовой жизни, было ясно – в руки людей с автоматами попадать было нельзя!

Потому что это были извечные враги – арабы. Не просто арабы – арабские боевики. И пусть арабского языка она почти не знала, смысл гортанных выкриков, которыми ее подгоняли преследователи, подсказывал одно – пусть лучше в лапы страшному зверю, чем к этим...

– Ну а дальше вы все знаете, – закончила она уже на том самом перекрестке, о котором всех предупредил Кудрявцев.

– Дела..., – протянул профессор, отрываясь от ежедневника, в который начал что-то строить, как только устроился на толстом стволе упавшего дерева. Оно лежало, почти перегородив тропу, но на вопрос командира Никитин успокаивающе ответил:

– Без проблем – задом подъеду и сдвину навеской.

Подполковник, усаживаясь рядом с Оксаной, протянул ей бутылку с остатками воды и спросил уже вслух, опять обращаясь к трактористу:

– А скажи-ка, дорогой товарищ, с какой радости ты в чужой сарай заехал? И не было ли в этом сарайчике у бабы Оли погребка – с картошечкой там, морковкой, да лучком?

– Был, как не быть! Насчет картошки не скажу, а самогон точно был, самый лучший на деревне. Только бабка Оля его не продавала, – Анатолий горестно покачал головой, – только для своих, да на праздник угостить могла.

Он, в свою очередь, повернулся к Романову с вопросом:

– А вот объясни, друг профессор, отчего меня похмелиться не тянет? Я ведь третий день пил, не пересыхая... Как только пятьдесят восемь стукнуло, да стаж лесной, льготный для пенсии выработал, так директор велел ключи и документы на трактор на стол положить. А вот шиш ему! Я свою «Беларусь» до винтика разобрал и снова собрал. У меня кроме нее никого больше и не было. Отобрали бы – кому я нужен был? Так меня это задело, что сел пьяным за руль и гонял по деревне. Орал что-то – сам не помню. И как в сарай заехал, не помню. Очнулся когда девка та расфуфыренная..., ну, покойная, заорала. Трезвым очнулся и до сих пор не тянет. Непонятно.

– Ну, это-то как раз понятно, – пробормотал Романов, все так же строча авторучкой по листу; он повернулся к подполковнику и добавил уже громче, – а насчет картошечки с морковкой, да и самогончика тоже – вряд ли что найдется. Слишком высоко сидел наш гонщик. От всего погреба если только потолок захватил. А вообще очень замечательная конструкция у этого трактора, не находите, Александр Николаевич? Попал к нам целехоньким, даже железная штуковина сзади болтается...

– Не штуковина, а шелобешка, – обиделся за свой агрегат Никитин, – лесной культиватор КЛБ. Для ухода за посадками. Да им и в поле можно; если где стерню разбить – милое дело. За день на ящик беленькой можно накалымить.

– Вот я и говорю, замечательный агрегат, – продолжил профессор, – стерню разобьем, картошечку израильскую посадим; а там еще, наверное что-то было?

Он повернулся к израильтянке и та кивнула – было, и очень много, если только звери не пожрала да потоптали.

– А мясо само прибежит! – Холодов, единственный не присевший на ствол, показал рукой в сторону лесной тропы, которая пересекала их дорогу под острым углом. Эта тропа была поуже, метра четыре в ширину, поэтому непонятно было, как по ней мог перемещаться так быстро олень, выскочивший на перекресток и замерший шагах в двадцати от группы людей. Человеческих шагах; у самого зверя шаг был много длиннее. Был олень крупным, крупнее российского лося; но самыми замечательными в нем были рога – ветвистые, с лохмотьями не слетевшей кожицы на нижних отростках. Они должны были задевать деревья по обе стороны четырехметровой тропы. Такой красавец был создан для стремительного бега по чистым равнинам; в лесную чащу он мог попасть или по нелепой ошибке, или подгоняемый чужой злой волей.

И точно! Следом вдруг выскочили и столпились на опушке сразу несколько хищников – не таких грациозных, как леопард, но не менее крупных и опасных.

– Они, – вдруг охнула, побледнев, Оксана.

Она попыталась вцепиться руками в сидящего рядом Кудрявцева, но того уже не было на месте. Подполковник стоял рядом с Холодовым; в руках у него был АКМ, готовый к бою и нервная дрожь как-то сразу отпустила девушку. Она знала, каким страшным оружием был в опытных руках самый надежный в мире автомат.

Звери видимо тоже что-то почувствовали, или оленье мясо показалось им аппетитнее непонятных существ с резкими незнакомыми запахами. Во всяком случае, когда олень помчался гигантскими скачками туда, откуда только недавно появился отряд людей, хищники ринулись за ним. Их было шесть, действительно похожих и на медведя, и на волка одновременно – на вид неуклюжих, но исчезнувших так же стремительно, как и рогатый травоядный.

– Действительно медведесобаки! – первым нарушил молчание доцент, – настоящие медведесобаки! Подходящая пара махайроду.

Тут его небольшое лицо скривилось в гримасе. Казалось, он сейчас заплачет:

– Но гигантский олень! Этого не может быть! Этого не может быть никогда!

– Чего не может быть, Роман Петрович? – профессор наконец отвел взгляд от тропы, где исчезли звери.

– Я конечно не специалист по вымершим животным...

– А в чем вы специалист, позвольте полюбопытствовать, – перебила его Николаева.

Романов замялся.

– По кольчатым червям, – нехотя выдавил он.

– Это по глистам что ли? – заржал Никитин. В окружавшей их лесной тиши смех был неестественным и раздражающим, сразу несколько человек поморщились и Анатолий замолчал.

– Я конечно не профильный специалист, но кое-что из курса палеозоологии помню. Ну, никак не мог большерогий олень жить в одно время с махайродом. Полтора миллиона лет как минимум – вот что их разделяет.

Последние слова доцент почти выкрикнул.

– Успокойся, Роман Петрович, – широкая ладонь командира легла ученому на плечо, – подумай сам: если мы как-то попали в этот миоцен, почему бы сюда не перенестись и оленю твоему большерогому?

– А ведь верно! – хлопнул себя по лбу Игнатов, – это что же получается?.. Так ведь и до динозавров дело дойдет?..

– А что, товарищ подполковник? – влез тут же в разговор Никитин, – тираннозавра калаш с одного выстрела возьмет?

– Возьмет, возьмет, – в шутку или всерьез успокоил его командир, а доцент забормотал что-то негромко и возмущенно – до тех пор пока Кудрявцев не скомандовал:

– Подъем!

Впрочем все уже и так стояли, и командир продолжил:

– Продолжаем движение в режиме абсолютного молчания... Тебе понятно, Никитин?

– А че чуть что, сразу косой? – обиженно откликнулся тот.

– Понятно, Никитин?!

– Так точно!

– Авангард теперь – я, Романов, Гольдберг... (Про Малыша подполковник не упомянул, но все и так поняли, где будет идти пес). Тыл держат Володин и Холодов. Сержант, не дергай так стволом на каждый чих. Спокойнее Юра. Спокойнее и повнимательнее. Как в Афгане.

Парень с автоматом весь подобрался и кивнул.

– Остальные идут по своим местам. Показываю команды: первая, – Кудрявцев поднял вверх левую руку с открытой ладонью: «Всем стоять!». Вторая (теперь та же рука описала окружность над головой): «Занять круговую оборону!». Третья...

Подполковник повернулся к Оксане и ткнул ей легонько пальцем в грудь. Точнее хотел ткнуть туда, но в результате палец по сложной траектории уперся ей куда-то в горло, и Кудрявцев чуть смущенным (как показалось израильтянке) голосом повторил:

– Третья: «Следуешь за мной!»; четвертая, – он повернулся теперь к профессору и хлопнул его по плечу, – «На время моего отсутствия – старший».

Пожалуй, пока хватит. Всем понятно? Повторить?

– Понятно, – ответил за всех профессор, и отряд отправился по тропе, с каждым шагом удаляясь от перекрестка и приближаясь к цели.

Теперь неумолкаемый шум леса едва нарушал треск сухих веток под ногами. На каждый такой звук командир чуть заметно морщился, но видно это было только Оксане и Романову. Так – «в режиме абсолютного молчания» – они прошли минут двадцать, когда Оксана, а за ней, наверное, и все остальные поняли – уже совсем близко. Причем она не смогла бы наверняка сказать, что первым привлекло ее внимание – чуть слышные голоса впереди или перебивший вдруг запахи окружавшего их хвойного леса аромат – настолько знакомый, что она едва не закашлялась, пытаясь поглубже вдохнуть воздух. Он (аромат) был с каждым шагом все гуще и теперь Гольдберг, закрыв глаза, могла представить, что проходит мимо арабской

забегаловки в Бат-Яме, как делала это почти каждый вечер. Тысячи раз за три десятка лет, и запах этот никогда не менялся.

Естественно глаза она закрывать не стала, поэтому прекрасно видела, как командир рядом посредством ладони скомандовал: «Всем стоять! Занять круговую оборону! Старший!». Последнее относилось к профессору, на чье плечо опять опустилась ладонь подполковника.

Строй распался; снова собрался – теперь уже ошетилившийся лопатами, топорами, огромным тесаком в руках доцента и автоматом у Холодова, занявшего место подполковника. Сама Оксана тоже была вооружена – живым агрессивным оружием, Малышом, который теперь прижимался лохматой шеей к ее боку. Ладонка израильтянки опустилась на широченный лоб, как это часто делал командир, и пес даже не шелохнулся – такой же напряженный, как она, готовый к бою.

Оксана, казалось, не дышала; все внимание она устремила туда, где в лесу бесшумно растворился Кудрявцев. Минуты – первая, вторая, третья.., – текли нестерпимо медленно. Эти пять минут были, наверное, самыми длинными в ее жизни. Но вот подполковник так же бесшумно вынырнул из чащи – совсем не там, где его ждали. Он вынырнул из-за ствола дерева-великана по другую сторону тропы. Дерево это стояло отдельно от других; как мог командир подобраться к нему незамеченным? Этот вопрос озадачил девушку на пару секунд, не больше – ровно до того момента, как палец подполковника, опять уперся ей в горло; мгновением позже этот же палец указал на Холодова. Круг остающихся сплотился теснее, а тройка разведчиков во главе с командиром, сопровождаемая теперь Малышом, шагнула в лес.

Метров через двести крадущиеся как заправские диверсанты (со стороны это наверное выглядело смешно) оказались за раскидистым кустом. По жесту Кудрявцева – вполне понятному без объяснений – все четверо (пес исполнил безмолвную команду первым) скоро лежали на траве, не жалея ни камуфляжа, ни женского брючного костюма. Картина, открывшаяся им совсем рядом, никого не удивила. Бородатый молодой араб, вооруженный автоматом и пистолетом в длинной кобуре, которую он устроил на своих коленях, сидел, привалившись спиной к дереву. Четыре израильтянки («Только четверо!», – вздохнула Оксана) ковырялись в земле лопатами; даже отсюда, метров с пятидесяти, было видно, что сил у них совсем не осталось. Движения их были медленными и вряд ли эффективными, но боевик их не подгонял. Казалось, его ничего не интересовало – ни пленницы, ни лес вокруг, полный опасностей, ни веселые возгласы там, откуда несло запахами сильнее всего.

Поэтому, наверное, командир решился нарушить режим молчания:

– Постараюсь все сам. Но этот гад матерый. Не смотрите, что спит на ходу... Сидя, – поправился он, – боюсь, успеет положить девчат... Страховка нужна. Юра, сможешь достать одной очередью?

– Не знаю, – неуверенно прошептал так же тихо Холодов, – я же, товарищ полковник, водила, а не стрелок.

– Тогда ты, Оксана. Сможешь?

– Смогу, – девушка понадеялась, что ее шепот прозвучал достаточно уверенно, и автомат тут же сменил своего хозяина.

– Только в самом крайнем случае, – Кудрявцев зачем-то погладил ее по темным кудрям, осадил легким тычком ринувшегося было за ним пса и опять исчез.

Ждать теперь пришлось совсем недолго. Оксана уже приладившая оружие поудобнее (положение лежа и принимать не пришлось!), не отрывала взгляда от бородача; окружающую обстановку контролировал Холодов. Поэтому когда он чуть дернулся телом, девушка краем глаза отметила шевеление в арабских развалинах. Это был подполковник, легко и непринужденно спрыгнувший с двухметровой стены – словно с обычной ступени.

Бородатый бандит, к которому как раз подошел другой, вооруженный шумовкой, отреагировал мгновенно. Вот он сидел у дерева, а вот – между ним и Кудрявцевым был живой щит

из четырех женских тел. Командир шагнул вправо; шажок бандита, стоявшего ближе к пленницам, был короче – таким, что положение «живого щита» не поменялось. Тогда Кудрявцев покачал головой и показал стволом пистолета на ноги бородачу, а может на землю перед его ногами, куда, очевидно, предлагал бросить оружие. Бандит явно понял противника; он тоже покачал головой и повел дуло автомата вверх на жертвы, застывшие с лопатами в руках.

И Оксана поняла – сейчас только она может спасти всех – и соотечественниц, и командира, который не ляжет – бросится закрывать беззащитных женщин своим телом.

– Раз-два, – прошептали ее губы, как учили на НВП, и три злые пули улетели в бандитов.

Расстояние до них было самым биатлонным – метров пятьдесят – и девушка не промахнулась. Бандит с шумовкой упал сразу; бородач дернулся, но автомат не отпустил, даже попытался поднять его снова.

– Раз-два, – палец еще раз нажал на курок и Оксана четко, как в бинокль, увидела, как на груди бандита в трех местах рвануло камуфляж. Эти три удара, слившиеся в один, толкнули его назад, но бородач еще раз попытался рвануться вперед – навстречу медленно огибающим куст Оксане и Малышу. Этот рывок был последним; он повалился лицом вперед и замер.

А рядом с девушкой вдруг оказался командир, заслонив ее от поля боя. Он прижал ее к себе, неловко ткнулся губами ей в висок и прошептал: «Умничка моя!»

Это длилось мгновение – Кудрявцев опять исчез в лесу, отправившись очевидно за отрядом, а Оксана зашагала к девушкам с мечтательной улыбкой на губах, все так же сжимая в руках автомат.

Глава 6. Подполковник Кудрявцев. День первый – продолжение

– Принимай аппарат, механик, – подполковник хлопнул по бронированному боку могучей машины, – БРДМ-3, бронированная разведывательно-десантная машина; наша, российская. Осилишь?

– Какой агрегат? – удивленно протянул Холодов, осторожно обходя пирамиду из шести АК-74 и разгрузок к ним, заляпанных кроваво-красными пятнами.

Часть снаряжения была пробита пулями так, что сквозь отверстия были видны металлические рожки черного цвета. Он заглянул в кормовую часть боевой машины, представляющую собой идеально ровный срез, проходящий по всей броне по оси третьей пары колес, и разочарованно протянул:

– Здесь же движка нет. Совсем нет!

– Зато вооружение на месте, – полковника, казалось, совсем не смущало отсутствие силовой установки БРДМ, – автоматическая пушка и пулемет ПКТ, с полным боекомплектом! Знаете что такое для нас триста снарядов калибра тридцать миллиметров и две тысячи патронов семь-шестьдесят две?!

Окружившие его товарищи молчали, так же как молчали освобожденные израильтянки, примкнувших к толпе русских. Лишь одна из них сидела, подпирая спиной стену, с которой совсем недавно спрыгнул командир. Рядом со светловолосой девушкой валялся труп боевика с неестественно согнутой набок шеей, автомат Калашникова, накинутый на его шею, уставился стволом в небо. Девушка, чьи ноги в грязных носках с практически стертыми пятками едва не упирались в голову мертвого бандита, соседа не замечала. Она сидела с закрытыми глазами, из которых медленно стекали по испачканным щекам слезы.

Кудрявцев, успевший уже нырнуть глубь боевой машины и убедиться, что за исключением двигательной установки она полностью готова к бою, сам ответил на вопрос:

– Это значит, что на расстоянии полутора-двух километров ни одна тварь нам не страшна. А движок? Ну что движок? Обычный КАМАЗовский двигатель – да у нас самих есть такой! И водитель в придачу. Да такой водитель, что голыми руками из двух половинок конфетку сляпает, – он засмеялся, хлопая ладонью по плечу недоверчиво качавшего головой сержанта, и вдруг замолчал, наткнувшись взглядом на светловолосую израильтянку.

Через пару мгновений он уже присел перед ней и легким касанием пальца стер слезы со щек девушки. Она открыла глаза; полные губы чуть слышно прошептали несколько слов, из которых подполковник разобрал только имя – Соломон.

– Что это она? – спросил командир у остановившейся за его спиной Оксаны.

– «Соломон никого не видел», – перевела на русский Гольдберг, – внук у нее был, Михаэль. Потерялся в первую минуту. А парень, Соломон, – девушка махнула рукой в сторону братской могилы, – сказал, что видел мальчика в лесу. Вот она и бежала впереди всех. И на тропу первой выскочила. Как только в нее пули не попали! Говорит, что жалеет – лучше бы она тоже умерла.

– Ты подожди реветь-то, – рядом с командиром на корточки присел Никитин, – ты же мальчонку больше не видела? Может он где спрятался, или на дерево залез? Мальчишки – они шустрые, сам таким был...

Оксана скороговоркой переводила слова тракториста, а может, добавляла что-то от себя, потому что на каждое слово Анатолия у нее получалось не меньше трех. А светловолосой девушке, успевшей, как оказалось, обзавестись внуком десяти лет, наверное нужно было дать хоть тень надежды. Она затараторила еще быстрее Гольдберг и вскочила на ноги; вцепившись

в руки Кудрявцева, она практически подняла его на ноги – такая исступленная сила переполнила ее.

Отцепив руку от камуфляжа подполковника, израильтянка замахала ладонью куда-то в сторону тропы, откуда совсем недавно появился отряд. Слезы снова брызнули из ее глаз, а голос по-прежнему был заполнен болью и страданием. Оксана продолжала машинально переводить:

– Так надо быстрее бежать туда, назад. Только куда? В этом дремучем лесу Михаэля мы будем искать сто лет. Может быть вы, – израильтянка опять схватилась за рукав командира, – сможете найти? Вы ведь русские?! Вы русские?! – повторила она с надеждой, оглядываясь на Гольдберг.

Та кивнула головой, и светловолоска облегченно выдохнула:

– Вы ведь там, у себя в Сибири все тропки знаете, вы найдете моего Михаэля.

Подполковник энергично закивал головой, понимая, что девушку надо обязательно подержать, хотя бы своей уверенностью. Смотрел он при этом на Оксану, словно говорил: «Вообще-то сибирячка у нас тут ты!». Вслух же он сказал:

– Переведи – обязательно найдем. Вот минуток десять передохнем и сразу пойдем. У нас следопыты – ого-го. А если заплутаем, Малыш найдет... Кстати, где он?

Малыш в это время осуществлял сложную, намертво закрепленную в генах процедуру знакомства с другим псом.

На небольшом участке метров пять на десять, засыпанном ровным слоем песка, поглядев на который командир понимающе переглянулся с профессором – два стандартных участка из какой-то пустыни – прямо посреди него активно обнюхивались два волкодава – Малыш и его более мелкая копия. У копии через всю голову, разделяя шкуру на черепе почти надвое, тянулся кровавый шрам, еще сочившийся кровью. Тела у собак были напряжены до предела; хвосты – точнее обрубки, или обрезки хвостов мелко подрагивали. Долгая томительная пауза, не нарушаемая никем, наконец лопнула – хвост у меньшего пса задергался из стороны в сторону, обозначая вилание, он опустил голову и коротко взвизгнул, очевидно признавая старшинство гостя. Обрубок хвоста Малыша дрогнул и он тоже опустил голову, принявшись вылизывать рану.

– Людмила Васильевна, гляньте, не надо чем-то присыпать? – повернулся командир к медсестре.

– Ничего не надо, – буркнула Николаева, – заживет как на собаке, тем более она собака и есть. А собачья слюна вообще лучший антисептик.

– Вообще-то это мальчик, а не девочка, – влез в разговор Никитин.

– Оно и видно, кто тут у нас специалист по кобелям, – опять не приветливо ответила медсестра.

– Людмила Васильевна, – мягко остановил ее командир, – я понимаю, что вокруг непотребство творится – трупы валяются, женщины истерзанные, а тут тракторист Никитин шутки юмора шутить пытается..., – его голос вдруг зазвенел, приобретая обычную командирскую строгость, – так чего вы тут стоите, мораль читать пытаетесь?! Вас что сюда – с мужиками ругаться позвали. Немедленно оказать помощь пострадавшим. Оценить их физическое состояние. Этим девушкам сейчас кросс на пять километров по пересеченной местности бежать!

– Да куда им бежать, – всплеснула руками Николаева, – они же еле дышат...

– А вы у них самих спросите, – подполковник резко повернулся к группе израильтянок, которым что-то горячо говорила Гольдберг. Скорее всего, переводила слова командира.

– Они все пойдут, – упрямо наклонив голову, сообщила Оксана, и тут же поправила себя, – мы все пойдем.

– Хорошо. А вы, – подполковник опять обернулся к медсестре, – выполнять!

Николаева растерянно уставилась взглядом ему в лицо, затем, смущенно улыбнулась и негромко проговорила: «Простите, Александр Николаевич».

Подполковник кивнул, а Людмила споро пошла к израильтянкам, передвигая вперед большую сумку с медикаментами. Кудрявцев опять направился к Малышу, который приныхивался теперь к шалашу, сложенному двумя упавшими бетонными перегородками. Впрочем, шалаш – слишком громко сказано для той щели, в которую пес попытался просунуть свою большую морду. Наконец ему это удалось, раздался короткий вскрик и Малыш выполз назад, таща зубами за рубаху паренька араба, отчаянно извивавшегося всем телом, но явно опасавшегося задеть при этом Малыша. Еще пару мгновений, и материал рубашки не выдержал бы, или парнишка выскользнул бы из нее, но тут он попал в крепкие руки командира и перестал дергаться, очевидно, правильно оценив перспективы побега. Впрочем, практически сразу Кудрявцев отпустил его, поставив рядом с высоким крепким арабом, прижимавшим к себе маленькую девочку лет пяти со множеством длинных тонких косичек на голове. Девочка несмело улыбнулась командиру. Парень же непроизвольно прижал к себе другой рукой извлеченного из-под плит мальчишку. Все внимание араба, как и двух девушек восточной внешности, прятавшихся раньше за его широкой спиной, занимала удивительная картина: на самом краю этой песчаной полянки, практически уже в лесу, стояли мордами ко всем два верблюда (или верблюдицы – Никитин как-то не успел подсказать). Перед ними, воздев руки кверху, словно вознося молитву и что-то бормоча, стоял доцент Игнатов. Но нет – это явно было не молитва. Роман Петрович говорил с животными, и те, казалось, его понимали. Верблюды (или верблюдицы) важно кивали головами и вдруг... одновременно положили их на плечи человеку.

Кудрявцев повернулся с немим вопросом к арабу; тот, явно удивленный не меньше русского командира, пожал плечами – мол, сам впервые такое вижу. Подполковник, ухмыльнувшись, повернулся к группе, сейчас состоящей исключительно из девушек – одной русской, в белом халате, и пятерых израильтянок.

– Оксана, – позвал он.

– Да, Александр Николаевич.

– Узнай, кто-то из девчат говорит по-арабски?

Разговор на иврите, до того не прекращавшийся ни на минуту, мгновенно ускорился, стал громче, и к командиру подошли две девушки – Гольдберг и невысокая крепкая смуглянка. Как еще раньше обратил внимание Кудрявцев, этой девушке медицинской помощи практически не требовалось; ладонки ее не были стерты до кровавых ладоней, как у остальных израильтянок, и передвигалась она на удивление легко и быстро.

– Это Бэйла Тагер, – представила девушку Оксана, – ей арабский по роду занятий положено знать...

– И какой такой род занятий у нашей новой подружки?

Такой несколько игривый тон не понравился ни Бэйле, ни Оксане. Девушки затараторили что-то на своем, на израильском, и Оксана ответила:

– Она говорит, что теперь уже никаких тайн быть не может. Тагер – снайпер из спецподразделения израильской армии.

За спиной подполковника раздался протяжный свист – это вездесущий Никитин удивился:

– Вот тебе и Бэла из драмы Лермонтова! Разве бывают такие снайперы? Ты же короче снайперской винтовки!

А командир не знал чему удивляться в первую очередь – Никитину, знакомого, как оказалось, с творчеством великого русского поэта, или Бэйле, действительно никак не походившей на грозного воина.

– День, полный сюрпризов; когда же он закончится? – подумал он, глянув на солнце, едва перевалившее зенит, – как в ресторане – кофе с булочками заказывали? На складе в бункере

лежат снайперки Драгунова (бункер Кудрявцев осмотрел в первую очередь – быстро, но цепко), а тут к ним в придачу израильский снайпер, да еще из спецподразделения!

Девушки сразу как-то ошетинились, а Гольдберг горячо воскликнула:

– У нас все женщины в армии отслужили – и я, и они, – девушка кивнула на остальных израильтянок, – и служили по-настоящему – и под пулями ходили, и сами по террористам палестинским стреляли!

Подполковник вдруг вспомнил давний случай, когда отношения между Москвой и Тель-Авивом были особенно теплыми и на их базу привезли израильскую спецгруппу во главе с знаменитым «охотником за головами» Черным Кацем. Группа прилетела для обмена опытом, который совсем скоро превратился в курс обучения израильских спецов правилам русского боя – боя явного и тайного. К концу этой короткой «дружбы братских народов» Кац вполне серьезно называл Александра учителем и приглашал в гости, в Израиль, – на ту самую охоту за головами.

Но снайпером Кац был уникальным. Такого подполковник взял бы в свою группу первым номером.

– Спроси у Бэйлы, она про Черного Каца слышала? – по какому-то наитию успокаивающе спросил командир.

– Не только слышала, но и видела! – эмоционально выдохнула девушка, и Оксана так же эмоционально перевела.

– Мой ученик! – с вполне законной гордостью сообщил им Кудрявцев и повернулся к арабам, терпеливо дожидавшимся своей очереди.

Впрочем, повернулся он достаточно медленно, чтобы заметить, как чувство неверия сменяется на лице израильтянки искренним изумлением, а затем и восхищением. Однако он не дал выплеснуться эмоциям. Командирским, а потому не допускающим никаких отклонений от генеральной линии партии тоном он начал опрос остатков арабского анклава. Малыш успел уже вместе со своим новым раненым другом оббежать весь лагерь и сунуть нос во все углы, за исключением огромного казана с пловом. То ли потому, что тот был под неусыпным надзором арабских девушек, то ли из-за огненно-горячей крышки, которой была накрыта посудина. Теперь он безмолвно доложил – да, эти пять человек все, что осталось от целой толпы сирийских арабов.

Командир даже скрипнул зубами – какой-то сумасшедший ублюдок за минуты уничтожил почти всех представителей целого народа!

Разговор шел ни шатко ни валко – попробуй быстро договориться посредством двойного перевода – пока, наконец, Александр едва не хлопнул себя по лбу:

– Бейла, – обратился он к израильтянке на вполне приличном языке жителей Туманного Альбиона, – а ты говоришь по-английски?

– Естественно! – удивилась девушка на английском почти так же чисто, – у нас практически каждый понимает его.

Оксана молча кивнула. Оказалось, что на этом языке межнационального общения вполне сносно говорят обе девушки-арабки, худо-бедно понимает парень, а мальчишка удивил не только английским, но и исковерканным русским, поочередно спев первые куплеты «У солдата выходной», «Солдатушки, бравы ребятушки» и почему-то «Черный ворон».

Как оказалось, мать Башара («Как великого Асада», – похвалился он, – а по-русски Боря») служила вольнонаемной в Тартусе; каким образом они вдвоем оказались тут, мальчишка не знал, только запомнил, как мать – какая-то помолодевшая, но страшно испуганная, с нечеловеческой силой запихнула его под бетонную плиту, а сама куда-то делась. Он только сейчас начал оглядываться, словно пытаясь найти родительницу, но сосредоточиться ему не дала та самая белокурая девушка (бабушка), схватившая мальчика в объятия и увлекшая куда-то за стену; она явно пыталась отвлечь его.

Парень, все также прижимавший к себе девочку, оказался пастухом, угодившим в песчаную бурю с пятеркой коз, двумя верблюдцами («Ага, – удовлетворенно кивнул подполковник, – все-таки девочки») и внучкой Шазодой. Пустыню старый шестидесятилетний пастух Хашимулло, ненужный никому кроме внучки, собаки и остальных животных, не боялся; песчаную бурю переживал не раз. Вот и теперь он несколько часов пролежал в общей тесной куче, накрыв все свое семейство (стадо?) куском старого брезента. Когда же буря внезапно закончилась и они дружно встали, стряхивая с себя вместе с брезентом килограммы песка, прямо перед ними нарисовался безумец с автоматом, успевший ранить пса Алая, и исчерпавший на этом и терпение аллаха, и патроны в автомате. Парень медленно вытянул из-за пояса кривой нож и закончил на ломаном английском:

– Своими руками зарезал. Теперь нож надо выбрасывать – таким барана не зарежешь, верблюда тоже не зарежешь; мясо будет харам, нечистым.

– Я дам тебе другой нож, – пообещал ему командир, – и автомат дам – без оружия тут нельзя.

– Нельзя, – согласился араб, – без оружия нельзя, без друзей нельзя. Русские – друзья. Ты русский, командир. Хашимулло с тобой пойдет, – он еще крепче прижал к себе внучку и повернулся к соотечественникам, совсем молоденьким – не больше четырнадцати-пятнадцати лет.

Они дружно закивали головами. Похожие как две капли воды, они оказались сестрами-погодками; старшей действительно было пятнадцать лет, младшей меньше четырнадцати. Последнее, что видели девочки в старом мире – чистенькая автострада недалеко от сербско-хорватской границы, которую длинная колонна сирийских беженцев пересекала туда и обратно уже несколько раз. Ни католикам в Хорватии, ни в православной Сербии они были не нужны. Усталая, рано поседевшая мать так и сказала: «Никому мы тут не нужны, дочки». И тут все закружилось, загремело – почти как дома, в Дамаске: гранаты, выстрелы. Люди бегали, пытались спрятаться в развалинах. Айша и Айгуль успели нырнуть под прилавок, остальные – нет. Там их и нашел молодой парень с усталыми глазами; они поверили ему, что все плохое уже кончилось, но автоматы опять стреляли и люди кричали... А они уже совсем большие, и все умеют. И русскому командиру они тоже верят, потому что ему верит Хашимулло...

В общем, Кудрявцев, который и так не собирался оставлять сирийцев на прозябание (а может и на погибель) в этих развалинах, был доволен – его род, племя, семья (называйте, как хотите) только что увеличилась на пять человек. Причем на абсолютно добровольных началах.

– Так Россия землями и народами и прирастала, однако, – улыбнулся он и повернулся к Николаевой, подошедшей к нему с удрученным выражением лица.

– Двоих я бы все-таки не отпустила отсюда. Им бы в постельку – и ходить поменьше, пока волдыри не подсохнут, – доложила она, – да куда там! Уперлись – пойдем и все!

– Ну тогда корми их, а заодно и бойцов, по очереди, – подполковник показал рукой на казан с пловом, – командуй, Людмила Васильевна.

– А сам опять голодный, Александр Николаевич?

– Поем, обязательно поедем, – засмеялся Кудрявцев, – вот сержанту задачу поставлю и сразу обедать.

Александр повел Холодова, Романова и Никитина показывать главное сокровище анклава – бункер с оружием, а Николаева завертела головой, очевидно пытаясь разыскать всех порученных ее заботам. Там, где еще прежнее командование определило посты, несли службу Володин, так и щеголявший в костюме пожарника и Малышев в спортивном костюме. Оба были вооружены АК – 74 и, на взгляд командира, держали его достаточно уверенно. Игнатов до сих пор «беседовал» с верблюдами. Виктора Иванова – хозяина костюма, который сейчас красовался на геологе, нигде не было видно.

– Ну ничего, куда он денется с подводной лодки? – успокоил он сам себя.

Единственно – мысль, что кто-то бездельничает, немного раздражала его. Но это дело было поправимым – пообедают, и с песней вперед – работы хватало.

– Ну-ка бойцы, кто готов сдать зачет по стрелковому оружию?

Холодов с Никитиным переглянулись с враз ставшими виноватыми лицами, а профессор пожал плечами – себя он к бойцам никогда не причислял. Однако со вполне понятным интересом глядел, как товарищи в три пары рук освобождают длинную – во всю длину пяти-метрового бункера – пирамиду, заставленную оружием. Пирамида была укутана полиэтиленовой пленкой весьма добротно, в пять слоев. Бандиты материала не жалели, но даже их усилия не смогли истратить весь материал. Под низенькой полкой, сколоченной из обрезных досок разных размеров, на которой, собственно и выстроилась длинная шеренга автоматов, открывавших парад, лежал неоконченный рулон пленки. Другой, более объемный, был в упаковке – его бандиты даже не разворачивали.

– Вот, Алексей Александрович, – обратился почему-то к профессору подполковник, – знаменитый автомат АКМ, запоминай и гордись.

– Мне-то чем гордиться? – удивился профессор.

– Ну как же, ведь ты в пятьдесят девятом родился?

– Да, – Романов опять удивился.

Он совершенно не помнил, чтобы исповедался командиру в части своей биографии. Скорее он мог рассказать о других – его ежедневник был почти заполнен сведениями о большинстве сотоварищей по несчастью.

– Так вот; автомат Калашникова модернизированный был принят на вооружении как раз в пятьдесят девятом году. Выпущено черт знает сколько, но много – очень много миллионов штук, используется в семидесяти шести армиях мира – это только официально.

Выпускается тоже не в одной стране. Но лучшим, конечно, считается автомат советского производства. Надежный, простой в обращении, не подведет ни в тропиках, ни в пустыне. Проверено не раз людьми, которым я безусловно доверяю... Доверял. Ну и сам, конечно...

Он взял автомат в руки:

– Магазин на тридцать патронов калибра семь-шестьдесят две на тридцать девять. Здесь они сдвоены по образцу афганской кампании, снаряжены полностью. Что не есть хорошо – пружинка в магазине хоть и железная, но тоже имеет привычку уставать. Поэтому сержант – ты остаешься за старшего – выдать оружие только тем, кто умеет обращаться; остальное разрядить. Оружие распределить и погрузить в БРДМ и пикап..., – он повернулся к Анатолию и тот подсказал: «Фольксваген Амарок».

Подполковник кивнул и продолжил:

– Тут их тридцать восемь, да два наверху – всего значит сорок. Это килограммов двести. Дальше – патроны. Эти к АКМ, – Кудрявцев провел рукой по зеленым деревянным ящикам, выстроенным аккуратными рядами, – шесть на десять – шестьдесят ящиков по тысяче триста двадцать патронов – почти восемьдесят тысяч штук.

– Ух, ты, – присвистнул тракторист, – да тут их – стрелять, не перестрелять.

– Я тебе дам свистеть, – замахнулся на него, быть может шутливо, а может и не очень – подполковник, – не успеешь оглянуться, как кончатся. Пальцем другие делать будешь? Так ты даже формулы пороха не знаешь!

– Как это не знаю? – обиделся Анатолий, – сера, селитра и уголь. Селитры семьдесят процентов...

– Ишь ты, – перебил его командир, – действительно знаешь. Готовился что ли?

– К чему? – не понял Никитин.

– Вот к этому, – Кудрявцев обвел широким жестом бункер.

– Да нет, я...

– Потом расскажешь, – прервал его Александр, – все равно за каждый патрон все будут отчитываться лично передо мной.

– Как в армии, – догадался Холодов.

– Вот именно, как в армии.

Подполковник за эту минуту сделал еще один подсчет:

– Полторы тонны, запоминай сержант. Дальше. Это для нас тоже подарок, – он остановился у четырех винтовок с прицелами, – не менее знаменитая снайперская винтовка Драгунова. Сейчас конечно до хрена навороченных снайперок – чуть ли не на четыре километра пулю кладут. Но нам лучше что-нибудь попроще и понадежней. Вот такая будет в самый раз. Он снял одну винтовку с пирамиды и протянул ее Никитину:

– Ну что, справится с такой твоя Бэла?

Тот взял оружие, оценивая его на вес:

– Килограмма четыре будет, товарищ подполковник.

– Четыре триста, плюс прицел, плюс магазин на десять патронов, плюс подсумок на четыре магазина, а лучше два.

– А патроны такие же? – осторожно поинтересовался профессор.

– Правильный вопрос. Ответ – нет. Патроны чуть подлинней – семь-шестьдесят два на пятьдесят четыре – для снайперской пули должна быть подлинней, а заряд помощнее. Вот такие, – он коснулся другого ящика, верхнего в стопе из четырех деревянных хранилищ носителей смерти. Здесь всего три с половиной тысячи штук, еще центнер груза.

Холодов кивнул.

– Маловато, конечно, – покачал головой подполковник, – ничего, будем компенсировать меткой стрельбой... Это Ф-1... Объяснять надо?

– Никак нет, товарищ подполковник, – отчеканил бывший сержант, – граната оборонительного назначения. Максимальная дальность разлета осколков не менее двухсот метров...

– Правильно, – подхватил подполковник, – и таких осколков в одной гранате до трехсот штук. Шестнадцать ящиков по двадцать лимонок – триста двадцать штук. Килограммов тоже триста двадцать... Ну а это, сюрприз из сюрпризов.

Кудрявцев внешне легко поднял длинный пулемет с заправленной лентой с патронами.

– Двадцать пять с половиной килограммов плюс лента на пятьдесят патронов почти восемь кило. Этот из новых – крупнокалиберный пулемет «Корд»; единственный, которым можно стрелять из рук. Любой другой даже терминатора отдачей с ног снесет, а этот.., – он любовно похлопал левой рукой по стволу; правая рука, удерживающая треть центнера стали даже не шелохнулась, – патронов конечно маловато на три пулемета – всего сорок коробок по ленте в каждой, зато запасных стволов по два на каждый.

– Я про такой тоже слышал, – похвалился Холодов, – его ведь завод Дегтярева выпускает, из Коврова. А я там в учебке служил, полгода.

– Ну, тогда этого пулемета даже в проекте не было, – ответил ему Кудрявцев, – но хвалю – хоть чем-то интересовался...

Профессор нагнулся и поднял свисающую в коробку часть пулеметной ленты; казалось, хищная мощь снарядов впечатлила даже его.

– Однако! Такого тираннозавру одного хватит с избытком!

– А то! – улыбнулся подполковник, – пробивает даже легкую броню. Калибр двенадцать и семь миллиметров. Никому конечно стрелять с руки не позволим – это пускать пули на ветер. Тем более есть два пехотных станка.

Он указал кивком головы на сложенные металлические треноги странной формы и положил пулемет на место.

– Ну это уже мелочи... Приятные мелочи – пистолет ПМ шесть штук, патроны к нему – два ящика. Эти потяжелее будут – килограммов двадцать восемь, если не изменяет память.

– Да уж, вам на память жаловаться грех, товарищ подполковник, – улыбнулся Холодов.

– А вы свою память проверьте, молодой человек, – ответил ему профессор, – у вас она теперь тоже молодая; алкоголем и никотином не подпорченная. Сколько груза всего получилось?

Сержант зашевелил губами – видно ему так было привычнее считать. Наконец он выпалил: «Почти две тонны шестьсот!».

– Точно! – почти одновременно выкрикнули Никитин с Романовым.

– И это еще не все! – Кудрявцев перешел к противоположной стороне бункера и откинул пленку, свисавшую почти от потолка – такой высоты были сколочены здесь полки. Полиэтилена здесь ушло меньше – вездесущий песок был не так страшен снаряжению, сложенному здесь. Подполковник пошел вдоль рядов, стряхивая песок и перечисляя, – Х/б песочное, берцы, общевойсковой бронежилет, титановый шлем «Борит», разгрузки, медкомплект, офицерский сухпай...

– Знаете, что интересно? – повернулся он, дойдя почти до выхода из бункера, – все это не просто российское, все тут чисто российского производства. Все разношенное, хотя чистое и глаженное – даже трусы и майки чисто наши, защитного цвета. Какую-то крутую заварушку хотели закрутить бандюганы; в очередной раз Россию дерьмом обмазать.

– А мы тут им и подос... в смысле все карты перепутали, – обрадовался Никитин, – ай да мы, ай да командир!

– Ты еще скажи: «Ай да сукин сын!», – перебил его Кудрявцев, – мы тут не причем, другие задачи решали. Хотя в чем-то ты прав. Здесь Россия – это мы. А значит все это наше. Холодов, задача понятна?

– Так точно!

– Никитин, назначаешься помощником снайпера.

– Это как.

– Очень просто, Никитин. Таскаешь за снайпером винтовку с полным боекомплектом, и свой автомат с запасными магазинами.

– Сколько магазинов товарищ подполковник?

– А вот сколько в разгрузку войдет, столько и бери. Алексей Александрович – ты тоже автомат с разгрузкой для себя и такой же комплект для Оксаны.

– А остальным?

– Остальные вряд ли автомат донесут. Я им сам по пистолету подберу и другое снаряжение. Холодов, помогай. А вы, друзья, вооружайтесь и шагом марш обедать. Из мужиков больше никого не возьму – им и тут работы хватит

Глава 7. Анатолий Никитин.

Тракторист, алкоголик и мечтатель

Анатолий вышел из полутьмы бункера, нагруженный оружием и припасами так, что вполне мог начать небольшую войну с окружающим миром. Кроме снайперской винтовки, которую он так и держал в руках, за спиной его болтался на не отрегулированном пока ремне АКМ; торс плотно облегал разгрузочный жилет с восемью запасными магазинами. В каком-то хитром воинском рюкзаке, который ему успел вручить подполковник, поместились три подсумка с патронами к винтовке Драгунова, пара ремней, на которые эти подсумки, скорее всего, и должны были одеваться, три скрученных туго рюкзака и еще четыре бухты не менее туго смотанных плоских ремешков шириной три сантиметра. В далеком детстве Никитина такими ремнями шилась сбруя для лошадей; он успел порулить вожжами – его дед работал конюхом в том самом лесничестве, где так бесславно закончилась карьера Анатолия.

Следом, так же щурясь на яркое солнце, выбрался профессор. Он был нагружен не меньше. За спиной его болтались сразу три автомата; разгрузка на нем сидела не так ладно, как на Анатолии, но поправить ее сиюминутно Романов никак не мог. В одной руке он нес еще один жилет, тоже заполненный нелегкими магазинами, в другой почти волочились по земле сразу два рюкзака – тоже явно не пустых.

Никитин прикрыл ладонью глаза от слепящего солнца и потому не заметил, как к нему подскочила Бэйла, а за ней и остальные израильтянки. Он совсем не сопротивлялся, когда девушка вытянула из его руки винтовку и что-то залопотала на своем еврейском, оглядывая снайперку явно профессиональным взглядом. Тем более он не возражал, когда израильтянка поднялась на носочки и неумело чмокнула его в щеку.

– Четырехкратное увеличение, – переводила Оксана, – маловато конечно – на снайперскую... дуэль с такой винтовкой не решилась бы, но для наших условий самое то. Не капризная, достаточно кучно бьет; пристрелять бы еще...

Она вдруг вскинула оружие к плечу, и Анатолий поразился – эта невысокая, ниже его на голову, и совсем не накачанная мускулами девушка вдруг застыла в стойке так, что совсем недалеко – не больше чем в полуметре от его глаз – не шелохнулась ни на гран мушка винтовки. Никитин совсем не был уверен, что смог бы так же легко и непринужденно держать стойку, застыв подобно статуе на долгие секунды.

Потом дуло медленно, ни на долю миллиметра не отступая от идеально горизонтального положения, поплыло по окружности; к облегчению тракториста отдаляясь от него. Он даже заметил, как чуть дрогнул палец на курке, и тут же расслабился (палец, а не Анатолий), когда позади него прозвучала резкая команда – это из бункера, наконец, выбрался командир.

Анатолий английского совсем не знал, даже в рамках школьной программы, поскольку в школе «изучал» немецкий, но по жестам девушки, пытавшейся сначала что-то возразить, а потом послушно опустившей оружие, а также по повелительным ноткам в голосе подполковника, понял, что последний запретил проводить эту самую пристрелку здесь и сейчас. Каким-то чувством он также понял, что случай провести пристрелку появится совсем скоро, и что даром тратить патроны при этом не придется. В чем-чем, а в отношении расхода боеприпасов Кудрявцев был достаточно экономен, если не сказать скуп – Анатолий сам убедился в этом совсем недавно.

– Сержант, проверить технику, – подполковник кивнул на пикап, так и стоявший с открытыми дверцами кузова, а затем на мотороллер, в гордом одиночестве занимавший асфальтированный пятачок размером метров пять на пять.

Никитин удивился – асфальтовый пяточок, на который он ступил вслед за Кудрявцевым, был идеальным, нереально ровным – такой Анатолий видел впервые в жизни.

– А ведь у них там, в Сирии, уже сколько лет война идет! – подумал он с обидой за свою родную деревню, где такого асфальта не было и, наверное, никогда не будет. Вслух же он попросил подполковника, – можно я этот агрегат опробую, у меня когда-то самого «Муравей» такой же был.

Командир кивнул, открывая дверцу крашенной в светло-зеленый цвет будочки мотороллера. Тракторист опасливо заглянул из-за спины Кудрявцева – никто из будки не выскочил, потому что в ней не было ничего кроме нескольких мешков, на верхнем из которых он прочитал надпись в несколько строк на русском языке: «Мука пшеничная. Высший сорт. Краснодарский мукомольный завод №2».

– Ну вот, – опять обиделся он за Родину, усаживаясь за руль агрегата, – гуманитарку по всему миру шлем, а нормальных дорог у себя сделать не можем.

Оказалось, что с «Муравьем» это мотороллер имел весьма отдаленное сходство. Безуспешно поискав педаль стартера, российский тракторист путем проб и ошибок нашел такую кнопку включения двигателя, который, чихнув пару раз темным дымом, затарахтел почти бесшумно. Он уже готов был отжать рукоять тормоза и тронуться с места, но успел заметить в зеркале заднего вида, как лицо командира складывается в зверскую гримасу.

– Опять чертова экономия! – заглушил движок Никитин.

Рядом коротко взревел и, поработав несколько секунд, замолчал мотор «Фольксвагена»; Холодов, вылезая из кабины, показал большой палец: «Порядок!»

– Обедать, – приказал командир Никитину и Романову, который тоже остался только с одним АКМ за плечом – два других вполне профессионально рассматривали Оксана и белокурая израильтянка – Дина Рубинчик.

Две другие, назвавшиеся Марией Закс и Сарой Фаерман, присели на ту самую плитку, под которой прятался арабский мальчишка Борька, и примеряли на израненные ноги полуботинки – самых меньших размеров, какие только мог подобрать в бункере командир.

– Прямо как коммивояжер какой-то, – пришла вдруг в голову Анатолию мысль, которую он, конечно же, никогда не решился бы высказать вслух.

Плов оказался выше всяких похвал. Излишне сладковатый на вкус Никитина – наверное из-за избытка изюма, добавленного в казан покойным уже поваром. Последняя мысль не мешала ему потребовать добавки, которая исчезла в нем так же быстро, как первая порция. Потом был зеленый чай, обжигающе горячий и очень вкусный после жирного плова, даже без сахара и других сладостей.

Люда Николаева, медсестра, опять злилась на кого-то – а конкретно на Витьку Иванова.

– Парень с чемоданом, – лениво вспомнил Анатолий, – не хочет жрать – его проблемы.

Он перевел взгляд на девчонок-арабов, которые и приготовили в медном кувшине чай. Теперь они занимались чем-то еще в этой импровизированной столовой.

– Айша..., – значит, будет Маша; Айгуль..., Айгуль... – Гуля... Галя! Точно!, – тут он перевел взгляд на парня-араба и его неторопливая мысль споткнулась – Хашимулло на русский язык никак не ложилось.

– Ладно, потом, – он вскочил на ноги, освобождая место за столом, который на это раз изображал из себя одеяло с настеленным на нем покрывалом-скатертью, название которого выскочило из головы Никитина.

– Дастархан, – Кудрявцев словно угадал его вопрос, – и с довольным видом уселся на одеяло, подогнув под себя ноги так ловко и естественно, что не было сомнений – практика у подполковника в этом деле была весьма обширной.

Теперь уже Анатолий пошел, разминая ноги, вокруг сирийского стана. Если он и отличался чем-то от российских развалин, так это большим количеством пустых участков, засыпан-

ных мелким песком. Никитин географию школьных лет смутно, но помнил. Да и тема сирийская в последнее время все чаще в телеке мелькала; так что удивлялся не сильно – знал, что большую часть этой страны представляет (представляла!) пустыня. А вот еще один асфальтированный участок, тоже идеальный по качеству, но с неширокой обочиной. Наверняка по нему и шли в европейский рай сестрички Маша с Галей со своей матерью. Рядом почти во всю длину соседнего участка сверкала белизной громадная – квадратов десять, оценил Анатолий. Дно ванны было пробито пулями в двух местах, а в той стороне, куда этот бассейн имел небольшой уклон, замерла лужица розовой жидкости.

– Кровь, – догадался Никитин.

Как оказалось, у приключений есть вторая, отвратительная сторона – пропахшая потом, кровью и страданиями.

Анатолий всю жизнь мечтал о приключениях. На людях пьяница и дебошир, он вечерами запоем читал книги. В детстве это были библиотечные тома Майн Рида и Фенимора Купера, позже – дешевые книжицы в бумажных переплетах, которые побеждали даже в споре, что купить на последние деньги – бутылку беленькой или очередной томик. Сериалы – от «Спецназа ГРУ» до «Магии фэнтези» занимали почетное место в его доме, большом и крепком, построенном когда-то собственными руками. Теперь в доме жили только он сам и его мечты. Анатолий был поочередно Тарзаном и Конаном-варваром; побеждал врагов в горах Афганистана и Чечни и занимался прогрессорством в отсталых мирах мечта и магии...

Тут его взгляд зацепился за откинутый полог большой юрты, или шатра. Шатер был выше всех строений в лагере, сшит из какого-то явно не дешевого материала из чередующихся белых и зеленых полос; верх его был полностью зеленым и скорее всего непромокаемым – настолько тяжелой выглядела эта зелень. Его внимание привлек тонкая струйка дыма, появившаяся изнутри. Никитин шагнул в шатер.

Внутри царил полусумрак – почти такой же, как в бункере, и потому он не сразу разглядел человека, сидевшего в центре шатра за низким столом.

– Здесь вообще есть нормальная мебель? – подумал он, разглядывая в полутьме стопки одеял вдоль стен, а затем лицо Витьки Иванова, которого безуспешно пыталась отыскать Николаева. А он был рядом, в каких-то двух десятках шагов. Призывов медсестры он, несомненно, не мог не слышать, но отзываться не пожелал. Ему и здесь было хорошо. Столик перед ним – низкий, но широкий, был заставлен блюдами с фруктами; присутствовал и кувшин – явно не с чаем: в стоящей рядом пиале какого-то красновато-желтого металла почти доверху была налита темная жидкость. Никитин шумно потянул воздух носом, готовый узнать запах вина, но все вокруг перебивал сладковатый аромат того самого кальяна, трубка из которого заканчивалась мундштуком во рту Иванова. Тот как раз затыкнулся и открыл глаза, явно не узнавая вошедшего.

– А-а..., – наконец протянул он, выдохнув клуб дыма, – заслуженный тракторист России нарисовался. Как там тебя, Толян, что-ли?

Никитин машинально кивнул.

– Надоело?

– Что надоело? – не понял Анатолий.

– Задницу лизать у военного надоело? – Иванов опять затыкнулся сладким дымом.

– Ты за базаром-то гляди, парень, – Никитин едва сдержался, чтобы не шагнуть вперед и не опрокинуть нахала пинком вместе с кальяном.

Пожалел, скорее всего, белоснежную кошму, застилавшую все пространство внутри шатра. Привыкшие к сумраку глаза тракториста отметили, что ее девственная чистота грубо нарушена – от порога до столика и дальше – вдоль всех стен, на которых висели какие-то изогнутые сабли в ножнах, еще что-то смутно различимое – шла цепочка грязных следов,

– Ну, ты и паскуда! Тебе что, все можно?

– А мне теперь все можно! – захохотал Виктор, – я теперь богаче султана. Видишь это, – он схватил со столика полную чашу, плеснув немалую часть из нее на пол, сразу потемневший в этом месте неопрятным кроваво-красным пятном, и выпил из нее остатки в несколько крупных глотков, – это золото, парень.

Он вскочил на ноги и бросил чашу на стол, отчего часть винограда, с горкой заполнявшего большое блюдо, брызнула в сторону, добавляя еще больше безобразия на кошке. Иванов воздел кверху и блюдо, отчего виноград весь оказался на полу:

– И это тоже золото, а на этих цацках, – он повел свободной рукой вдоль стен, – настоящие брюлики. Таких даже в Гохране никогда не было. Я богат, парень, – пьяно захохотал Виктор, – теперь меня, а не полкаша в задницу целовать будете...

Анатолий вдруг успокоился, чуть не рассмеялся – какое золото, какие брюлики? Куда их собрался сдавать этот придурок? Да один патрон к АКМ стоит здесь дороже любого бриллианта.

– Что-то ты все про задницу – гомик что ли? – насмешливо поинтересовался он.

– Чего? – взревел пьяный Иванов, ринувшись на тракториста, – я тебя сейчас, пи...

Никитин не был боксером; драться он тоже не любил, хотя и умел – жизнь научила. Сейчас ему не пришлось сделать даже шага навстречу.

– Хрясь, – кулак Анатолия, нацеленный в нос негодяю, попал немного ниже – в челюсть, так что костяшки пальцев даже заныли.

Но эта боль была даже в некотором роде приятной, отметил Никитин, глядя, как его противник пытается встать на четвереньки в углу шатра, куда он отлетел с первого же удара.

Бойцом, как видно, Виктор был не из самых лучших. Но и такой в бешенстве мог натворить немало бед. Вот и сейчас он, едва поднявшись на ноги, вдруг глухо зарычал – совсем как тот леопард в лесу, набычил голову и, не глядя, сорвал из-за спины какую-то саблю. Ножны, тускло сверкнув в неярком свете теми самыми брюликами, а может другими камнями, полетели в сторону, а клинок взвился вверх, едва не достав до крыши шатра.

Остолбеневший Анатолий забыл и об автомате за спиной, и о выходе из шатра все там же, совсем рядом. Столик посреди – вот единственная преграда, которая отделяла его от психа – такой злобной сейчас была кривая ухмылка на лице Иванова. Тот вдруг сплюнул какой-то темный сгусток в левую ладонь и с криком: «Ты мне зуб выбил, падла!» – прыгнул вперед, опуская саблю туда, где только что находился Никитин. Последний конечно ждать удара не стал. Он наконец вспомнил о своем оружии и, огибая столик с другой стороны, остановился теперь в темном углу, опять напротив Виктора. И опять их разделял столик. Только теперь в руках тракториста был АКМ – точно такой же, с каким он когда-то давал присягу Родине, тогда еще советской, и бесчисленное количество раз ходил в наряд (через день – на ремень). С тех пор прошло больше тридцати лет, но и сейчас палец привычно сдвинул тугой предохранитель, сдвигая его сразу в положение стрельбы очередями. Он готов был выпустить в эту нечеловечески искалеченную рожу весь магазин, но таких кардинальных мер не понадобилось.

В шатре стало чуть темнее; не замечающий ничего, кроме противника, Иванов вдруг показался совсем маленьким и смешным, когда жесткая рука подполковника с обыденной легкостью вывернула клинок, едва не сломав пальцы, отчего он коротко вскрикнул. Мгновением позже он был на полу, скрывая свои же грязные следы на кошке, а Кудрявцев ловко скручивал неведомо откуда взявшимся ремнем руки, а затем и ноги Виктора. Последний, прижатый к полу жестким коленом командира, даже не пытался трепыхнуться, уткнувшись лицом в колючую кошму.

Связанного преступника Кудрявцев легко вышвырнул в открытый полог, а сам пошел вдоль стен, открывая маленькие окошки, завешенные, как оказалось, клапанами из того же материала, что и стены, свободно висевшими на них. В шатре стало светло, и Анатолий только теперь оценил блеск камней, густо усеявших ножны клинков, которых было не меньше двух

десятков. Каждый, по мнению Никитина, действительно стоил баснословных денег – там, в прошлой жизни.

– Действительно бриллианты? – спросил он, нисколько не сомневаясь, что подполковник и в этом вопросе прекрасно разбирается.

– И не только, – подтвердил Кудрявцев. Он повернул в руках поднятые с пола ножны, в которые уже вернулся клинок, и большой камень в основании его рукояти пустил в потолок нестерпимо яркий узкий луч, который никак не могла исторгнуть из себя простая стекляшка.

Сабля заняла свое место на стене, а командир взял в руки другой клинок – короткий, единственный из всех не отмеченный ни одним камнем. Уже на улице, под яркими солнечными лучами, Анатолий разглядел кожаные, явно очень старые ножны с едва различимыми письменами, вытесненными на них, и оценил хищную остроту клинка, чья волнистая сталь, казалось вбирала в себя падающие лучи.

– Настоящий дамаск, – подполковник кивнул собственным мыслям и протянул клинок Хашимулло, выполняя совсем недавно данное обещание.

Тот принял нож, немного поклонившись, попробовал прочесть письмена и вдруг резко побледнел, что для его весьма смуглого лица было очень непростой задачей. Он с благоговением приложил кожаные ножны с клинком к своему лбу и с куда более низким поклоном протянул их обратно подполковнику.

Сопровождал он этот жест речью на арабском языке, так что опять пришлось прибегнуть к тройному переводу. Анатолий вместе со всеми, собравшимися перед дверью в шатер товарищами (за исключением двух караульных, конечно), услышал:

– Не могу принять твой дар, русский командир. Этого клинка касалась рука самого пророка Мухаммада!

Вместо него ответил профессор – на русском языке, так что опять понадобилась помощь и Оксаны, и Бэйлы:

– Бери, друг. Этот нож не менее древний, но рука пророка его точно не касалась, – в голосе его было столько уверенности, что араб, поколебавшись, сунул все-таки клинок куда-то в свободно свисавшее с его плеч белое одеяние и, повернувшись, ушел к своему стаду.

Окончание фразы Романова, произнесенной почти шепотом, слышали, наверное, только Анатолий с Кудрявцевым:

– Потому что Мухаммед еще не родился, парень... А может и совсем не родится...

– Любоваться, наверное, на ножик пошел, – подумал Никитин про Хашимулло..

Сам бы он точно этим занялся сейчас. Вслух же он спросил:

– А с этим что делать будем?

Анатолий показал на Виктора, который, извернувшись, сел на песке со связанными за рукой руками. От его злобной гримасы не осталось и следа – перед шатром сидел парень с самым что ни на есть невинным выражением лица. Более того, он был полон оскорбленного достоинства, так что тракторист невольно восхитился. На вопрос командира: «Что не поделили?», – Анатолий, помявшись, ответил коротко: «Золото». Ну не говорить же Кудрявцеву про задницу, тем более что его, командира, фамилия, в конфликте тоже звучала.

– Понятно, – протянул подполковник, – чего же его делить, все уже давно поделено.

Всем вокруг как-то сразу стало понятно, кто и как будет делить обретенные сокровища, которые на взгляд Никитина, стоили ровно столько, сколь остра была сталь клинков. Хотя сверкали бриллианты конечно замечательно.

– А... – протянул что-то Иванов, пытаясь то ли возмутиться, то ли задать какой-то вопрос, но тут же замолк, очевидно поняв бесперспективность каких либо споров.

А может, заткнулся он от тычка командира, который как раз повернул Виктора, снимая с него ремни. Сам Анатолий с Виктором говорил бы только так. Ни в его кротость, ни в показное дружелюбие, с которым парень глядел на своего недавнего противника, Никитин не верил.

Пообещав себе не поворачиваться к Иванову спиной, он отвел взгляд, чтобы не видеть насквозь лживых глаз.

Подполковник подозвал к себе Холодова и отдал короткий приказ:

– Накормить, загрузить работой.

– Какой работой? – озадачился сержант.

– У тебя мало дел? Вон четыре трупа бесхозных лежат. Зачем он, – Кудрявцев перевел взгляд на безмолвно стоящего рядом Виктора, – сюда лопату нес? К моему возвращению чтобы здесь был порядок.

– А если?..

– Никаких если, – отрезал подполковник, – забыл первое армейское правило: «Не можешь – научим, не хочешь – заставим!»? Чему тебя в ковровской учебке учили?

– Так я там духом был, а нас деды...

– Считай себя самым что ни на есть дедом. И вот тебе дух. Ты ведь не служил? – казалось бы, совсем обычным тоном спросил подполковник у Иванова, но Анатолий, уже умевший отличать малейшие интонации в его голосе, насторожился: сейчас что-то будет.

– Нет, – мотнул головой Виктор.

– Ага, – вроде обрадовался командир, – за что в первый раз сидел?

– За грабеж, по малолетке, – машинально ответил Иванов, и тут же ощерился.

Теперь не только Никитин, но и все остальные видели волка под овечьей шкурой. Впрочем, на волка он никак не тянул – так, шакал, не больше. А Кудрявцев не останавливался:

– Когда откинулся в последний раз?

Иванов, явно не собиравшийся отвечать на этот вопрос, вдруг махнул рукой и каким-то совсем убитым тоном проговорил:

– Сегодня. К жене ехал – как на крыльях летел. Думал все – завяжу. На зонах до пенсии почти дожил. Только по домофону с ней и поговорил. На восьмой этаж без лифта, без остановки. А у двери чемодан. Я даже ломиться в квартиру не стал. Так с чемоданом в окно с лестничной площадки и шагнул. Потому что никому кроме нее не нужен был. А теперь и ей не нужен стал.

Он повернулся и пошел за лопатой, которую совсем недавно оставил у одиноко стоящей стены. Слышал ли он последнюю фразу, адресованную командиром Холодову: «Смотри за ним, сержант. Внимательно смотри. Особенно к оружию не допускай!»? Во всяком случае, не обернулся.

– Может, – показал Холодов на АК-74, который держал в руках, – эти возьмете, полегче все-таки.

– Нет, – решительно отказался Кудрявцев, – сколько там разницы – сто граммов? Зато знаешь, какой рикошет в лесу от пульки пять-сорок пять. Того и гляди назад в тебя прилетит. Нет, – он ласково погладил по прикладу своего автомата, – только АКМ!

Подполковник осмотрел свой небольшой отряд, готовый выступить в поход. Он сам, пять израильтянок, профессор и Никитин представляли собой грозную силу – совсем не так выглядел первый отряд, вышедший совсем недавно из русского лагеря.

Теперь с плеч свисали четыре автомата Калашникова – у самого подполковника, Никитина, Романова и Оксаны. У последней не было разгрузки с тяжеленными магазинами, но и тех, что были в жилетах у парней (всего двадцать четыре – больше семисот патронов, и это не считая тех, что уже торчали грозно из АКМ) хватило бы на серьезный бой. На профессоре жилет защитного цвета немного свисал на сторону, отчего тот морщился и дергал его, пытаясь восстановить баланс. Наконец командир шагнул к нему, одернул немного великоватый профессору камуфляж и быстро пробежался пальцами по застежкам, увязывая жилет правильно – то есть не туго и не слишком свободно, не пропуская ни одной липучки, так что их почти совсем

не стало видно. Прежде же они торчали во все стороны, отчего профессор был похож на языческое дерево с привязанными к нему лоскутками.

Очень грозно смотрелась и Бэйла, или Бэла – в интерпретации Анатолия, так и не выпустившая из рук винтовки. Она еще не знала о запасных магазинах в трех подсумках, дождавшихся своей очереди в рюкзаке Никитина. Парень решил молчать до последнего – то есть до той минуты, когда этот запас понадобится. На поясах у трех других девушек висели кобуры с ПМ; сколько запасных патронов захватил запасливый подполковник, Никитин не знал, но был уверен, что такой запас существует. Скорее всего он прятался в рюкзаке Кудрявцева; точно такой же свисал со спины Романова. Командир кроме автомата был вооружен еще и двумя пистолетами – кроме своего, родного, с которым он пришел сюда, на другом боку свисала длинная кобура, раньше украшавшая предводителя сирийских бандитов. Кудрявцев, заметив его взгляд, с неподдельной радостью улыбнулся:

– А это персональный подарок для меня, – он вытянул из кобуры пистолет с длинным дулом, длиннее того, которым командир совсем недавно несколько раз убил одного махайрода (это не Анатолий – это доцент сказал), – ПБС – пистолет Стечкина, бесшумный. Только патронов маловато – четыре магазина всего, да плюс мои четыре.

Он огорченно покачал головой и, взглянув на левую руку, на которой отвернул рукав камуфляжной куртки, хитро улыбнулся, спросив у профессора:

– Признавайся, Алексей Александрович, любопытство грызет?

Любопытство грызло не только профессора; Никитин тоже замечал, как часто повторял этот жест командир, пока они шли по тропе. Но ответил все-таки профессор:

– Грызет, Александр Николаевич, грызет. Понятно, что у вас там что-то вроде компаса, что вы берете какой-нибудь румб, или азимут – я в этом не разбираюсь. Но что это нам дает?

– Очень много это нам дает? – улыбнулся Кудрявцев, – это нам сейчас поможет точно выйти на кусочек Тель-Авива и... Какие еще там города должны быть? – повернулся он к Оксане, которая синхронно переводила на иврит.

– Иерусалим, Яффа, Эйлат, – перечислила Гольдберг.

Остальные израильтянки заметно оживились.

– Не понимаю, – сдался Романов, – я слышал где-то, что выпускник высшего военного училища вполне может заменить учителя по некоторым предметам, наверное, по географии тоже... Но пока все равно не понимаю!

– Не заменить, а вполне законно работать в школе – диплом позволяет. По крайней мере, мой диплом такое право давал. А что касается географии... Не оторвете ли мне листок из вашего блокнота, уважаемый профессор?

– Зачем отрывать, – ответил Романов, – пишите прямо здесь. Может, когда-нибудь мой ежедневник будет лежать в музее, в центральном зале, с разворотом на этой странице...

Командир поднял недоуменно правую бровь, но на это предположение никак не ответил, проводя прямо посреди страницы длинную вертикальную линию. Внизу эту линию украсила буква «Р», вверху «С»; слева посередине мелким аккуратным почерком было приписано: «7 км». Никитин догадался, что обозначают верхняя и нижняя буквы:

– Из России в Сирию, – командир поощрительно улыбнулся и написал еще две буквы, теперь уже совсем понятные, и Анатолий снова отличился, – юг и север.

– Совершенно верно, – кивнул командир, – мы шли точно на север и прошли ровно семь километров. Чуть поменьше, если уж следовать точно законам геометрии.

Он снова хитро посмотрел на профессора, и снова тот пожал плечами. Подполковник деланно огорчился и продолжил рисовать на листке, объясняя:

– Если мы пойдем сейчас на юго-восток, держась ровно на сорок пять градусов, а затем на юго-запад на те же сорок пять градусов..., – его рука, вооруженная авторучкой, завершила треугольник, вернувшись к букве «Р», – то придем опять туда, откуда вышли. При этом рассто-

яние Б и С (авторучка быстро пометила две пока пустые стороны треугольника) будут равны... Ну же, профессор.

Однако первым, к явной досаде ученого, опять ответил тракторист.

– Так это же теорема Пифагора!

– Точно! – хлопнул себя по лбу Романов. Он забормотал, считая, – семь в квадрате, поделить на два..., извлекаем квадратный корень... Пять! Снова пять! Так вы думаете...

– Совершенно верно, – подполковник ткнул ручкой в точку, к которой тут же пририсовал букву «И» – Израиль, – нам нужно сюда!

– Но тогда..., – профессор выхватил из рук командира ежедневник и начал лихорадочно черкать в нем, заполняя листок чем-то вроде рыбацкой сети с ячейей в те самые пять километров, – значит, в каждом узле должны быть такие же... развалины, – он обвел взглядом сирийский анклав, в котором уже закипела работа по переносу тяжестей.

– Вот мы с вами эту гипотезу и проверим, – с этими словами командир шагнул в лес.

Глава 8. Бэйла Тагер – снайпер от бога

Почти до девятнадцати лет Бэйла не знала, что есть такая штука – снайперская винтовка с оптическим прицелом. Как не знала о том, что самый настоящий экстаз можно ощутить от попадания маленькой стальной пулькой в цель. И чем труднее было в эту цель попасть, чем дольше нужно было пролежать недвижимо, в обнимку с верной винтовкой, тем сильнее были эти ощущения.

Наверное, именно они, эти ощущения, а не долгие уговоры командиров, заставили сделать девушку нелегкий выбор – после выполнения священного для каждого израильтянина (и израильтянки) долга по защите родины от окружающих ее со всех сторон врагов, она осталась в армии. Нелегким выбор был, потому что на руках у нее был отец-инвалид. Он не был старым по меркам Израиля, в последнее время помешанном на качественной медицине – всего-то пятьдесят два года – но инвалидная коляска сделала его раздражительным и капризным. Он хотел видеть возле себя дочь, а не наемную служанку-филиппинку, а она уже не могла себя представить без своей боевой группы, в которой она была самой молодой, самой маленькой и самой любимой. И уж точно – самой оберегаемой.

Со временем отец смирился, тем более что за два года, что Бэйла перешла на контрактную службу, не было ни одного выходного, чтобы она не приехала домой, в обычную двухкомнатную квартиру почти в центре Тель-Авива. И практически половину времени она гуляла с отцом по тенистым аллеям, будто специально проложенным в центре большого города для таких прогулок. Настроение отца менялось каждые пять минут; он то хвалил дочь, радовался ее успехам. Тут же начинал жаловаться на жизнь, на свою неподвижность, на чересчур жизнерадостную филиппинку. Да и на дочь тоже. Отец как раз в очередной раз сказал: «Никому я не нужен – ни тебе, ни...», как вдруг благодатная тень вокруг сменилась жарким летним зноем, а впереди вместо гледичии с длинными стручками темно-коричневого цвета оказался толстый, идеально ровный ствол, оканчивающийся высоко вверх какими-то хвойными ветками.

Она перевела взгляд от кроны вниз и тут же была сметена с ног ураганом – всесокрушающим, каким-то мохнатым и дурно пахнущим. Ураган оказался животным – лежащая на плитках, застилавших аллею, девушка не смогла сразу определить, кто это был – медведь или волк. Он был явно крупнее и того и другого животного. А по ярости превосходил наверное всех, кого только она могла себе представить.

Потому что тяжеленная коляска вместе с ней улетела к тому самому стволу легко, словно пушинка, а челюсти монстра раздвинулись широко и неотвратно – так что голова отца в нее поместилась целиком. Тагер, выпустив коляску, ринулась в лес на четвереньках – ей так приходилось передвигаться в боевых выходах и на тренировках. Но ни разу она не неслась с такой скоростью, уверенная, что никогда в жизни не забудет отвратительного звука, с которым сомкнулись челюсти чудовища и того жутко голодного взгляда, которым ее провожал зверь. Она не оглядывалась, не видела его, но чувствовала спиной, всем телом, жалея об одном – нет рядом верного друга, винтовки. Поднимаясь на ноги, она вдруг поклялась себе, что расцелует того, кто даст ей в руки оружие – пусть без прицела, пусть не снайперскую, лишь бы был в наличии ствол, который можно будет направить в этого монстра и курок, на который она будет давить, давить и давить...

Совсем скоро Бэйла догнала группу таких же молодых парней и девушек, от которых узнала, что чудовищный зверь был не один, что целая стая их напала, терзая все на своем пути, на людей, оказавшихся в этом странном лесу практически со всего Израиля. Один парень даже назвал ее по имени – знал ее по службе, но, как ни старалась девушка, вспомнить его не смогла. На парне действительно была полевая форма офицера израильской армии, смотревшаяся на нем весьма подозрительно, поскольку была ему велика размера на четыре. К тому же

он безропотно отдал бразды командования другому парню, Соломону. Парню гражданскому, но решительному и скорому на принятие решений.

Тагер пожалуй лучше других расслышала звуки далеких выстрелов; согласилась идти в их сторону без колебаний – только бы опять не встретить этих полуволков-полумедведей, по крайней мере не вооружившись каким либо огнестрелом.

Только теперь до нее стало доходить, что никогда она больше не увидит своего отца, не поговорит с ним, не прижмется как в детстве к широкой груди перед отъездом на службу. Да и вернется ли она на службу? Дебри, сменившие светлый лес из огромных хвойных деревьев, никак не могли произрастать в Израиле. Где? Вопрос будущего. А пока не свихнуться бы с ума – как вон та девчонка, совсем не похожая на семитку, бормотавшая сквозь слезы о погибшем внуке на безупречном иврите. На слова Соломона, что где-то впереди меж деревьев он видел какого-то мальчишку, Бэйла только пожала плечами и переглянулась с черноволосой кудрявой девушкой – та тоже явно не поверила в эти утешительные слова.

Однако тактически ход был абсолютно верным. Светловолосая «бабушка» рванула вперед с такой скоростью, что выдерживать ее темп смогли поначалу лишь сама Тагер, да та самая кучерявая девушка, Оксана Гольдберг. Может потому, что только они двое в этот субботний день (праздник, однако – шабат) обулись в скромные туфли на низком каблуке? Остальные девушки давно потеряли свою обувь на высоких каблуках. Но нет – парни тоже дышат как загнанные лошади – молодые, но не тренированные. А Оксана передвигает ногами легко и дышит... пожалуй, ровнее самой Бэйлы.

Наконец все догнали выдохнувшуюся светловолоску, пошли плотной группой. Изредка парни и девушки отставали – по одному, но быстро возвращались в неровный строй. Оставаться наедине с лесной чащей, с ее неведомыми опасностями не хотелось никому. Здесь даже физиология работала очень оперативно. Вот и Оксана чуть смущенно улыбнулась ей и отстала, скрывшись за густым кустом – в тот самый момент, когда Соломон первым выскочил на широкую тропу...

Потом были выстрелы, трупы, к которым она за свою военную карьеру так и не смогла привыкнуть. Смерть она видела исключительно в прицеле своей винтовки, а здесь ее пришлось брать за руки и ноги и волочь в яму, вырытую собственными руками. Впрочем, к рытью земли ей было не привыкать – иной раз так намашешься лопаткой, пока подготовишь позицию. На чужие плечи переложить такую работу было нельзя – от правильно выбранной и подготовленной лежки часто зависит жизнь, и не только твоя.

Вот другим девчатам было тяжело. Парней всех положили единственной, но очень длинной очередью; их тоже сволокли в общую могилу, где уже поместилось несколько десятков тел – мужских, женских и даже детских. По лицам и одежде погибших было видно – арабы, как и те, что цепко сторожили их сейчас с автоматами Калашникова.

– Сами своих положили, что ли? – изумлялась она, отмечая, как взгляд старшего из арабов – молодого бородатого парня в камуфляже песочного цвета – все чаще останавливается на ней.

Может потому, что Бэйла выделялась от остальных израильтянок менее измученным видом, а может... Об этом «может» совсем не хотелось думать, лишь только одна безумная надежда не давала совершить какую-либо глупость – ни среди трупов, ни среди живых пленниц не было Оксаны. Хотя где посреди дремучего леса сбежавшая израильтянка могла найти помощь?

А вот нашла же! Пленницы уже завершили свою работу, прервавшись лишь раз – чтобы поесть кебаб, вкуса которого Бэйла практически не ощутила. Она, да и остальные девушки, наверное, и в страшном сне не представляли себе такого перекуса, но под дулом автомата особо не поспоришь. Тагер достаточно прилично понимала арабский язык; она поняла, что совсем

скоро их опять заставят есть – теперь уже плов, и что потом придется таки делать ту самую глупость (вроде попытки захватить оружие), скорее всего последнюю в ее жизни.

Вот тут и появилась помощь – в лице высокого симпатичного парня, оказавшегося русским подполковником, сразу ставшим перед нелегким выбором – умереть одному или вместе с четырьмя пленницами, которые выстроились живой цепью между ним и бородатым главарем арабских бандитов.

Но как оказалось, звание подполковника в России дают совсем не зря – русский оставил засаду, которая и расстреляла двух бандитов во главе с бородачом двумя совсем короткими очередями. И сделала это Оксана. По крайней мере именно она вышла из-за раскидистого куста с автоматом в руках (за кустик зашла и из-за кустика вышла, а как много всего страшного произошло за это время!). От оружия подошедшей подруги (кого же еще?!) едва ощутимо несло таким знакомым, таким милым запахом сгоревшего пороха. А затем все завертелось, закружилось очень стремительно. Подполковник умел не только со стены прыгать и засады организовать. Русские, да и израильтянки, и выжившие арабы мирные (оказывается и такие есть!) летали, выполняя его приказы. Среди прочих был приказ наедаться и напиваться впрок. Тот самый плов оказался необыкновенно вкусным, а потом...

Потом парень с милым русским именем Толик вручил ей винтовку. Ну, если быть совсем честной, она сама выдернула из его рук снайперскую винтовку Драгунова, счастливо бормоча и дословно вспоминая теорию:

– Длина тысяча двести двадцать пять, ствол шестьсот двадцать миллиметров, скорострельность тридцать выстрелов в минуту, патрон семь шестьдесят два на пятьдесят четыре (на три миллиметра длиннее привычных ей), коробчатый магазин на десять патронов, прицельная дальность тысяча триста, максимальная эффективная – восемьсот метров...

Конечно, это был не ее ГАЛИЛ, изготовленный на заводе персонально для нее, но как приятно было ощутить в руках знакомую тяжесть оружия и представить, как в перекрестье оптического прицела замирает чудовищная морда зверя.

Главное – боезапас был вполне приличным. Те самые коробчатые магазины находились в рюкзаке у Анатолия, о чем сообщил ей подполковник по-английски, которого русоволосый парень, тракторист из далекой России не знал.

– Не обижай парня, пусть почувствует себя джентльменом, – шепнул ей командир, и девушка кивнула – какая разница, кто будет нести боезапас, если в нем почти полторы сотни зарядов? Ну, звери, держитесь!

А подполковник уже говорил с профессором – непонятно пока каких наук – о маршруте похода. Он вообще не держал никаких секретов от израильтянок; Оксана переводила его речь свободно. Порой он и сам переходил на английский. Пассажа с теоремой Пифагора она не совсем поняла. Нет – с математикой и геометрией у Бейлы все было в порядке, при ее-то профессии, но почему так обрадовался профессор цифре пять, для нее осталось непонятным. Так же, как и расположение членов группы, в которой снайпер – ударная сила команды, оказалась позади, прикрывая всех, за исключением Анатолия, который прикрывал ее саму. Впрочем, в этом диком лесу тактика могла быть совсем иной, чем в привычных Тагер пограничных высотах Ближнего Востока. Очень скоро оказалось, что командир совсем не зря возглавил отряд. Бейла временами страховала его, вскидывала оружие к плечу и всматривалась вперед, пытаясь раньше других заметить врага.

Она хорошо рассмотрела двойной ствол какого-то неизвестного ей дерева, перевела прицел дальше, и тут командир поднял вверх правую руку, останавливая всех. Команда замерла; только снайпер медленно водила стволом, стараясь определить опасность, из-за которой подполковник Кудрявцев медленно стянул с плеча какую-то допотопную (может даже деревянную!) кобуру невероятных размеров. Сделать это было не так-то просто, потому что на командире кроме этого пистолета свисал на другом боку еще один, более мелкий; сзади висел автомат

Калашникова, и еще какой-то рюкзак. Торс подполковника, и так внушительный, бугрился магазинами к АКМ в разгрузочном жилете. В общем, можно было подумать, что командир в детстве не наигрался в войну, но Тагер помнила о его словах о Черном Каце. Почему-то слова эти не показались ей пустой похвалой. Командир достаточно ловко освободил себя от ремня кобуры, вытянул из нее ствол, на котором непонятно как оказался глушитель, и так же четко присоединил кобуру к пистолету. Всего несколько мгновений, и в руках у него был карабин. Может кто-то назвал бы это немного неуклюжее творение оружейной мысли пародией на боевое оружие, но только не Бэйла.

Она видела, как привычно, с неторопливой грацией и уверенностью подполковник вскинул этот смертоносный агрегат к плечу, как с небольшим интервалом его палец плавно дернулся, нажимая на курок, и так же дважды пистолет едва слышно кашлянул. Результат был ошеломительным! Двойной ствол, который она только что равнодушно осмотрела, вдруг стремительно раздвоился. Тот, что был помассивнее, остался на месте, сотрясаемый ударами сильного тела; второй – тот, что поуже, но тоже в диаметре никак не меньше торса того же подполковника в разгрузке и рюкзаке, оказался гигантской змеей с непропорционально маленькой для такого чудовищного туловища головой. А может, голова эта казалось маленькой, потому что была вдребезги разбита пулями командира. Чудовище яростно дергалось из стороны в сторону, разбрызгивая кругом кровь и кусочки мозга, который явно не успел сообщить остальному телу, что оно уже умерло. Туловище змеи, терявшееся высоко в кронах деревьев, наверняка еще долго терзало дерево, но Кудрявцев не дал «насладиться» этим зрелищем. По большой дуге отряд обогнул место смерти монстра змеиного царства и только когда командир, взглянув на компас, уверенно повел их вперед, до Тайгер дошло, что этот змей охотился, и ближайшей добычей для него были именно люди.

– Да что же это за мир такой страшный?! – воскликнула она про себя, впервые отделяя местность вокруг от привычных Израйля, России, Сирии...

Эти переживания не мешали ей еще тщательнее осматривать чужую чащу по сторонам – за авангард она теперь не беспокоилась. Командир еще раз остановил отряд, чтобы подобрать туфельку на высоком каблуке, которую тут же признала своей Мария Закс. Она, чуть потупив глазки, сообщила, что долго несла эту единственную туфлю – одну из пары своих самых любимых – но выбросила – как раз, когда Соломон начал успокаивать светловолосую Дину Рубинчик. Подполковник неодобрительно покосился на несдержанную на язык девушку, но Рубинчик вела себя вполне спокойно; быть может, она и не слышала этих слов, мыслями находясь уже впереди, в маленьком израильском филиале ада.

В третий раз командир остановил группу, немного сменив курс и взобравшись на невысокий пригорок. Теперь он поманил к себе Бэйлу. Следом тенью, словно жест относился и к нему, зашагал русский тракторист.

Подполковник протянул руку вперед, и Тайгер едва не закричала, увидев в прицел развалины, откуда она, и ее соотечественники бежали утром. Она мало что запомнила тогда, оглянувшись сквозь деревья всего пару раз. Но одинокую скалу высотой метров пять в самом центре причудливого смещения стен, каких-то автомобилей, стеклянных витрин, кое-где еще целых, сразу же узнала. Совсем пустых участков практически не было. Разве только тот, на котором до сих пор аккуратным рядком выстроились одинаковые велосипеды – когда-то это была платная велосипедная прокатная стоянка, и она сама не раз пользовалась такой услугой.

Другим относительно свободным участком был тот самый, на котором она сегодняшним утром катила коляску с отцом. Коляска была там, где ее бросила девушка – у самого основания гигантского ствола, а вот тела отца... Она повела перекрестье прицела по развалинам, не таким большим, как ожидала, всего-то квадрат со стороной метров двадцать-двадцать пять. А в центре возвышалась та самая скала, теперь что-то смутно напавшая на девушку.

Впрочем, это потом! Она довела прицел по кругу опять к «своей» полянке, к коляске и убедилась, что ни одного человеческого тела не видно. А монстры были. И самый крупный – вожак, наверное – разлегся как раз за ее поляне, на плитах, еще совсем недавно украшавших Ибн-Габрилов – одну из центральных улиц Тель-Авива. Он был настолько велик, что вытянутые вперед медвежьи лапы едва не касались стены на соседнем участке, а хвост, сейчас мирно постукивавший по плитке, не дотягивал до другого – противоположного – не больше полуметра. Такого не могло быть; таких зверей не могло существовать на Земле! – но вот он лежал, лениво облизываясь и поглядывая на свою стаю.

В стае, как оказалось, было вместе с ним восемь особей, но не могли же они сожрать подчистую столько человек? Или могли? И сколько?

– Человек пятнадцать должно было оставаться как минимум. Скорее больше, – ответил на ее невысказанный вопрос подполковник.

– А зверей всего восемь, – глухо ответила на его сообщение Тагер, – я их всех могу сделать прямо отсюда.

– Ну, так сделай, – то ли приказал, то ли разрешил подполковник, и Бэйла медленно кивнула, хищно улыбнувшись. По крайней мере ей самой показалось, что хищно.

Она огляделась. Конечно, из положения лежа стрелять намного удобнее и точнее, но обзор! Больше половины медведесобак она просто не увидит за развалинами. Удобной развилки, или обычной ветки дерева на этом холмике не было – какие-то корявые деревца даже без тяжести оружия заметно дрожали под слабыми порывами ветра. И Тагер решила показать класс стрельбы в стойке.

Она уперлась подошвами в грунт, попинав его немного, чтобы прочнее утвердиться на этой такой негостеприимной земле и навела перекрестье прицела прямо между глаз вожака, которых находился от нее не дальше двухсот метров. Тот, казалось, глянул прямо в глаза девушке и (почудилось ей) чуть ощерил клыки. Палец очень мягко, не дергая, нажал на курок и нос монстра взорвался кровавыми брызгами. Скорее всего и этих граммов смертоносного металла хватило бы чудовищу, но Бэйла не хотела оставлять ему даже малейшего шанса. К тому же командир обещал ей патроны на пристрелку. Вот так «русский командир» стал просто «командиром» – в том числе и для нее.

Винтовка чуть дернулась вверх, и прозвучал второй выстрел – так быстро, что смертельно раненый зверь не успел даже дернуться. Пуля попала теперь точно туда, куда она и целилась – прямо по центру лба.

Дальше дело пошло не менее стремительно. Еще два монстра упокоились с первого выстрела; потом остальные чудовища забеспокоились – скорее не от звуков частых резких выстрелов, а от запаха свежей крови, который опять заполнял лагерь. Их движения стали быстрее – вот один из зверей подскочил к мертвому вожаку и боднул его в косматый бок уродливой мордой, и тут же упал рядом, пораженный пулей в ухо. С другими Бэйле повезло не так сильно в части экономии боеприпасов: по два патрона ушло на пятого и шестого монстров (в том числе по контрольному на каждого); десятый патрон ранил очередную жертву в шею и та завертелась на месте.

Тагер резко выдернула магазин и, не глядя, занесла ладонь в сторону: «Дай!». Анатолий, даром что не знал иврита, ловко выхватил пустой магазин из ладошки, и тут же вложил в нее полный, явно приготовленный заранее. Она даже кивком не поблагодарила расторопного помощника – все потом! – последнее животное готово было трусливо покинуть поле боя, точнее, поле бойни, подобной той, что сегодня утром устроили сами звери. Никакого сожаления – лишь чувство холодной, не до конца утоленной мести – не испытывала она, посылая очередной патрон вдоль движения восьмой из живых мишеней. Пуля очевидно поразила позвоночник, потому что медведесобака, едва не кувыркнувшись через голову – так резво она пыталась скрыться в лесу – замерла на миг, и дальше поползла, перебирая уже только передними

лапами. Ее мучения были недолгими – очередной патрон вдребезги разнес затылок мохнатого чудовища. Предпоследняя, седьмая жертва еще слабо шевелила лапами и Тагер не удержалась, успокоила ее точным выстрелом в череп.

Внутри ее словно разжалась тугая пружина и Бэйла, медленно опустила винтовку вниз, хрипло выдохнув: «Все!»

– Класс! – практически синхронно воскликнул по-русски Никитин; этого переводить не понадобилось.

Командир ласково похлопал, почти погладил снайпера по плечу и повел группу вниз – к лагерю. Отряд подходил к развалинам медленно, ошетилившись, словно еж, оружием; даже Сара с Марией достали – впервые за все время – свои пистолеты. Держали они их вполне профессионально; командир только одобрительно кивал, глядя, как девушки резко поворачивались на любой (чаще всего придуманный испуганным разумом) шорох, очень похоже изображая при этом стойку американских полицейских. Так, плотной группой, они обошли лагерь по периметру. Звери не шевелились. Вряд ли их огромные размеры и сила научили их притворяться; от такой стаи тот же махайрод скорее всего позорно бежал бы.

Наконец отряд ступил вглубь развалин – туда, где высилась идеально высеченная глыба серого камня. Впрочем, монолитным камень был не везде; сторона, противоположная «их» с отцом площадке, было сложена из огромных тесаных блоков все того же светло-серого оттенка.

Бэйла не успела выкрикнуть первой – Оксана вдруг шагнула вперед и широко развела руки, словно пытаясь обнять огромный камень. Она прокричала, прорыдала, что-то скорее всего по-русски, а затем повторила на родном для девушек языке, повернув ко всем лицо с мокрыми от слез щеками:

– Это же Стена Плача!

И действительно, это была древняя иерусалимская реликвия, вернее ее фрагмент, неведомо как попавшая сюда вместе с сынами и дочерьми Израилевыми. Под руку Бэйле, тоже попытавшейся обнять древний памятник (как и остальные девушки), попалось что-то инородное, не каменное. Она машинально вытянула из щели между блоками какую-то бумажку, развернула ее и вполголоса прочитала на иврите:

– Господи, дай здоровье моей доченьке!

Тагер торопливо свернула послание и вернула его на место с мыслью: «Пусть исполнится просьба матери, кем бы она не была и где бы она не находилась».

В следующее мгновение Бэйла, а вместе с ней и все остальные резко повернулись на скрип металлической двери. Дверь эта скрывала нутро огромного, судя по угрожающей эмблеме, имеющего отношение к электричеству, шкафа. Из него выступили и замерли перед таким же неподвижным отрядом парень в спецовке и светловолосый мальчишка. К пацану и рванулась первой Дина Рубинчик с криком: «Михаэль, мальчик мой!». Она обняла его всем телом так тесно, что для ее же поцелуев осталась свободной только вихрастая русая макушка.

За этой парой стоял парень, улыбаясь сначала смущенно, а затем со все нарастающим удивлением на лице. Эта улыбка стала восторженной, какой-то радостно-мальчишеской, когда за спиной Тагер командир на русском языке, который она, кажется, начала немного понимать, воскликнул:

– Старший сержант Левин! Что ты, черт тебя побери, тут делаешь?!

Глава 9. Валерий Ильин. Все сначала

Валерий Николаевич Ильин, строитель, бизнесмен, с невероятным трудом построивший свое дело в Москве, оглядел свою новую команду. Николай Рубцов, номинальный комендант лагеря, быстро слинял с площадки, где все провожали отряд командира. Слинял, прихватив двух ребят покрепче с лопатами, которые Валерий неосмотрительно оставил прислоненными к гаражу – ближайшему к лесу строению. Сейчас эта троица жестикулировала руками метрах в пятидесяти, очевидно распределяя очередность рабочих смен – лопат было всего две, а работников, включая коменданта, трое. И Ильин не был уверен, что Рубцову не придется помахать шанцевым инструментом, подавая пример подчиненным – командир поставил перед ним жесткую задачу – к возвращению Кудрявцева с командой три могилы должны быть готовы к траурной церемонии. Иначе место коменданта станет свободным. Впрочем, Валерий был уверен – Николай все равно очень скоро слетит с теплого местечка; руководить людьми здесь, сидя в мягком кресле, не получится. А Рубцов, скорее всего, иначе работать не мог. Или мог, но разучился. Но это были уже проблемы самого коменданта, ну и подполковника тоже.

Последнего Ильин не винил за то, что с отрядом ушли самые крепкие и умелые на вид мужики; понимал, что дело им предстояло трудное и опасное. Но как ему самому выполнять свое, с такой рабочей командой?

Итак, перед Валерием стояло шестнадцать человек; он семнадцатый. Вычитаем трех детей (считая его внука). Одну девушку придется оставить при них – слишком малы для самостоятельных игр.

– Ларису – жену – с ними не оставишь, – подумал он, – сразу пойдут разговоры за спиной. Она у меня женщина понимающая, так что самый легкий участок не для нее.

Он посмотрел на Ирину, свою бывшую, такую же молодую и бесшабашную, как в то время, когда он только он начинал крутить с нею любовь. Она стояла, откровенно улыбаясь ему, и Ильин едва сдержал ответную улыбку. Лариса была женщиной не только понимающей, но и безумно ревнивой, а начинать свою карьеру начальника с пощечины по своему лицу никак не хотелось.

– А пусть поработают в паре, – почти злорадно решил он, и кивнул женам – бывшей и нынешней, – Лариса Ивановна, Ирина Павловна, вы вдвоем, ну и...

Из-за спины услужливо протянулась рука с листком бумаги, исписанным мелким аккуратным почерком и Валерий взял его, благодарно кивнув Котовой, заместителю командира по кадрам. Как отреагировала на его кивок Мария Сергеевна, он не видел, поскольку женщина скромно осталась стоять позади.

– Так..., – протянул он, вчитываясь в список, из которого уже были исключены (помечены галочками) весь отряд командира, троица невольных могильщиков, так и не приступившая пока к рытью и Виталька Дубов, одиноко маявший на своем посту с автоматом в руках.

– Так, – повторил он, – Гурьянова Нина Ивановна и Орлова Раиса Петровна...

Две девушки синхронно кивнули. Стояли они в разных краях неровного строя, окружившего его полукругом, но, как оказалось, были родом из одного города, из Коврова; даже закончили одно медицинское училище, только Нина в восьмидесятом году, а Раиса уже в новом веке, в две тысячи третьем. Об этом он и сообщил слегка обалдевшим девушкам, тут же проводив их вместе с супругами к внушительной куче профильных труб:

– Вот это, девчата, надо убрать, сложить аккуратно к бане, – показал он на трубы, при этом невольно ткнув пальцем в ногу мертвого мотоциклиста.

– Щас, – подперла кулаками бока Ирина, – что у нас, мужиков не хватает?

Она оглянулась, бросая взгляд на переминающуюся в сторонке с ноги на ногу мужскую «гвардию» команды. Поп, Серега Благолепов, так и щеголял в расе, от которой слегка повани-

вало, почему тот скорее всего и стоял в сторонке. Второй, тоже Серега – Ежиков, «писатель» – стоял рядом за компанию. Щуплый и не обретший с молодостью правильной осанки, он явно побаивался толпы девушек, и потому прятался за поповской спиной.

– Да.., – протянули хором супруги (женщины), и повернулись опять к мужу – бывшему и настоящему, – ты хоть нам рукавицы какие выдай.

– Это я сейчас, мигом! – обрадовался бизнесмен-строитель.

Он закричал часовому, справедливо полагая, что в грузовом автомобиле никак нельзя было обойтись без спецодежды

– Виталик!

Часовой тут же обернулся. Был он, как успел убедиться Ильин, парнем весьма общительным, несение службы молча не было его коньком, и сейчас он был явно не прочь почесать языком, не забывая, впрочем, оглядывать окрестности. Однако разговор получился весьма коротким. Виталий на вопрос о рукавицах кивнул на свою машину, вернее на переднюю ее часть с кабиной:

– Там на пассажирском сидении две упаковки перчаток, двадцать пар...

Он, скорее всего, хотел продолжить, может объяснить, зачем ему так много рабочих перчаток, но Валерий торопливо кивнул, и тут же спрятался от него за кабиной.

Машина с какой-то погрузочной установкой, возвышающейся над этой самой оранжевой кабиной, стояла, прислонившись левым боком к железобетонной стене пока еще не обследованного строения так, что пробраться внутрь можно было только со стороны дверцы водителя. Что Ильин и сделал, снова увидев Валерия, теперь уже сквозь широкое лобовое стекло КАМАЗа. Но на Дубова ему смотреть было не интересно; он с большим удовольствием оглядел богатства, хранящиеся в этом помещении.

На полу перед пассажирскими креслами, на резиновом коврик, лежали, как и говорил раньше водитель, два топора и бензопила «Хускварна». Рядом, в комплекте к ней, десятилитровая канистра с жидкостью красного цвета (Валерий, часто сам бравшийся на стройке и за топор, и за пилу, не мог не узнать характерного цвета бензина, заправленного специальным маслом для импортных бензопил). В сумке защитного цвета были, без сомнения, запасные цепи, напильники, масло – тоже специальное, уже для добавления в саму пилу, и что-то еще нужное, чтобы «Хускварна» исправно выполняла свою работу. Упомянутые выше перчатки лежали, стянутые резинками в две пачки, одну из которых он тут же взял. Взял он с собой и десятиметровую рулетку, и тяжелые ножницы для резки проволоки, лежащие тут же, на сидении. Прихватил и один из топоров.

Четыре пары перчаток тут же обрели владельцев; пятая была почти торжественно вручена Кате Никулиной – девушке весьма преклонного возраста (по паспорту ей было уже восемьдесят лет!) – согласившейся выполнять пока роль кочегара в бане. Что такое вытяжка и поддувало она знала, так что за баню можно было быть спокойным. На вопрос попа, так ли сейчас необходимо топить баньку, начальник ответил, что совсем скоро должен вернуться командир с отрядом, и кому-то может быть необходимо будет смыть пот или... кровь.

– Да и тебе, Сергей Алексеевич, не мешало бы подмыться (он так и сказал).

– А я с радостью, – тут же помчался поп следом за восьмидесятилетней девушкой. Впрочем, оттуда он выскочил почти сразу же, уже с двумя обливными ведрами.

– Во чешет! – засмеялась Зина Егорова вслед спешащему вприпрыжку за водой Благолепову.

– Так вы же его и научили, Зинаида Сергеевна, – за компанию улыбнулся всеобщей кормилице Ильин.

– Можно просто Зина, – вернула ему улыбку Егорова.

– Хорошо, Зина, – Валерий машинально оглянулся на своих двух женщин. Они как раз укладывали первую трубу к бревенчатой стене, – выбирай двух помощниц и беритесь за мясо,

пока оно свежее. Там две фляги из трех из-под подсолнечного масла почти пустые. Я сейчас сооружу какой-нибудь очаг, надо их отмыть... Конечно, маслом старым все равно пахнуть будет...

– После «Фэйри»? – фыркнула Егорова, – у меня на кухне полная литровая бутылка есть. Никакого запаха, поросятину эту будете есть – только за ушами трещать будет. Да и очажок сама сварганю – невелика хитрость.

Ильин поднял руки, соглашаясь.

– А в помощницы мне, – она тоже заглянула в листок.

– Только не Широкову, – поспешил Валерий, – пусть она с детьми посидит, да хотя бы и рядом с вами. Ну и Мария Сергеевна мне пока нужна.

Люба Широкова, прижимавшая к себе двоих детей, благодарно кивнула и подтянула к себе третьего – Юру Ильина, Валериного внука.

– Тогда опять Надя Исакова и... пожалуй, Оля Ульянова.

– Так она же раненая, – Ильин кивнул на перетянутую какой-то материей грудь девушки.

– Ничего, – улыбнулась та, явно опасаясь вздохнуть поглубже, – шумовкой мешать в котле смогу.

– А я ей помогу, – тут же вызвалась Широкова, – и дети у двоих без присмотра не останутся.

– Ну, смотрите, – кивнул Валерий и повернулся к совсем уже поредевшей команде – перед ним остались Ежиков, Мария Сергеевна и еще две девушки – Света Кузьмина, бывшая учительница начальных классов и Ира Жадова, пианистка из Ярославля.

– Ну что ж, пойдёмте, – вздохнул он и повел свое воинство к кухне Егоровой.

Вплотную к ней, к меньшей половине, приткнулась другая половина, задняя – от троллейбуса. Широкие колеса имелись в наличии, но эта половинка не завалилась вперед, плотно упершись идеальным срезом в районе средних дверей в бетонную стену.

– Это у нас готовый склад для непортящихся продуктов и кухонной утвари, – объявил он, обведя рукой гибрид железа, стекла и бетона. – Сейчас мы с Серегой укрепим это сооружение, а вы, девчата, начинайте таскать сюда все из магазина и прилавков базарных... Особенно потщательнее специи там подберите, – крикнул Валерий уже вслед девушкам.

Когда три носильщицы вернулись с грузом во второй раз, определив первую партию в бетонной половине склада, половинка от троллейбуса уже монументально утвердилась на клочке асфальта. Подпоркой для нее послужили обломки все того же железобетона. Иные куски были настолько массивными, что Ежиков изумленно уставился на них, словно видел впервые, словно не он только что ворочал их вместе с Валерием.

Он вдруг вздрогнул и подскочил на месте, да и все другие в лагере заполошенно дернулись в сторону бани от отчаянного мужского крика:

– А.а.а., – кричал взхлеб Благолепов, – сожгла, совсем сожгла!

Он стоял на высоком крыльце, воздев к небу руки и совсем не замечая, как вокруг собираются парни и девушки. Не замечал поп какое-то время и того, что стоял перед всеми совершенно обнаженным. А может, он ждал, что кто-нибудь из девушек воскликнет «Ого!». Дождался. Самой бойкой оказалась все та же Егорова, сквозь оглушительный хохот докричавшая до его сознания: «И это все?!».

Этот голос Благолепов наверное различал уже на подсознательном уровне. Он встретился взглядом с девушкой, опустил глаза еще ниже и стремительно покраснел; через мгновение он скрылся за дверью, едва не снеся по пути выходившую навстречу Никулину.

– А я что? – пожала она плечами с улыбкой скорее озорной, чем виноватой, – сам бросил одежду на поленницу, а уж от нее смердело – вот я и решила...

– То-то я гляжу, дым какой-то черный повалил, – добавила хохоту среди окружающих Егорова, – как будто козлиной шерсти в печку добавили. На уж, отнеси – она вытянула из рас-

крытого чемодана, лежавшего на том месте, где его оставил Иванов, очередную пару треников; эти были уже совсем разношены, но ничем другим Зинаида помочь не могла.

Толпа рассеялась сама – по два, по три человека, живо обсуждая происшедшее. Ильин особо не вслушивался, однако отметил, как его бывшая супруга, склонившись к более низкой жене настоящей, проговорила, обернувшись к нему с лукавой усмешкой:

– А что, ничего мужичок-то, после двадцати-то лет холостой жизни...

Они присели на обломок бетонной плиты, склонив головы и продолжая шушукаться о чем-то своем, о женском. Трубы начала таскать, так же аккуратно складывая их, следующая пара.

Валера сокрушенно покачал головой и опять повернулся к бане – на крыльце появился Благолепов, уже одетый. Его можно было бы назвать неудачной копией Ивана Грозного – того, которого так великолепно сыграл Юрий Яковлев. Ни статью, ни комически грозным выражением лица великого актера Сергей не отличался; только торчащая вперед тощая козлиная борода, да спортивный костюм со вздувшимися на коленях пузырями могли привести мысли Ильина на такие параллели.

На ногах попа красовались свои туфли черного цвета – остроносые, безумно дорогие, уж Валерий-то за годы жизни в Москве научился разбираться в качественной одежде и обуви. Глядя почему-то злорадно на эти туфли, он и вручил Благолепову лопату. Вторую уже держал в руках Ежиков, который опять стоял у троллейбуса, с гордостью оглядывая дело своих рук.

Он тут же получил другого напарника и новое задание. Ильин подвел обоих к окну кухни Зинаиды Сергеевны, которая совсем недавно украшала собой третий этаж многоквартирного дома в Свердловске.

– Вот тут, – он ткнул пальцем в землю прямо под окном, – тоже должно быть окно. Учитывая, что потолки здесь были невысокие, а Зина сидела, когда... в общем, понятно когда. Так вот – окно вполне может быть целым. Разобьете – останетесь без ужина.

– Еще один командир отыскался, – негромко пробурчал поп, и тут же втянул голову в плечи, потому что прямо за его спиной прозвучал голос хозяйки кухни:

– А что это вы тут собрались делать, ребятки?

– Это мы, Зина, тебе погреб сейчас копать будем.

– А, это как там, – она махнула в сторону туалета, у мужской половины которого как раз образовалась очередь из двух человек.

Третий копатель вероятно заседал внутри. Валерий так и не увидел, как эти трое копали там, среди берез, но вмешиваться не хотел – не имел ни желания, ни полномочий. Вместо этого он кивнул Егоровой и попросил ее, показывая на девушек, возвращающихся с очередной порцией груза:

– Вы бы помогли им рассортировать, куда что нужно.

Девушки ненадолго скрылись за полуоткрытой дверью троллейбуса, и вернулись, направляясь уже не к магазину, а к Ильину.

– Все, – смахнула со лба каплю пота Котова, – и магазин, и рынок почистили. Даже весы и мыло столетнее принесли.

– А вот это правильно, молодцы, – похвалил Валерий, пять минут отдыха; потом Света с Ирой в помощь Зинаиде, а Мария Сергеевна со мной. И возьмите, пожалуйста, бумаги листов десять, карандашей и линейку, если есть, конечно.

– Есть, – кивнула Котова.

Ровно через пять минут она встала с подножки троллейбуса и еще раз кивнула начальнику, который, наплевав на субординацию, сам начал подкапываться под кухню, разметив и углубив на полтора штыка фронт работ. Лопата в грунт шла на удивление легко – и заточена была на совесть, и почва была супесчаной, откидывалась в сторону как-то очень быстро.

Он вернул лопату Ежикову, пробормотал: «Вот как-то так», – и пошел с Марией Сергеевной – Машей – по периметру лагеря. К этому – осмотру уже не бесхозного, уже его (общего конечно, но отвечает-то он!) имущества он жаждал приступить, как только подполковник с отрядом скрылся в лесу. Его хозяйственная натура видела захватывающие приключения именно в этом – в неожиданных находках, полезных мелочах, а может быть и совсем не мелочах; как на полках рядом с гаражом.

Котова уже успела разбить первый лист на двадцать пять равных квадратов, пронумеровать их по горизонтали, слева направо, и сейчас аккуратно выводила в квадратике под номером шесть: «Часть тепловоза с погибшей женщиной».

Женщины уже тут не было – общими усилиями парни приподняли, точнее перекатали громоздкую железяку, и унесли тело туда, где уже находилась жертва махайрода.

– Ага, – начал инвентаризацию Ильин, не глядя, но понимая, что Маша быстро и безошибочно записывает за ним, – рельсы по пять метров длиной – две штуки, шпалы железобетонные, длиной два восемьдесят (он совсем не случайно прихватил из КАМАЗа рулетку) четырнадцать штук; электровоз...

Он попытался шагнуть на что-то торчащее, окрашенное в черный цвет, но останки электровоза угрожающе качнулись и он отступил:

– Требуется дополнительного обследования; хотя... вот обшивку обязательно пригодится – вон она какая толстая; гнутая, правда..., а может это и к лучшему.

Следующий по ходу часовой стрелки квадратик был угловым, под номером первым, и обитали прежде в нем подполковник Кудрявцев и веселая старушка Никулина.

– Тут все понятно, – остановился ненадолго Ильин, – записывайте: «Кровать полутораспальная, с комплектом белья, заправленная».

Он перешел на половину командира и продолжил:

– Шкаф ДСП шпонированный под африканский орех... Ага – внутри сейфовый шкаф, без ключей, не открывается...

– И не надо, – тихо остановила его девушка, – у этого шкафа есть хозяин.

– Точно, – хлопнул себя по лбу Ильин и виновато улыбнулся.

Он тут же перешел к соседнему квадрату, который у Маши числился под номером два:

– Так, кровать, – он запнулся, не зная как обозвать этот мягкий стадион общей площадью не менее десяти квадратных метров.

Впрочем, огромный матрас фирмы «Аскона», как и каркас под ним, были составными, так что против них, как и против кровати Никулиной, очень скоро появилась строка: «Унести в баню, второй этаж».

На удивление, и столик, и праздничный натюрморт на нем были на месте.

– Ира, – совсем негромко закричал он, потому что расстояния в лагере были совсем не великими, – Ирина!

Ирина появилась вместе со Светой и на удивленный вопрос начальника ответила:

– Выгнала нас Зина, сказала, что сама справится.

– Ну и ладно, – согласился Ильин, – показал на торт.

– Да мы вроде бы не голодные, – начала Светлана, и приснула, глядя, как у Валерия начинает вытягиваться лицо, – это шутка такая.

– Шутница, блин, – парень выдохнул их груди набранный для ругательной тирады воздух, – все это тоже Зинаиде, а потом прошвырнуться по всему лагерю, может, еще где продукты лежат. Только осторожнее – не провалитесь мне там.

Девчонки – по другому язык не поворачивался их назвать – весело засмеялись и убежали, а Валерий с Котовой перешли к следующему квадрату. Впрочем, Ильин ненадолго вернулся и на стыке двух предыдущих квадратов воткнул какую-то железяку, велев Маше пометить это на плане как вход в очередной подвал.

– Закончат копать там, – махнул он в сторону кухни, – перейдут сюда. До вечера далеко – копать им, не перекопать.

– Ну-ну, – с сомнением протянула Котова, поглядев почему-то совсем в другую сторону – на копателей под березами.

Те уже шевелились. Лезвия лопат посверкивали на солнце, правда, совсем не шустро.

– Итак, квадрат номер три, – вернулся Ильин на прежнее место, – тоже часть квартиры..., двух квартир. Блин, здесь же тоже ванная!

Эта комната, целая, с потолком, дверью и всем содержимым малогабаритной ванной, была пропущено по одной простой причине – в отличие от той, что украшали пикантное таблички «народного» художника, у этой не было смежной ванной; находившаяся посреди пяти-метрового квадрата, она была окружена частями других комнат. К лесу располагалась часть спальни; располагалась совсем неудачно – так, что от двухспальной кровати осталось только изголовье не больше сантиметров семидесяти шириной.

– Хорошо, что кто-то в это время не спал на кровати, – подумал Ильин; Котову, судя по помрачневшему лицу, посетила та же мысль, – впрочем... Это не твоя ли квартира?

Он очень легко перешел на «ты».

– Нет, – махнула куда-то в сторону Мария, – я там, вместе с пожарной машиной прибыла. Ильин быстро пробежался по комнатам.

– Барахло, – коротко охарактеризовал он, – но барахло нужное. Как только откопаем второй подвал, сразу все туда.

– А зачем, – искренне удивилась Мария, – пусть тут лежит, в шкафах.

– А дождь? – возразил бизнесмен строитель, – лучше все снести в одно-два места и хорошую гидроизоляцию устроить.

– А чем? – задала резонный вопрос Мария.

Она, как любая русская женщина, в вопросах ремонта разбиралась не хуже профессионалов.

– Командир прикажет – найдем, – убежденно ответил Ильин, и на это Котова не нашла что ответить.

Следующий квадрат под номером четыре не был руиной квартиры. Это было для них несомненным богатством. Четыре трубы диаметром сантиметров сорок, в теплоизоляции, причудливо изгибались под прямыми углами; когда-то это явно было частью системы водо- или теплоснабжения – в том месте, где устраивался проезд для машин. Машина и стояла, придавленная этой четверкой труб. Точнее часть машины, задняя, как у троллейбуса. Это была мусорная машина с целым кузовом оранжевого цвета, на котором черными буквами было аккуратно написано «УНР-17».

– Да, не досчитается это УНР одной машины сегодня; да и двух мусорных баков тоже.

Мария добросовестно вписывала все это в листок, уже не первый по счету, а Валерий прикидывал, к чему можно будет приспособить все это хозяйство, хотя бы эти мусорные баки – новенькие, целые. С мусором конечно – иначе зачем бы сюда приехала мусорная машина – так ведь можно и отмыть.

Он сам не понял, чем вдруг привлек его левый бак. Вроде бы никто не скребся внутри, но он решительно откинул крышку, потом не побрезговал схватить в руки грязную картонную коробку.

Из-под нее на парня уставились две пары синих детских глаз – настолько огромных и испуганных, что у него самого едва не брызнули слезы. Но заплакала все-таки девочки – две крошки-близняшки лет семи-восьми. Заплакали, когда он вытащил их обеих вместе и поставил перед собой. Он рухнул перед ними на колени, и слеза все-таки выкатилась из его глаза, когда одна из них спросила:

– Дядя, вы не отдадите нас обратно в детдом?

Рядом беззвучно рыдала Мария, затем неведомо как появились остальные, и рыдания грозили скоро перерасти в общую истерику, пока в круг решительно не вошла Зинаида, и не выхватила детей их объятий Валерия.

– Хватит сопли-то разводить перед детьми, – сердито выговорила она начальнику, – детей отмыть надо да покормить, а они рыдают. Как вас зовут-то? – уже совсем другим тоном спросила она у малышей.

– Маша и Даша, – хором ответили дети.

Их совсем скоро унесли; гомонящая толпа, состоящая практически из одних девушек, тоже рассосалась по рабочим местам (так подумал Ильин, не готовый сейчас идти с проверкой исполнения работ), а пара исследователей руин еще минут пять посидела на нижнем отростке трубы, приходя в себя.

– Ну вот, совсем не зря ходили, – проговорила Мария, и они оба вскочили – что там или кто ждал их, может быть, в развалинах?

Следующие три квадрата – пятый, десятый и пятнадцатый были совсем неинтересны. Пятый, женский и мужской туалеты в углу лагеря, Ильин облазил вдоль и поперек, когда они были еще ванными комнатами; в десятом сиротливо стоял холодильник-витрина, да валялись доски от соседнего стеллажа, на которые он тут же указал пальцем: пригодятся устраивать полки в подвалах.

Соседний, пятнадцатый, был так же обчищен – по его заданию. Это был бывший сельмаг – толстое кирпичное здание, имевшее сейчас два недостатка – отсутствие одной стены с дверью, которая как раз должна была отпираться в сторону центрального квадрата с баней, и крыши над головой. Потолок – не очень высокий – присутствовал, но после первого же дождя он несомненно рухнул бы вниз вместе с водой – глина, из которой он в основном и состоял в целях теплоизоляции, влагу конечно бы впитала со страшной скоростью и такую тяжесть доска-дюймовка ни за что не выдержала бы. Подвала под магазином не было – это Ильин выяснил еще раньше, у своей бывшей, поэтому, еще раз оглядев уже пустые старинные холодильные витрины, он сокрушенно показал головой и перешел к другому квадрату, который у Марии числился под номером двадцать.

Это была больница, часть процедурной палаты, в которой Валерий присмотрел под общественные нужды два топчана, обтянутые искусственной кожей и покрытые чистыми простынями и... все. Медицинское оборудование, представленное штативом с капельницей, до сих пор заполненной каким-то прозрачным раствором и большую дамскую сумочку коричневого цвета он решил не трогать до возвращения хозяйки – Люды Николаевой – ушедшей в рейд с командиром.

В следующем, угловом квадрате под номером двадцать пять, их опять ждал сюрприз. Одним из самых ценных Ильин считал обретение помещений с крышей (или потолком, и четырьмя целыми стенами). Вот такое и пряталось здесь, окруженное обрезками стен со всех сторон. Размером четыре на четыре, комната располагалась практически по центру квадрата, оштетинившись на все стороны света своеобразными навесами шириной в те же четыре метра и глубиной в полметра. Все они были покрыты сверху плитами; на удивление не одна не рухнула. Так что к комнате прилагались еще четыре навеса. Сама же она тоже оказалась кухней; не такой скромной как у Зинаиды – с современным стильным кухонным гарнитуром, мойкой и газовой плитой под мрамор. Количество же электрических приборов в помощь хозяйке просто зашкаливало. За спиной завистливо вздохнула Котова. Увы, пока все это богатство пользы принести не могло, но... Наблюдая, как Маша нетерпеливо переходит от одной кухонной машины к другой и гладит их чуть дрожащими пальцами, он понял: хотят они или нет, а решить вопрос с электричеством им придется. И как можно раньше. Жизнь заставит... в лице их же собственных подруг.

У него мелькнула мысль перенести сюда котлопункт и склад продовольствия, но нет – не в красоте дело. Кухня Зинаиды была расположена гораздо удачней, да и троллейбус – его часть – уже был приспособлен под склад; но вот запасы здешней домохозяйки! Он открыл очередную дверцу гарнитура, и на него едва не посыпались пакеты специй в ярких упаковках; за ними теснились пачки с листовым чаем и натуральным кофе; банки с растворимым кофе и еще с чем-то.

– Однако, – подумал он, открывая дверцу холодильника – правую, более широкую; рядом белела глянец еще одна, поуже, скрывавшая за собой морозильную камеру, – какие у хозяев вкусы были разносторонние. А главное нрав был хомячий. Оказывается и от кризиса может быть какая-то польза! По крайней мере, для нас польза явная. Интересно, кто же это к нам с таким «багажом» пожаловал?

Холодильник тоже был полон; морозилка битком набита пакетами с мясом, на которые Валерий взглянул со вполне понятным равнодушием – своего некуда девать. Тем более оно скоро потечет на таком пекле.

Все это нужно было переносить на хранение, сортировать; Ильин, а вслед за ним и Мария вышли за дверь, чтобы позвать Иру со Светой, но те уже и так были рядом – запыхавшиеся и раскрасневшиеся, скользкие взглядами по развалинам в поисках начальника. Увидев его, они вцепились в рукава его рубашки, в которой он щеголял, сняв еще утром куртку, а затем и костюм.

– Валерий Николаевич... Валера, – наперебой закричали они, – там еще один! Еще один мальчик! Совсем маленький, – Света, не наклоняясь, опустила ладонь книзу, остановив ее где-то в метре от пола.

– Ну не такой уж и маленький, – на бегу подумал Валерий.

Совсем скоро он был у раскопа, законченного рядом с кухней Егоровой. Подкоп был на удивление ровным; даже кучи земли, вынутые из него, были уложены двумя аккуратными валами по обе стороны образовавшегося прохода в подземный этаж кухни. Вниз – к распахнутому внутрь пластиковому окну вели ступени практически одинаковой высоты.

Создатели этого великолепия стояли рядом, явно гордясь своим «подвигом». От одного из них, а может и от обоих сразу ощутимо несло чем-то необыкновенно вкусным, напомнившим Ильину далекое детство. Еще более сильно пахло тем же самым из окна, и он, поощрительно улыбнувшись двум Сергеям, нырнул вглубь.

Аккуратно перешагнув через низкую батарею, он оказался в кухне – копии той, что была наверху. Только высота подкачала. Со своим ростом метр семьдесят шесть он едва не задевал потолок. Пол тоже был иным, песчаным. На нем, урезанные сантиметром на тридцать-сорок, стояли обычные предметы кухонного обихода – короткий холодильник, еще более короткие шкафы и газовая плита, на которой стояла сковорода с недожаренными пирожками. Их запах был повсюду; особенно вкусно (и красиво – как на выставке) было в огромной фарфоровой чашке посреди стола, заполненной пирожками наполовину.

Ильин машинально взял верхний, откусил сразу половину и замычал от удовольствия:

– М-м-м..., вкусно... А где мальчик? – это он обратился к Зинаиде, сидевшей у стола на низеньком стуле, ножки которого были отрезаны на те же сантиметры. Коленки девушки смешно торчали почти до самого подбородка; сама она была непривычно грустной, даже глаза – показалось Валерию – были заплаканными.

– Цел мальчик, цел... На этом самом стуле сидел. А когда Настя, его бабушка, из кухни зачем-то вышла, все и приключилось. Я ведь ее хорошо знала – соседка все-таки. Частенько на лавочке сидели у подъезда. Да, – она подняла к Ильину действительно заплаканные глаза, – косточки перемывали прохожим, было дело. И мальчика ее знала, внучка Васю.

– Чего же он не кричал-то, помощь не звал? – Валера отвел взгляд от заревавшего лица и уставился на вентиляционное отверстие, прикидывая, на сколько бы хватило воздуха в подземной кухне, не будь здесь этого пережитка брежневских времен.

В той, современной кухне с системой принудительной вентиляции мальчик под землей мог бы помощи и не дожидаться. Он вдруг не к месту подумал, что и там есть подземный этаж, может быть такой же роскошный. Однако окажись там люди, никаких шансов на спасение у них бы не было – не из-за вентиляции, а по причине высоких потолков в том доме.

– А он уснул, сразу уснул прямо за столом – еще бы, столько пирожков за раз скушал!..

Валерий не был бы столь категоричен; он вспомнил масляные губы землекопов и покачал головой, усмехаясь – он и сам, не заметив как, приканчивал уже пятый или шестой: пироги с мясом (один попался с яйцом и зеленым луком) так и таяли во рту.

А Зинаида продолжила:

– Его ребята и разбудили. А он сразу в туалет попросился. Чистоплотный какой мальчик, не то что некоторые...

Наверху, на поверхности меж тем раздался звонкий мальчишеский голос:

– А где моя бабушка? – и сразу же, без перерыва, – ой, собачки, можно я их поглажу?

Валерий поспешил наверх, вслед за сорвавшейся с места Егоровой, не забыв прихватить миску с пирожками.

Собаки – овчарки Белка и Стрелка – действительно сидели рядышком, явно привлеченные запахами. Если бы Ильин не видел собственными глазами, какую порцию потрохов, или чего там еще, от дикой свиньи сожрали эти животные, он бы не сомневался, что бедных зверей совсем заморили голодом – так стремительно они перевели свои вытянутые морды от мальчика. Точнее, от мальчиков – потому что перед ними рядом со светловолосым Васей стоял Юра, внук Валерия с Ларисой – на миску в руках парня.

– Держите, – Ильин вручил мальчишкам по пирожку, и сунул миску кому-то из девушек, – угощай всех.

И опять он не стал погонять всех на рабочие места; он чувствовал, как общие заботы, а более того – «общие» дети – сближают людей. Потому он даже несколько удивился, когда к нему подступили сначала оба парня с лопатами, а затем и бывшие супруги с новыми подружками. Как оказалось, девушки справились еще быстрее ребят. И даже тело мотоциклиста сами унесли к другим жертвам. Их решительные лица с продолжающими дожевывать пирожки челюстями словно говорили известное: «Нам хлеба не надо – работу давайте!».

А Валере работы не было жалко. Он еще раз переспросил Гурьянову с Орловой, действительно ли они окончили медицинское училище, получил от обеих по утвердительному кивку, и повел всю компанию к мертвому махайроду.

– Вот, – показал он на тушу зверя нарочито грустно, – пропадет ведь шкура. А он может быть последний на земле.

– Прогнуться хочешь перед подполковником? – подколола его бывшая.

– А че нет-то? Хороший мужик, спас нас всех, а мы ему даже спасибо не сказали. Пусть вот трофей на стенку повесит. Вот вы, девчата, шкуру и снимите, вместе с головой, а уж как обработать, вместе подумаем.

– А инструмент?

– У Зины найдете.

У туши остались две девушки, а остальные направились к стене, над которой скулал в одиночестве Дубов. Валерий обогнал всех, метнувшись к гаражу с инструментами. Штыковых лопат там больше не оказалось, и он вернулся с двумя совковыми марки БСЛ – 2015, или какой сейчас у них год? Лопаты тоже были добротно насажены на гладкие, без единой занозы черенки и Валерий тут же вручил одну Благолепову, отобрав штыковую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.